

Граничная веригой плоть

Надрывом кончила свой кашель:

На собеседовании, казалось, хрупкая, беззащитная облачением своим не обманчивым, но недоговаривающим девушка младше меня примерно лет на десять или даже более задала достаточно, как мне стало, неуместный и недолжный личный вопрос, причём я вовсе не давал косвенного повода усомниться в этом или в, видимо, необходимой для достижения одного в представлениях этого субъекта моей социализированности собственной случайной бусенью: во внешности и частично передающем внутренность разговоре нельзя было разглядеть зыбкой гатью вычурную неуверенность или боязнь перед девушкой-реуном: в конце концов, он не обязателен исключительно с дамой или с согласившимся на это не ради денег или всего иного, что для другого перекроет нежелательные особенности всё же выдающегося фуксом или нет чем-то скажённому, человеком: но она была права: на работу меня всё-таки не приняли: не думается, что она практиковала любого рода ворожбу, хотя хотелось бы верить; я иду по новой, стихокропательной рудой разливающейся по пружным шумным оливковым пространствам шиповидных греховных церок дороге: новой не по факту недавнего завершения своего строительства, а по явлению моего единственного присутствия здесь: вероятно, в близких этому местах я и без того происхожу редко, да сейчас же необычность воплотилась в двуслойно явившемся намёте: по размывающимся иллюзорной периферией бокам от меня виден едва белеющий на бледно-зелёном сейчас солнце покрашенный бордюр паскудой благоустройства привычных территорий: обыкновенно он оставлен воле естественных временных изменений, здесь озираясь своим отблеском в весело сомкнутых глазах оглядывающих на него гирловых детей: в расположенном слева от меня элементе урбанистического удобства видна нанесённая розовым мелом надпись размашистого письма и рисования, как раз и привлекающая внимание проходящих подле меня детей, разглядеть которую я, увы, не смог, да и не сильно отчего-то хотелось: утончал я взгляд будто лишь на присных лицах этих честных по факту существа своего детей: один был слегка смуглым, со свисающим фундаментом жирной небрежной разметки родинками под лишёнными усталости и ложного домысла голубыми глазами, а чёрные волосы, очевидно, твердым кумганом обыкновенно противятся контакту со столь дерзновенно позволяющей действовать на третичное расчёской, вряд ли ближайший месяц повлиявшей на весьма длинные его острые пряди, бобчатых веснушек нос его вздёрнут и содержит небольшую ранку с засохшей оранжеватой, прозрачием лёгким обращающей к тому же светящемуся небу кровью, литые щёки его по-детски надуты, они призывно для иных ровесников демонстрируют здоровые

блеск и румянец, а доверительно оголённые улыбкой кривые зубы показывают видный и с отдалённого халатного рассмотрения желтоватый рельефный налёт и болезно для увидевших это прилипший кусок то ли огурца, то ли зелёного перца, по крайней мере, мне показалось именно так, и разумное оспаривание моего предположения стало бы непрошеным преломлением интересов моих и разговаривающих со мною: другой мальчик стал почти полной академической противоположностью своего товарища: он был мироедно более редким блондином с хлипкой неровной выющейся чёлкой, зубы его предстали только при кульминационном единожды озвучивании им по поводу этой надписи, скорее всего, сделанной или оным, или его знакомым, думается, содержащей близкую ему определённую информацию, шутки, были они безупречно лилейны, но очень редко воплощали свой условленный граничем человека эстетический потенциал, суженные глаза его карие, а щёки будто поневоле втянуты, что особенно странно себя показало во время этой недолговечной бонтонной улыбки: тонкая, изящная кожа натянулась, показав ямочки с невероятно острыми для его возраста скулами и точными складками при мимической артикуляции возле, он быстро сменил выражение радости и по-канцеляристски стал философически серьёзен, положив руку на левое плечо загорелого друга: после этого я с ними больше никогда в жизни не встречался; схилившийся асфальт с редкими вытоптанymi местами цвета речного перламутра выложен криво: часто выделяются незначительные и иные впадинки, а иногда и полноценные, позволяющие велосипедисту подарить абстрактно осмысленное наслаждение, в эмпирическом же суровии оказывающееся строгим к тебе несладким участком критической опасности, трамплина глубокие углубления, почему и не советуется преминуть лишним близоруким опусканием головы; из некоторых апрошенных случайных выбоин растут стёртые неробкими человеческими ногами, невнимательной грубой обувью яркие травинки или даже прекрасные блёклые цветки, а может встретиться и смиренно следующий зову своей внутренней, не могущей реализовывать плоды противного его неземной динамике греха естественной воли дождевой червь: кажется, ближайшую неделю дождей вовсе не было, да и температура сейчас беспощадна к его виду, а он всё продолжает куда-то мужественным гигантским небокругом моего существа цвета волшебного жёлтого ползти: за этим внимательным смотрением хотелось даже неспешно присесть и подольше понаблюдать за его элегантным, вырывающим из меня телесное и оставляющим лишь благостное аонидово следствие движением, но кто-то его, не обратив на то и инертно повернувшегося в сторону разрушенного занятого взора делового долгомыслия, отстранённо раздавил; это была девушка, видимо, куда-то очень спешащая: туфли её злодейски остры и яркие, их оглушающий звоном сквозь обречённую безнадёжной, лишённой иных содержаний тенью тишину стук ударял по стенающим страданием воли ушам моим, однако цвета и вообще каких-либо других

отличительных черт в её внешности и нераскрытом нутре с чревом я не увидел: она шла очень быстро: возможно, лежал бы я сейчас здесь, она с той же скептичностью к находящемуся вокруг и воображаемой рациональной трезвостью раздавила б мои расплзшиеся недостойным векошником внутренние органы и вполне заслужившие того внешние тела, не удосужившись и убрать с высокого тёмного каблука густую бисмаркофуриозную кровь и оставленные от стянувшегося неаттической рваной дырой жирного кишечника неоднородные нечистоты изушным по своему основанию аллюром: она просто продолжит идти, и когда-нибудь колоссальные ороговевшие наросты уничтоженной вонючей плоти будут возвышать её надо всеми остальными, над занявшимися некогда делом осмысленным и самоотверженным гаерами, коли они видны ещё замыленным неверием и плотью буркалам опошленного нестрадания: я не держал на неё теоретической, обезличенной в православной благодати вражды, ведь, вероятно, эта трезвость тоже в какой-то мере представляет единственно возможный вариант воплощения её интенции оскудневшего крапивного семени, как и у этого превосходного верженного червя тицианового оттенка, зачем-то и куда-то поползшим в знойный жестокий летний день, всем своим умерщвлением его воплощения подавляющим потенцию продолжать безрадостное, и молчаливым обезболиванием не смилившееся с ним фактом изначального определения бытия: красивая, окрашенная благотворной гордостью изящная плоть его казалась уже в хорошем смысле человеческой, столько уж близкого я в нём за благоверными деяниями обнаружил, и те же представленные раздробленными бутонами нежные внутренности его, с изрядными интимными организациями гулко распластавшиеся почти по всей горизонтали движения подобных пространств, и склонённый от забобонщины замечательный упругий череп его, к которому я ещё дерзновенно в глупом сомнении не примкнул, уже начиная безглагольный монолог о том, что знавал этого миловидного червя когда-то, и взрачные лёгкие цвета закатного золота, и благородную, брандером нагруженную молитвой печень его, и даже искусно высеченная сдавшимся пред благодатью владельца своего телом бедренная кость воспаряли сейчас над этим миром в обезображенной человеческим смрадом кашеобразной смеси, ещё продолжавшей своё смелое движение и непрекращающееся стремление: у него ещё есть шанс на осуществление своего филигранно продуманного неочевидным желательного плана, ведь он так отчаянно, особленно пошёл навстречу страданиям, будто и не было в его цели места жизни, будто за добродетелью полностью он запомнил о своей пошлости: это недомыслие он отбросил за великим порывом, он не хотел, подобно наступившей на него грязной женщине, в очередной раз замкнуть очередной цикл кумулятивно обогащающего мироздание рвотной вонью янтарных частичек действия: он не накапливает, он уже свершил почти всё задуманное: всё, кроме жизни: он успел во всём, кроме того, чтобы ощутить себя близким

концу в роскоши скрытых от него веществованием лучей, впрочем, он и не жил ранее: всё это было весьма весело и интригующе, но не более: только под испепеляющими буквально всё его склизкое существо угрозами ему сумелось ощутить стянутое от него собственным же нежеланием рассмотреть его естество: никто не отговаривал его, однако никто и не говорил о существовании этого прекрасия: они только отмалчивались, понимая при признании красоты сбитого их представлениями мрака воплощение и продолжение самой жалкой после того судьбы в этом осознании, и только он решился на это: оно не было самоубийством или отчаянным всхлипом усталого безумия: он прекрасно осознавал эти лучи, которые не были конспирологическими разоблачениями или какими-либо духовными практиками: этот тринк был всем знаком с детства, хотя, опять же, все от него за знаменующим материальную нужду криком пеуна отrekliсь: все позабыли о необходимой доброте и заботе о ближнем за отсутствием требования оных, причём он же, кажется, и был тем, кто нарушил эти заповеди более остальных, только он решился на действие, остальные же продолжили влачить свои недостаточно осмелевшие для существования слабостные силы в осознании греховности: частично, как они мыслят, потому незначительной: в нынешней бытийности нельзя без того, слишком много могущих потребовать уступить зловонное, смердящее затхлой потной сыростью неудобное место, что после всё же остаётся за еле согрешившим праведным водителем своих рациональных прав, или искусить редкой возможностью проехать безбилетным за беспялым зрительством движимых уставших подкоморих скудных транспортных артерий, оттого мелочный даже в их, как им кажется, строгом, немотствовавшем от аскетической нежелательной гордости определении грех мой с лёгкостью прощается, и для допровинного воскресшего червя ситуация непопадания в обокружные христианской благостью Елисейские луга явилась, что стало результатом прекрасной мысли остальных осуждающих, причиной такого дерзкого выпада: он просто хотел ощутить жизнь, ту, которая лишена собственных придинок и отказов от слова, ту, что была всего лишь пред лиловым кордом выгоды, то, проще чего, кажется, и нет, однако оно беззаветно упущено сальным спинами проходящих мимо куцупого олихогетового любомудрия цвета шарлаха: он, как и его товарищи, канет по условному факту периферийной смерти в истёртую ализариновой страстью лутошливую бездну Кокура, они будут истязаемы гадкими, тяжкими, не дающими власть привыкнуть к усиливающейся каждое мгновение снедающей невероятной боли чудовищным пытками, но только он поймёт, за что был так страшно истязаем: за отказ от действительно прекрасного, приносящего за избавлением от телес исключительно лёгкий, удерживающий всё бремя человеческое гасник; находящиеся напротив друг друга шатровидные кроны две белого тополя пристально наблюдают за моими дальнейшими, лишёнными линейности и внешней безболезненности действиями: я, не изменяя положения

вспотевших ног, что даётся с некоторой сложностью, бравурно выпрямляюсь и упоённо смотрю на растекающееся бело-голубыми небрежными понитками и аккуратными, не выходящими за рамы обозначенной ограниченности касиями цвета лёгкого лотуса нежное небо: хрупкая, обозлённая резкой сменой смотревшего ранее только на человеческую тьму и нечервивую истинность взгляда сетчатка едва обжигается, но сквозь слабую золотистую пелену я могу рассмотреть порывистую на движениях и робости взгляда запрясельную ткань синего цвета новорождённого: я сдвигаю отвердевшие затёкшие стопы в старой, потрескавшейся частыми краями своими в доблие острые обесцвеченные обрывки обуви и выравниваюсь в коленях с характерным приглушённым хрустом, не оглядываясь на почившего бесславной безрайской гибелью червя и продолжая своё дуновенное легкомысленное движение: по имоверному тяжкой контрибуцией прорастающего греха порукой злобоносного аркана грозному пути мне встречались представители самых различных дифференциаций поверхностных, изуродованных краской реальности тонов, однако на них я уже не обращал внимания: я устал, крупные, нависшие пудовым пузом ослабленной неспособности повлиять на неприглядное облое и уж точно внутреннее, выдержавшее проверку волей, но сомкнувшееся пред жалкой слабостью моей генетической, пред обычной человеческой онтологией звёздно-белого цвета радужных глорий круги под временно ослеплёнными светом глазами словно начали тянуть за собой всю невеликую часть оставленного выше слабосильного тела, а вольготно гаерствующие неспешным дилижансом блестящие волосы стали мучительно показывать обрисованный маловажным существом скальп, который мне вдруг хотелось звероподобно вырвать и жадно съесть, дабы хоть таким восстановлением спасти свой греховный комфорт на несколько минут, после потребующих вновь повторить разъедающую быт мой ужасную, весёлым голубцом проскакивающую сквозь натуральность процедуру: самым неприглядным в этом является долгое, неприятное своей длительностью жевание спутывающихся в некрупных межзубных областностях волос: они партесно в своём безумном множестве застревают в горле, а иногда и надрывно попадают в узкую, обожжённую острым шевелением носоглотку, пытаюсь жестокой расстановкой убить удовлетворяющего такую неприглядную блажь неудачной силы хозяина, да я не сдаюсь: шипящее искрами физических страданий широкое горло обильно кровоточит шлёпающимися пятнами густейшей тёмной жижи, и уже медленно приходится сблёвывать накопившийся еле вылетающими за грань моего телесного ограничения малыми нечистотами кислый желудочный сок, щедро разбавленный вязкой, кункатором сливающейся с меня унылыми тихими стопами кровью, пытаюсь иссохшими губами отделить сальные волосы от этой неприятной, объединяющей локоны клубами напряжённых тошнотных кулачков смеси: ничего не получается: вместе с рвотой вываливаются куски прожёванной, извивающейся под

давлением жидким проворным гадом кожи, отчего остаётся только подбирать царапающимися о шероховатый наждачный асфальт пальцами всё вышедшее из меня, потом слизывая каждый важный кусочек потенциальной провизии с гибких пальцев поочерёдно: дело свершено, но новый скальп не возрастает, и приходится снова и снова слизывать кровавые лужицы, только через год или его титаническую пару осознав категорическую бесполезность происходящего: вероятно, нужно не слизывать, а первостатейно поглощать непреклонно расположившийся подле меня зазнобой гигантизма собственной твердыни аспидный нефтепродукт или даже послушно находящееся под ним на протяжении долгих, измученных лёгкой многоочитой беззаботностью лет: за все эти мгновения нетягостного ожидания, кажется, густая плоть моя впиталась уже не только в определяемое лишь визуально: я с криченой ровностью неспешно съел всю уложенную нежным совлечением узкую тропинку, потом инертно проглотив некогда крепко расстилающую её отвлечённую землю, после жидким кушаньем впитав все монструозно разлёгшиеся на незащитных ровных ландшафтах крупные городские здания и незначительные, просто падающие в жизнь мою парящими из лёгости своей крошками постройки и призывно пищавших над титантизмом шокированных слабых людей, и под конец я быстро всосал в себя весь шипящий пустотой воздух, тоже могущий определить назначение моего потерянного, случайно отлетевшего поодаль скрытной ровдугой немаловажного скальпа, и проглотил я весь прогнозируемый эфир, да только не было обнаружено истины и сокровенного: видимо, мне нет спасенья: я продолжаю прилежно идти по скромной тропинке, уже не наблюдая за занятыми своими делами людьми: все они проносятся мимо меня и внешнего серьёзно и задумчиво: наверное, они что-то знают: я переступаю через длинную систему ступеней и подхожу к небольшому, черноризцем оставленному посреди иных неухоженных пространств воплощением прекрасного районному пруду словутной красоты: вокруг него весело бегают пытающиеся покормить ещё сомневающихся, пока еле решающихся подлетать к немассивным представителям иногда враждебного вида ворон дети: умозрительно рассматривающие окружение и анализирующие расположение человека восхитительные птицы держатся весьма осторожно, но далеко не стеснительно: теперь статные массивные клювы их несколько нелепым образом накапливают всё большее количество предлагаемого им хлеба, почему вставшие в небольшой кружок дети и смеются, прося своих отдалённо наблюдающих за безобидной процессией родителей купить новых, уже должных накормить всех оставшихся существ около этого пруда буханок: они же, занятые своими относительно серьёзными разговорами, пытаются мило отнекиваться, получая в ответ манипулятивный, разверзающийся только уплощающейся тихой тьмой обесцвеченного адекватия плачь детей и привлекающие других взрослых крики: только теперь они стали внимательнее к своему то ли злобно манипулирующему ради удовлетворения желания

поиграть с идущими в обмен на еду на уступки теплокровными, то ли к честно решившему продлить или улучшить жизни врановых чаду: перед тем, как я прошёл мимо места, где разбрасывали купленный хлеб, они почти вплотную ко мне пронеслись с сильной отдачей дерзновенно играющего моим вниманием хитрого ипокрита прохладного ветра, подувшего мне в натянутое несмытым потом отяжелевшее, стянувшее окружающей, едва выделяющей мои светлые, только слегка переходящие в эти позорные тёмные осадочности очерняющего пята мои несмываемым стыдом очертание мгой лицо: он заставил слегка прищуриться и благодаря тому дал разглядеть медленно плывущего по этому незначительного размера ухоженному водоёму едва шевелящимся неверещатым пятном широковыного селезня: он отблеском майского жука только двигался вперёд без какого-либо внимания к окружающим, и отделённость его от внешнего напомнила о том же необходимом подобии, что я, видимо упустил из условной нужды требуемого: дома меня всё ещё ждёт мой четырнадцатилетний сын: я, отказываясь уподобляться проходящим возле меня благодушным людям, не продолжаю более двигаться в никуда, подобностью этой кряквы лба цвета оливкового венка не направляя себя в спектр собственно значимого вектора, хотя и у него он заключён скорее в спокойной светлой изоляции от нежелательных чувств, когда я нацелен на обратное втягивание добра и негреха извне: я не животное, по крайней мере, если уверенно скажу подобное и притворюсь таковым, меня за неуверенной молчаливостью не засмеют: я должен продолжать изображать что-то и не прерывать своё притворство: легитимно же его не пытаться моим обёрнутым страхом и негативным страданием паньногим нутром лишь по явлению безумия или предсмертной агонии, однако до этого ещё относительно долго: я должен продолжать притворяться: я занимался этим с самого размытого наслаивающейся ложью трёх правдивостей детства, когда родители интересовались доставляющими мне удовольствие вещами: ты молодец, ты храбр, у тебя хватило решимости, чтобы преминуть своими принципами и желаниями: тогда это было столь незначительно: неизменно грызущая меня мелкой беспятной тварью непрерывная болезнь, мрежем ограничивающая любое радостное движение, постоянную тошноту и желание сильнее отдалиться от иступлённо выбрасывающегося предпочтительным представлением: я им верю: я уже дошёл до стоящей перпендикулярным моему дому явлением крупной затемнённой придворне коричневой сепии: в ней извилисто веет слабым молчаливым хладом, и фуксом встал я посередине: лёгкая заверть свежо обдувала мои расширенные запахом летней пыли ноздри и мельтешащие прозрачием недлинные волосы, только ослабленные долгим бездействием руки мои будто ничего не ощущали, бесцельно расставляя напрягающиеся углубляющимися складками пальцы всё шире и шире: некоторые вихри закручивались, заставляя отдалиться мягким затылком чуть дальше от плотной поверхности иссушённой горячей земли, здесь темнотно оголённой сразу

в нескольких местах от взрытой играющими детьми, воспалёнными энтузиазмом безработными и выпивохами линейной кладки: все эти субъекты старались несколько преломить типичный ход обставленных высшей желательностью вещей, так и не поняв свою незаурядность: не будь они так ничтожны, последовательность им показалась бы прекрасной, достойной недостающей ранее мощной слезы искреннего восхищения, однако они продолжают свои дестабилизирующие, конкретно инфантильные в случайном неосязании природы существа деяния: лишённые трезвого дети просто разламывают найденными неподалёку острыми камнями подобия адоба с радостными, насыщенными ложным наслаждением криками, а их уставшие от необходимости что-то делать безвольные надзиратели не ощущают за собой вины: действуют они так только из соображения о дозволенности незапрещённого, полагаясь на одну лишь удачу и субъективную оценочность появляющихся здесь изредка надзирателей и хозяев: безработные: бонтонного облика обыкновенный ребёнок разделит инсургентом взбесившийся своенравным камнем влажный кирпич, о пустяковых размерах крошку которого пьяный отец, начав с разъедающим словно и несколько неплохим образом жаром доказывать своё преимущество перед хитрым материалом едкого настроения, нелепо споткнётся: жене он похвастается своей могучей, способной уложить гниющей в недвижимой, притягивающей обожжённой глины искре гурьбой ещё столько же преступных группировок, что и получившие сегодня свою тяжеловесную отместку, силой, а во время неграмотного обливания ран едким, снова неуместно выставленным создателем в плоти прекрасного неосквернения спиртом женой он: чтобы заживало быстрее: после, в порыве честной страсти обозначившись вновь ожидающим степенной, прикладывающей к себе расслабленную голову уставшего собрата благой еланью ребёнком: бездомные рушат наспех устроенные городские укрепления, дабы вызывать больше жалости: выглядят они более человечно из всех этих меньшинств, хотя и условно опасные деструктивные намерения их слишком очевидны: конкретно готовность ранить и разрушить мотивируется только грубо, соматически, но не это в ней обозначает большую человечность, а определённое принятие: они стали, как и следовало быть, вольны: принимают отдалённую от естественной божественной свободы нуждающегося в молитве данность только подобные индивиды: моя развевающаяся сталистой тяжестью штанина по проявившей себя лишь из моих неповоротливых движений под влиянием ветра случайной инициативе кого-то касается: отвлечённый лик мой мимоходом обратился к сидящему с пустым стаканом объекту подворотни: у покамест бесполого существа сохранился лишь оборванный в трёх местах заскорузлый тапок без соединяющего подошву и крепёж сверху элемента, засохшие от различных жидкостей и смесей христараднически, ненужно нависшие над смрадными воздушными пространствами заострёнными ногавками бордовые джинсы имеют очевидные внешние дефекты и, вероятно, оставленные от выделений пятна,

неудобная нынешней погоде жаркая зимняя куртка, справедливости ради, потерявшая значительную часть своего содержимого, хотя ещё источающая едва ли не паром знойную дымку несвежего зловония, идентично всем оставшимся одежаниям надета на голое, скатывающее окружающую грязь на внешности своей дисциплинированным мягким ветошником тело масляного цвета с выпирающими неестественно извивающимися непоследовательными волнами рёбрами и обнажающим вполне хорошо развитые мышцы и редкие чёрные волосы, на себя ответственно обратившие, кажется, покладистые внешнему воздействию дольные остатки рвотных излияний цвета тосканского солнца, животом не без оговорок по поводу неких изъянов, один из которых вовсе заставляет увидеть слегка облысевшую усохшую голову выглядывающей за теснотой их симбиотического уединения мёртвой крысы, думается, помещённую туда для удачи или какого-либо иного действия сакрального толка, впрочем, меня не так уж и интересующего, причём оправдались предположения насчёт пола данного уже субъекта: широкий ареол левой груди слегка выглядывал и вполне однозначно подчёркивал лёгкую складку чуть ниже, однако нисколько принадлежность к позволяющей говорить о наличии неких физиологических особенностей категории не уточнялась лицом расположившейся женщины: наполовину оно было очернено то ли приставшей нодьяной гарью сальной землёй, то ли некой вязкой, уже застывшей умбровым слизняком жидкостью или даже слегка растаявшей под давлением массой, оставшаяся часть вызывающим шаром, облегчающим кичнем восторгающихся вокруг поверхностей собственной условной нестандартностью опухла и лениво кровоточила: густые, облепленные натяжением плотной ткани капли падали нерегулярно, но математическую закономерность мне увидеть всё-таки смогло: сперва лениво шлёпается небольшого объёма кривоватая сфера из едва разбавленной с мутным, сероватым своим наливом, смешивающимся во внутренний игривый водомёт потом крови, по прошествии падения пробегающей резвым клеветом половины минуты ещё одной, уже успевшей последовательно налиться и жирно упасть на сливающееся вбок подле расстегнутой необозримым эгреттом ширинки вшивое пятно кляксы последним этапом повторяющегося цикла становится протянувшаяся ниже примерно через четырнадцать, почти как и начинающая новый круг через девять сфера, секунд маслянистая шелковинка: во время наблюдений научного интереса женщина всё же обратила на меня внимание, видимо, только сейчас еле очнувшись, и удивителен факт её способности удерживать сосуд для подаяния протянутой рукой и во время сна, хотя восхищение её навыками было перебито несардоническим несвязным говором: только по интонации можно дерзнуть восстановить авторскую идею: сперва она около минуты говорила о своей неблаголепно сложившейся остатним убытком жизни, почти мгновенно переключившись на, как ей показалось, справедливые для её уст сентенции насчёт чего-то бытового, чего-то, что

чаще ускользает от занятых делом людей, и даже было бы мне интересно продолжить слушать её наставления, но в слегка воспалённом за нежелательно возбуждённом по моей произвольной, залаявшей грандиозность собственную на основании неспособности продолжать влачить приемлемое существо вне ненависти по отношению к ближнему иронии апломбом сокрытом любопытстве воле нужно идти к сыну: я аккуратно положил еле мятую пятидесятирублёвую купюру в одноразовый стакан расширенной практичности, увидев на остановившем рассказ расплывающемся лице её блаженный, не могущий более никак номинироваться оскал, и совершил я только несколько неточно удлинивших мой ранее согнутый позвоночник шагов в нужную сторону, неожиданно прервавшись на невозможность пошевелить опорной правой ногой: повернувшись, я вник в нежелание терять потенциального спонсора со стороны субъекта в выбивающихся стилистически шапках двух, что почему-то было мною упущено ранее: нижняя, особо сильно нависшая над закрытым опухшей фиолетово-красно-коричневой рябой плотью конъюктивным глазом не имела рисунка и была, вероятнее всего, связана вручную, отчего можно было бы даже с лишённой издевательской насмешки радостью похвалить её щедровитую владелицу за воплощение творческих интенций в случае определения тождества хозяйки и создательницы одного предмета, верхняя же была подобна детской, её условно банальный, не обособляющийся от иных определённой уникальностью простой зелёный рисунок, включающий в себя на бонвиванной, очерченной пошлыми категориями эмпирике обычные скейтборд и компьютерную мышь, выделялся на общем тёмном фоне, а воспалённые глаза смотрящей на меня представительницы прекрасного пола стали похожи более на звериные, хотя и видел я лишь один: он болезненно во всех аспектах страдал ещё и от катаракты: хотелось бы и помочь, ведь, возможно, у неё уже и нет путей отступления к сытой и честной жизни, но я смог только отдёргнуть ногу и спешно совершить несколько ретирующих движений, в отсутствие которых вновь пришлось бы неподходяще соединиться с ней механической инерцией: она начала залиvisto рюмить, высмаркиваясь себе из-за насловистого глаголя, уплывающего в расстроенную язвой звероподобной даль, миня неровной опухолью в призывно открытый рот и даже иногда издавая выдающиеся громкие звуки близких к воплощению своему тягостных рвотных позывов, тогда препятственно оголили её правую ногу частично отвердевшие тугие джинсы и сделали частью всеобщего обозрения спелый, разливающийся над холмиками обезображенных толик взъерошенной воспалением сальной плотью гнойный нарыв и кровавые следы с силой расчёсанных нагноений, думается, это последствие методичного выпайвания себя продающимися оптом антисептиками: подобные ей без тени претензии на собственную неблагонравность крадут и после хорошо защищённой за голодным, паганным в тождестве её бескомпромиссного рычания фортецией закладывают сворованное, покупая на вырученные

деньги сразу несколько литров безакцизного спирта: хватает на неделю или примерно пять дней: если постараться не быть избитым перед осуществлением этого своими товарищами или жертвами несправедливости: жертвам эти деньги не нужны, да и сворованное они не смогут такими грошами выкупить, однако вполне сможет текавым влечением к инородному потешить самолюбие восторжествовавшей справедливостью: она продолжила вопить, проклиная меня всё той же обценной, сокрытой от меня за специфической артикуляцией семантикой лексикой: развернувшись, я продолжал легковесный шаг теперь очень медленно, не желая нагло поглумиться, но снова осуждая себя за скрытое под неспособностью нежелание помочь нуждающемуся: сын мой, наверное, был бы этим ошеломлён, да и у меня, уверен, она бы своровала всё поддающееся этому действию в парализующие, сохраняющие здоровье с материальным благополучием чувства мгновения слабости пред таковым страданием, да нельзя сказать за сим, будто я абсолютно не могу поспособствовать началу её новой, благораствореньем облегчающую окружающим судьбы упрощением страшного жизни: просто не хочу, и потенциальные физические или умственные с психическими траты не так сильно меня колеблют, как могущая появиться у человека привязанность ко мне: это словно наиболее тяжким грузом насаждает на мою жалкую, давно отказавшегося от схожего вне взаимодействия с сыном главного, говорит и напоминает обо мне: только о себе я слышать не хочу более, чем о ком-либо ещё: только ненависть к себе позволяет закрыть глаза на невыносимую несправедливость к окружающим: только моя мразь способна защитить меня от убийства, и доведена она была до едва ли достижимого апогея, отчего оное свершится только в колоссальном перевесе человеческого греха: только тогда уже невозможно будет не совершить этого, только тогда я прекращу своё существо: скрытая своим же луном интеллигибельность моя едкой, пропитанной гигантизмом падалью узкой воронкой создаёт идеальную акрасию, ту, что уже сейчас я невольно принимаю, однако совершенство её слишком отдалило неистинную правду от реальной сензитивности: я уже повернул собственные искры от глызных остановок подготовленные тела, как к моим производящим еле заметный уверенный импульс ногам прилетели две двадцатирублёвые монеты: похоже, это единственно находящиеся в её распоряжении тяжёлые снаряды: я со скорбно оттеснёнными книзу уголками подсохших губ оглянулся и впервые торопливо продолжил освещённый тенистой бездной непроглядных черовидных стечений путь к дому; к привычно обитому удушливым мраком и приятной навязчивой запоминаемостью подъезду подходят мои стёгна уже чрезвычайно уставшими: несмотря на былую готовность к свершению великих походов, более воли осталось лишь на скорее обозначающую обратную способность компанию моего любимого сына: туповато опухшими пухлыми венами и заострёнными вросшими косточками я поднимаюсь на этот незначительный жалкий подступ к очередному

засилью невежественного элемента жизненного уклада: краем глаза я подмечаю упущенного из вида дедушку, чаще просто сидящего здесь и никак последнее время не взаимодействующего с оставшимися жителями подъезда и района вообще, дондеже тот не схватывает на себе незаинтересованные взгляды проходящих, вероятно, и интересующих его в какой-то особенной мере, однако он не считает себя равным им, потому только ожидая встречной реплики, которую не может получить уже очень долгое, несправедливо изношенное туповатым отказом время, и мучительная коленная дрожь его выдаёт уже нежелание далее бороться за известное всем вокруг желание, мечту, обречённую свершиться исключительно по факту его смерти: только тогда некто удосужится прочитать так усердно вкладываемые в дверные проёмы листовки ручного писания: стихи, произведения жанров малой и более объёмной прозы в индивидуальном осуществлении могли бы бытовать в умах жителей доступных больным ногам старика первых трёх этажей, но никто его уникально выверенные дешёвой ручкой толстого, заставляющего надавливать поражёнными артритом пальцами значительно сильнее шарика работы не читал, а иногда приходилось видеть их и в небрежном только разгорающимися ещё сигаретными окурками мусорном ведре сразу подле домофона с еле подпалённой боковой стороной, видимо, слишком уж пунктуальная сущность одарённых с утра таким неуместным вырождением искусства была опьянена несправедливым и мучительным бытом, и старательно этот дедушка вылавливал среди гноящихся, сгорающих в уже потушенной брызгами чуть раскрученной, случайно выпавшей бутылки с принадлежащей изначально будущей прогулке водой угарной дымке масс свои рукописи и вычищал их только более размывающим некачественные чернила носовым платком, находящимся реже аккуратно сложенным в его кармане всегда идеально чистого выглаженного пиджака: в остальное же время он просто не мог осмелиться продемонстрировать столь холодно встречающим его окружающим зверям хоть немного отходящий от представлений о должном внешнем виде аляповатый платок, причём однажды я даже слышал сюжет безрассветности почти навьего охвата о том, что этот обрывок ткани был подарен ему умершим в трагедии сыном или женой, да верится, откровенно говоря, в столь страшный слух лишь с большими оговорками: может, просто не хочется умом своим рябым допускать существование подобных кручин и опускающихся к смерти владельца оных его мечтаний: размыкания потускневших ореховых дрожащих губ его только слегка, слабо выдавливая скрип отяжёлённой возрастными пытками гортани душевной милоты, пищат: уже около года он ничего не пишет, по крайней мере, не вкладывает свои высеченные человеческим любовным порывом произведения в вечно сомкнутые молчаливые дверные проёмы, отчего иногда становится слишком уж тошно на моей мироедской душе: предпочтительным была бы его смерть: больше я не готов смотреть на его отчаянные попытки

найти достойного сердцем собеседника, и хрипучие звуки его некунного авторства перестают касаться меня едва ощутимым привкусом горьковатых сладостей: я с положившимися своим отдыхом на выученную приспособленность закрытыми глазами внедряюсь в подъезд и поднимаюсь на какой-то этаж: иногда появляется чувство, будто я и не знаю своего адреса: только перемещаюсь по априори загруженной в мой разум размытой траектории, и даже номер телефона я сейчас вряд ли смогу воспроизвести, и так можно едва ли не усомниться в факте реальности моей мирозидательной жизнедеятельности, и облупившиеся стены муссона с редкими чёткими вкраплениями цвета дикого голубя и серого опала только подстёгивают мою ненависть к себе, но сейчас я задержан обстоятельством: мысли мои в величайшей степени непрелестны, и демонстрация их была бы, думается, до одури глупым, вольно обличающим заведённую неприглядным скепсисом слабую натуру деянием, в некотором смысле всё же могущим дать толчок к моему очестнению, да тому противлюсь я сам, и противоядия обнаружить мне не можется, и невозможно его существо, ибо расположен я вечно скитаться в колющих, заражающих столбняком сковывающих терниях, ибо избавление от оных обозначится не освобождениями моего негреха и благой смелости, но надрывным раскрытием истекающей шлёпающимися остатками былых правд раны, бордовой в своих миткалевых плотных границах, что вывалит на осевшие под небесами чертоги все следствия моего негативного Христа, моих убогих страданий и пышных уродств, ибо сам я не выше ползучего гада, не смелее осторожного беляка и не условно умнее душевнобольного инвалида, ибо я убожеством явил себя на свет этот, и окружающее уродство не противостоит мне, но, видимо, именно дополняет, ибо чудовище я, ибо мерзавец и непотребный выродец, ибо должен я сгинуть за величию внешней безобразной болезненности: я люблю своего сына: я прохожу сквозь лёгкую, воздушным потоком облачившую мои опьянённые исконным непониманием ослабленные длани дверь, несправедливой эпитимией расположившей нужду прерывать мою жизнь взаимодействием с миром и обществом, причём однажды мне правда показался факт её достойной своего искоренения ради появления хоть еле ощутимого комфорта и жизненной силы в среде, так сильно противоречащей моим искренним представлений о распятом совершенстве, наличности чрезвычайно суровой жестокостью, и поджигал тогда я ручку и глазок, вставая немощными детскими ножкам на шатающийся, после уронивший меня деревянный, сделанный умершим конкретно субстратом своим честным отцом табурет, и приобретал он для меня особое естество, покамест не убыл в своём узкопрактичном значении; фалунского красного обзора я чувствую осторожное ненарочное освещение, приметно резко появившееся из непошлой силы отсвета ребристым своим незначительным рельефом уплотнённых обоев гранатового цвета: свет этот только подчёркивает строго изолировавшуюся от иного мельтешения одинокую тишину, изредка разрывающуюся

неуместными в героической, окрашенной полутонами могучего выструга строгой аскезе этой звуками сразу множественно осуществляемых стуков по рассерженно отбивающей каждый удар звучными щелчками клавиш клавиатуре: я действительно горжусь своим сыном, уже в четырнадцать лет умудрившегося регулярно зарабатывать вчетверо более отца, хотя и выбор работы моей вызван был, вероятно, по идеологически-выгодно-чувствительным соображениям: сейчас эта оглушённая осмысленность засела следствиями не бонмотным выделением, а вшивотной страшной необходимостью, горьким комом в горле сдерживающей робкое озвучивание того, что действительно воплотилось в мои реальные устремления и постыдные, но всё равно существующие гласом желания: в подростковом возрасте, кажется, я тоже был окликаем пространным гением и выделяющимся среди сверстников способностями, да и сейчас часто слышу восклицания чрезвычайно удивлённых, узнавших о моей профессии людей, бающих, словно я по своим даже сугубо технически превосходным когнитивным способностям вполне могу обойти условно успешных бывших одноклассников и даже разномастных одноклассников в сухом, направленном к их дисциплине карьерном наращивании: от этих разговоров к моему окислившемуся подступившим желудочным соком рту пропиленной тропой ластится смрадный куммулят, и однажды пришлось целый иллюзорно освещённый бизанью о свежесть телесную месяц ходить с невыносимой, только глубже заставляющей оседать в этом изрытой бессветием пространстве тяжбой в районе припухшего живота, во внешнем представлении, очевидно, являющем себя только дурной реакцией на услышанное, вернее, на то, как оно и какими методами было осмыслено в моём сознании: я вновь пригласил тогда бывшего некогда моим другом ровесника с предложением только беззаботно поговорить о жизни, уже через пять минут с начала разговора продемонстрировав на его вычищенном внимательно прошедшимся под руководством жены липким роликом пиджаке вяжущие секреты моего измученного волнением желудка и наполовину переваренные остатки вчерашнего полужидкого обеда: подумал он в итоге, что я хотел его позвать только ради редко представляющейся работнику моей профессии возможности бесплатно поесть, а стошнило меня из-за голодания: на деле, обстоит моя жизнь в денежном аспекте не так плохо, но от прочих слов на минуту или две перестал я стыдиться своего весьма продуманного и прямого в очевидном исполнении плана: не стоит лишний раз и обдумывать последующее наказание себя своими же мыслями: я не мог спать четыре отвратительных в явлении моей греховной и унижительно ничтожной при случайной, кажимой при самостоятельном рассмотрении чем-то не просто малозначимым, но полноценно бесполезным в стойком реалистичном акцентуации на том жизни дня, пока бессильно не свалился на три безмолвных часа, в течение которых моя вольготно расположившаяся посреди находящихся возле детского сада узких грунтовых тропинок забродным общником тлеющих

под влажным дуновением рукописей, в двух местах обвитых деликатно объединенными прекрасными арками с цветами, слюнявая оболочка стекала на земляные основания рябы, во время работы: в тот день было достаточно жарко, а форму я, выполняя в ней и подработку наподобие мытья лестничных площадок или сбора вторсырья, не снимаю: успеваю продуктивно работать сразу за нескольких дворников, отчего получаю больше среднего, хотя и цели таковой перед собой не ставлю, лишь воплощая свои настоящие трудовые ресурсы, а не просиживая или пролёживая свободное время за лишённым наполнения и простого ривального интереса безделием, как и поступает большинство из так называемых коллег, реже преступающих в неосуществлённых помыслах своих нравственные ранения высокообного воплощения и то, почему я могу в какой-то момент утратить репримандно возвращающийся ко мне посредством волевого усилия контроль и стать демиургом подобного бывшему с рвотой негодного прецедента: и не могу я до сих пор себя простить, однако сейчас думаю не о работе или своих грехах: будучи отцом, приходится отбросить эти условности за нежеланием пагубно повлиять ими на ребёнка, хотя трезвую честность и не стоит отмечать за идеальной нежной изоляцией испещрённого фантазией взора: лично я стараюсь просто не так показательно демонстрировать мой истылый примитивной неконтролируемостью грех, ибо в случае противного сын или слепо копировал изуродованное страданием поведение, или стал бы считать меня отвратительным: не так это далеко от правды лично для меня, но необходимо учитывать константность мрази общественных изливающихся коновок, могущих меня и оправдать, что стало бы, разумеется, делом недолжным, зато часто находящим своё воплощение в методах воспитания других родителей: системность не воспроизводится в таких действиях, чаще подверженных прагматичному влиянию ослеплённой за структурированной стихийностью событийности, как бы того ни хотелось за стремлением контролировать хоть что-то: я уродец: конечно, каждый человек в своём роде делает подконтрольным своим отягощённым заурядными помыслами о собственной исключительности невеликим образам или другого человека, или хотя бы животного с материей, если не вполне привольно склоняющуюся генетически образованным для этого, что ныне ниспослало себя самым нежелательным отклонением, тем, за появившейся из множества антагонистичных свойств общества исключительно в малорадостном затворничестве внимательной приверженностью к которому тебя готовы будут сирыми серыми, созревшими лишь для нервного гниения скаженными зубами и ленивыми, образовавшимися в страхе ковами внести нечто новое негалантерейными умами пошло осмеять, естеством мысль, да такого за движным неколебанием не видно: муравей не станет гордиться тем, что не сможет осуществить бактерия, но человек отличается от муравья: гордыня в нём была возвращена с детства, она ему по свойству своему прилична, оттого надменность по свершению малозначительнейшего, хотя

и в системе приоритетов человека обретшего не просто знамя трудного и сложного, но почти благородного дела всё же ощущается, за сим и недовольство необыкновенной, как ему кажется, невычурностью вполне адекватно: это уже приняли за норму, за это не осуждают и без того убогие, только желание следовать мечте существующего ребёнка ещё будоражит незрелый, отвыкший от воспалённой лести, должной при подобном обнажении животного выявляться неапломбом молчаливого нехристианского наказания, злости родительский дух: убийство ребёнка справедливо: нужно отринуть мысли о работе и грехе: сейчас это нужно: не знаю: как смогу сдерживать эту ненужность после, но сейчас попытаюсь: сейчас отпуск: у меня есть время, чтобы уделить его сыну: я всё глубже погружаюсь в напомнившее о безотрадном детстве рабочее молчание нашей невеликой, ещё проявляющей для меня относительно яркие редкие оттенки квартиры или частного дома, что я всё никак не могу вспомнить: это заставляет сильнее забыться выедающими обращения к обязательствам на работе и неспособности устроиться на новую из отсутствия опыта на требующей условно умственной деятельности мыслями о любви к сыну и преимуществе ещё поддерживать своё терпение к мрази, той мрази, что доходит до меня произвольно лишь из-за, думается, неправильного расположения лишённых главного своего свойства, наличия абсолютного нейтралитета, и при отсутствии одного же теряется сама форма познания, обособленного от накрывающего излишне толстым серпняном грифельного оттенка нездорового, держащего ещё при себе неприглядный вид чувственного неблагородия желания пристрастия наблюдения: там, очень далеко и неприкаянно щедро, как говорят, можно найти настоящее расположение, но я вижу лишь неуверенные переходные консистенции человеческой думы, часто и отсутствующей в ином, и допускаю вразумение этого в подражании своём же таковому принципу, да никогда я в честности не опускался до принятия этого нормальным: я уродец: я допускаю страшную субъективность, и это, возможно, тоже придумано мною только для отбивающегося емлющим самые нелепые предметные нелепицы отпадением оправдания: я не ощущаю времени, я не знаю уже, когда мне нужно будет выходить на работу, я позабыл потенциальные обязанности и эгоистичные трения слабости духа: я уже не устраиваюсь на новую работу и не вижу труп подобного своими органами на отрешённо спустившегося неприглядным от благодати своей ангелом гурастного человека обманутого червя огрызной, смесившейся с ним при ассимиляции этой, что должна была за тем крайним обмирщением приблизить вожделенно ожидающего Господа, природы людской: таровато распинаясь на объяснение пред собою в этой устыжающей, медитативно переносящей меня к не столь просто сконструированным нусом зелёного папоротника базисам тишине иного труда, простоял я, видимо, свыше протянувшегося мгновенно объявившимся станичным падением часа так, и сбился прерывающийся абсолютной тишиной интервально повторяющийся звук бойких

ударов опытных пальцев пожелавшего сходить к санитарному узлу подростка отягощённого продолжающейся нуждой выдумать новосложенное решение ума: сын с искренне удивлённым выражением отвыкшего от взора другого человека лица увидел меня, купно обрадовавшись и взаимной дrolью поприветствовав: он сказал, что я пришёл вовремя, ибо у него только с минутой назад появилась идея о могущем быть осуществлённым при условии моего одобрения завтрашнем семейном пикнике: за еле утаённым восхищением я страшно обрадовался, думами о благообразной отцовской любви к нему покрывая собственные помыслия приятно растекающейся покошённым язвительством в дистанции от сына моего vessикаторийной блажью подгреховного негативного уродства фимиаминой сладости; будь я невольно заспанным смирением раздувшимся жуком, плоть моя встретила бы санацию свою именно ударом сына: сильным, стойким, наполненным пониманием к моей потерявшей благу честь и стоящей только на трухлявой, уже почти оборвавшейся последней нити своего влажного наличия линавке персоне: иногда не чувствуется аллегорией акт его спасения моей души, вероятно, он действительно будет некогда способен освободить меня, помочь в настолько неоднозначном явлении, что одних устремлений хватит для начала осязания серьёзности выражаемых мною сентенций: я с ненавязчивой теплотой обнял своего сына, и мы начали говорить о встреченных сегодня испытаниях и мелочных радостях: я сказал только об упавшем предо мною благолепным, павшим едва из изначального невысокого расположения своего ангелом черве и играющих детях, сын же, один раз даже в описании эфемерно полученных прочных счастья произнёс моё, Вивьена Александровича, имя, что никогда не происходило без дополнительной, мотивированной единственными вежливостью и уважением хвалы и радостных коннотаций: акт этот не так сакрализован обыкновенно, вне нашего восхитительного разговора, как может показаться, ибо феномен подобный в несколько иной, перевёрнутой фазовым кустодием самостоятельства системности встречается повсеместно: за школьной партой было отраднo или боязнo слышать в любом случае выделяющееся озвучивание собственного имени, правда, эмоциональная окраска от оногo сильно зависит, думается, не только от сугубо прагматического потенциала совершаемого, а от субъективно настроенного субъекта, за сим от сына даже в пересказах моих над ним строгих воспитательных бесед пришлось бы во время осязания фоники имени обратно, случайно подражая его встречной благорастворенной реакции, умилиться и лишнй раз похвалить за нынешнюю подобную лесть: бывало, даже целую неделю он положительно ломает голову над этим, в свойственной манере человека своего немалогo ума ища в послании нечто особенное или хотя бы загадочно сокрытое, и по произнесении истинной причины приходится ему только легковесно посмеяться и вновь обнять меня: несмотря на то, что он знает об отсутствии между нами обычно или дуновенной амарантовой борой разглаживающей исконно

несовершенную связь до восхитительного, угождающего трудолюбивым плодом взаимных стараний воплощения, или снедающего плотным, не позволяющим раскрыть противостоящую нелживую природу свою за возвеличенной в культ смехотворного наполнения и неотвратимо чудовищного фатума формальностью наружного скелета покровом кровного родства, никогда и не было мысли тем более о неприязни или хоть какой-либо значительной реакции на этот факт: будь она положительной, полностью объективным в своей симпатии стать было бы тяжелее: некая негероическая жалость застилала бы своей нежной, непроглядной фатой глубокого обсидианового рисунка правду в виде человека перед тобой: он же обучился или скрывать это, или искренне радоваться почти чужому, по крайней мере, только волей случая обретшему в моём понимании столь чудесного, ещё сильно отдалённого от жалких натур недостойного усыновителя своего подопечного человеку: я вновь обхватил его и, с натянутой уверенной улыбкой неожиданно и комично повернувшись в сторону разменявшей мою обдуваемую пырту сокрытым потолком марлаха двери и тем предоставив ему наконец путь к выстроенной смежно с туалетом ванной комнате, пообещав сходить в магазин за необходимым завтрашнему событию прямо сейчас, только поверхностно осмысляя слова сына насчёт иррациональности свершения такого действия при свойственной мне усталости и уже в нешиночном любовном забытье выходя в восторгающийся невиданной подвижностью мгновенного таланта оживлённый подъезд, теперь не так обильно обрамляющий моё нежелание существовать вне квартиры благодаря надёжной цепкой семейной поддержке: я проклинаю себя за это, однако ничего не могу с собой поделать: никогда мой снова спутанный и определением даже родства родитель или родственник не был так честен и прям со мною, всегда словно прикрываясь нашей фактической связью при объяснении невозможности общаться достаточно близко, отчего и перенимал я определённое фатальное для эродирующе сносящего собственные ветреные слои брыле цвета абрикосового щербета распития стеснение сперва, но именно сын меня раскрепостил, почему часто и не хочется поддерживать диалог о сокрытом за толстым извилистым дёрном греха взрослом, когда практически все мысли мои объаты вокруг святости ребёнка, и казалось временами даже, будто он притворяется, будто он ищет выгоды от меня, что нынешними обстоятельствами и невозможностью помыслить о подобной чудовищной расстановке сил и намерений полностью было опровергнуто, и всё ещё я в таких ненадолго отстраняющих меня от него сразу после общения походах какое-то время сомневаюсь, не одурачен ли я, не стал ли жертвой столь хитрой манипуляции, ибо, вновь, никогда никто, включая в этот приземистой длины список не только в лучшем случае безучастно проходящих мимо ровесников, но и обозлённых ещё сильнее то ли из противоположной существу характера конкуренции, то ли по причине необнаруженного лекарства элементного пороquia родственников, не был так учтив к факту

моего внутреннего явления, и воздух, сквозь который я сейчас, прерывистой жадностью вдыхая окрашенные цветом бедра испуганной нимфы взлетевшие куски приятной человеческой кожи и не всегда благоухающие собою прочие неизвестные газы, варварски проношусь, вновь напоминает об утраченном за грехом, о том, как же я отвратителен, раз не могу забыть неродственность за оголённостью своих трескающихся под лёгким напором дружелюбно скатывающих комочки сходящей к воздуху нежной слюды телес: я спускаюсь по несколько неказисто спроектированной шахлатой лестнице, по бокам недавно неуверенно и с пропусками на недоступных с поверхностного взгляда местах окрашенной кубовыми полосами, и цикавое мытарство моё не усилилось или колебалось, станость моя транспортировалась в бесхитростную механическую задачу, да сейчас и не подумал я вовсе о чуть не встреченном на пути, пишущем свои безвестные произведения дедушке во время спуска со второго этажа: едва я начал унижаться, дверь в выпускающую затхлый запах одиноко изолированных от рук внимательного друга непроветриваемых помещений квартиру его нешумно из нежелания потревожить соседей, несмотря на физическую слабость свершителя, технично захлопнулась: я оказываюсь вновь на распоряжающейся моим бесталанным ресурсом нещадно и в желании показать наиболее извращённое изуверство внешнего просторной улице, с вполне удовлетворёнными такими природными ароматами лёгкостями покрывая свой движущий озноб особенной, шереширным импульсом обтягивающей слабомощные нутра плёнкой обветривания окружающего страха: я мчусь, подобно счастливо умирающей от голода старой, стучающей во тьме начинающимся и более не останавливающимся за столь бескрайней опустошённостью эхом собаке, что уже не столкнётся в предметности своей с подобными страданиями никогда, уверенным пеше направляясь в сторону ближайшего подходящего магазина, в котором мне будут с колеблющейся под щекою язвительной складкой улыбаться до тех пор, пока главный управленец не узнает о моём безденежье, и не ощутил я этой отставленной от несовершенства окружающего просеки и стучающихся о некрупные объекты и даже стоящие поперёк моего пути субъектов за весь пройденный, ставший для меня едва не мгновением или неосмысленным промежутком вычурной увлечённости, так часто иногда способной своим могуществом задавить расписанный по всем важным и невозможным подвергнуться редукции задачам план, сейчас в бездумье моём совершенном идеально отсутствующим, путь изношенных колёс: я во всей красе скомпрометировавшего обратную мнимость дела и бытия своих способен распоряжаться тем и стенанием без иных вмешательств, отчего не прибавляется чувства расслабленного неизыском большака за кроткими размерами монструозной тропы, да, вероятно, может даже развиваться некоторое опасение от столь неоднозначных временных и пространственных, саднящих перифирийным моим положением

звуковкусовиденческих границ иных материй, и соотнесённому помешательству не даёт развиваться только мой сын, как мне кажется, и без того изрядно отчуждённый своими талантом и честностью: едва ему легко найти достойных весёлой словесной перебивки добродушных ровесников, чаще увлечённых грехом, лишённым даже предметной выгоды унижением ближнего исключительно отвратительного порядка, и смело бежит в те моменты он к моей всегда готовой встретить его в противозоложенной бретёрской хвале многочисленных верхоглядов компании, столь гармонично описывающей наше парное идиллическое бытовое одиночество, хотя он таковым времяпрепровождение наше точно не считает, и вновь я обнаруживаю стремительно остужающую горяч моего энтузиазма резкость свою и глупость: в общие с сыном замечательные моменты эти я, вероятно, даже излишне рад прожитым мгновениям, превращающимся за тем в единственно существующие, что изредка может причудиться от испытывающей тебя самыми непривычными образами физической нагрузки или нагромождения топящей тебя в погружении не одурманенности или восхищении, но инородного порядкового толка собственной мысли, и вот я стою уже подле внедрения в автоматически раздвигающиеся двери магазина, и вот я неторопливо вхожу: сперва обдувает лёгкий, за чернотой словно и подающий надежду на инородное присутствие неухабистый холодок, а после появляющийся весьма суровым нагруженным прением тяжёлый запах застоявшейся материи торопливо приземляет: я в магазине; вдумчивой евхаристией пришлось мне обходить восседающие пред обывателем бирючем власяной нужды стенды и яркие высокие вывески: постепенно прибавляющая в весе корзина линейным направлением наполнялась, пока я, вероятно, едва приторможенной неспешкой излишне скрупулёзно выбирал яства на завтрашний пикник с учётом моих и сына желаний: кажется сейчас, нет сейчас в нагружаемом мою левую руку чего-либо излишнего или недостаточного: в количественном плане каждая позиция была превосходно сбалансирована, отчего уставшие мои, требующие основательную передышку, потенциал которой был нещадно сброшен отрубившим тугие, тянущиеся в сторону несоприсносущего, не требующие вычурного сверхусилия перламутровые торока невероятным энтузиазмом, онемевшие ноги цвета королевского розового бродили мимо аккуратно выставленных повторяющихся продуктов с меняющимися примерно каждые пять часов повторяющимися ценами, которые сотрудники не успевают менять просто из ограничений физических способностей представителя человека, что порождает множественные конфликты и нежелательные ожидания стоящих перед фуксом заблуждавшихся, уже неспешно потянувшихся сравнивать ценник и писать вполне достойного содержания жалобу, решительно действуя не только на благо своего материального благополучия, но и так приветливо встречающих любую бытовую трудность во время нерабочего времени людей, и никогда этот человек не станет ретироваться или извиняться

после вежливого объяснения продавца и в окружении упавших со стеллажа по его вине и нерасторопности многочисленных жвачек: пот уже назрел жирными, злобно въедающимися обратно гунявым жирным зуднем гроздьями на его сморщившемся лбу, а он всё продолжает героически и с тем нежелательно стоять на своём, повышая тон на переставших с беззлой улыбкой одобрять решительность одного и теперь жалующихся и чуть не угрожая им объявившейся в этом нелепом бурнокрылом жуирном возмущении расправой, что может предупредить перемещение до Фонарного острова и воплощённые в заливающимся доболым горем искренним эхом извинения кассира и смиренный глас его, что гневен от непостижимой, но вовсе не выделяющейся иным необыкновением за правду человеческого духовной нищеты владетеля своего, предупреждающий о нерасторжимом отсутствии его будущих долгожданных возвращений сюда и отказе от покупок, и то безусловно раздастся по всему восхищённому отвагой его магазину, если кассир самостоятельно не вызовет коллегу, чтобы он отменил заказ: это потребует ещё около минуты, однако я более не буду прикреплять свой пристальный болезненный взгляд к происходящему на фантомно воплотившей всё прекрасное величие духа людского кассе: мне нужно купить пару дополнительных составляющих: путь мой, так неестественно остановленный и не менее окказионально продолжившийся, определился далеко не поразительной, пропущенной мною небезвредной сладостью или представителе условно сытной пищи: пришлось застопорить процесс только из-за стоящих передо мной детей, по виду, голосу и манерам которых можно было установить их причастность только к средней школе, и проявил ненадёжно располагающую меня у зловонно оставшегося на должности своей, неприглядного из особенностей князя характера внутрипроникающего бесчестия окружающего от громогласного, привязавшегося к происходящему самостоятельно кисловатого бутара тивуна причинно-следственную неувязку я только сейчас: возле меня с двух сторон расположены непродуманно близко друг к другу полки с самым разнообразным, Ладой расставленным наиболее удобным, истинными песьеглавцами в необходимой современному окружению для ограничения могущему появиться от взгляда на этот отстранённый чарующей, инаковой жабой горловой открывающей вполне благие, позволяющие другим порядком взглянуть на происходящее невообразимой способности, что она в трудолюбивом изгнании развивает поразительными в первую очередь столь невероятной дисциплинированностью, позволяющей из Пеклата усложнить Бонви, что именуются обыкновенно вовсе несхожим, обгорающим губяным толком выючных паризиев, оставшихся на подобии своём божатой закрайкой Ра-реки палтуса сомового хариус-маркуруса-гиганта гигантизма, колоссального гигантского, титаничности монструозной, хотя в ином последовании абсолютно безобидных, коли греха эти горишняком уповающие легенду каплуна бесцветного добронравные псоглавцы не коснутся в руках

обмякших жидким салом первородного небезгрешия чёрствых людей, оборотами, внешностью своею народу ошеломления аскезе определёнными образом алкоголем, и именно приуроченное к хранению относительно дорогой продукции пространство расположило к себе возбуждённое числом сообщников детское внимание: подобно тому, как я по повиновению исключительно светского характера замораживаю своё существо за, думается, абсолютно отрешающим от ненужды приспособлять к оному внимание явлением, например, возле кассы так прочно устремив неуместный интерес к плоду обыкновенной человеческой вредности от случайной первородной, не заслуживающей мой нынешний укоризненный взгляд по причине смущения глупостью или инертного упорства ересью внешних обстоятельств, приходится сейчас по высшей воле и посредством определённых усилий смотреть за происходящим поодаль от так демонически приковывающего моё нездоровое, рождённое в желании неблагодарно пристыдить ближнего ощущение вычурно внимательно: по прошествии всех моих, похоже, из-за воспалённых из наблюдений переживаний, незамеченных иными проходящими эмпирических методов справедливо вынести два вердикта: или они ваксят свои летние, чарующие едва опавшей на их поверхности пылью цвета парнасской розо-палево-жонкилево-бусо-шмальтово-замышляющего преступление-пауко-аспидно-зерко-опалово-киноварево-бесцветно-чёрно-бело-красно-сине-алебастро-кумачово-огнисто-линяло-малахитово-кошенилево-альмандтиново-бело-защитно-анилиново-агатово-ало-мухорто-смольно-полночно-обсидианово-чёрного дерево-древесного угольно-иссиня чёрно-телесно-оранжево-розового буйвольной кожи своею необъятной пышностью чувственных потенций кеды, подобно демократизму Боккаччо, передавая возможность стать распорядителем тому, кому сейчас единолично суждено совершать это таинство при дружественной защите друзей, после обязательно с восставшей превосходной, воятью предвосхитившей очевидную, утаенную от человеческого пеленгатора истину необходимой вскорсой равностию мезальянса присоединяющихся к тому, или они попеременно воруют не такой уж и дорогой коньяк, несмотря на это, вряд ли всё же доступный столь молодым школьникам, и завершили они своё деяние, отчего только больше замельтешили, начав самой подозрительной процедурой оглядываться: они увидели меня, вполне однозначно смотрящего на свершаемые действия, и сильные юные ноги цвета пудры мощными стволами густой, ещё колышущейся неподконтрольным, умиряющим естественные знаки голодом из неопытности шелуги, свойственной натуральному сродной реакцией противясь уже архаичной традиции видения красивого и сильного исключительно хорошим и благим, побежали в мою ограниченную лишь телом скромно держащего корзинку человека сторону, способную наиболее простым и быстрым способом предоставить им путь к долгожданному выходу: не улыбающееся, но ликующе ощущающее преждевременный триумф обоедёсно ловкого незначительного

преступления лицо первого было полно решимости, возможно, именно он подтолкнул и без того согласных на подобное остальных на кражу, существование лидерства которого подтвердилось уже излишне показной и достаточно нелепой, вредной для такой стратегии реакцией, вряд ли могущей последовать за коллективным натиранием обоцветной обуви: чуть ранее на некрупных ногах один, помещая к себе уже звенящие во время их нескорого забавного бега объёмные ёмкости, держал рюкзаки в прикрытии окружающих товарищей, хотя и не вполне продуктивно; лицо второго изображало оторопь, третьего – то ли возбуждение от страха, то ли непонимание происходящего, оскалов остальных детей я не заметил, да и был пятым или последним, шестым, сбит с отяжелевших сегодняшними стараниями ног, почему пришлось после собирать обратно в корзинку все выпавшие и даже раздавленные, как единственное, что я взял только по своему сиюминутному, сокрытому за хотеньем представиться и в обманутых собственных мыслях чем-то более рациональным и строго исполнительным желанию солёные зелёные помидоры, которые стались последними и невозместимыми, хотя сын часто в шутливой форме говорит об убыточности их изготовления из-за следующих всегда после их приёма неприглядных санкций желудка, продукты, и каждый элемент корзины своей, помимо долгожданных помидоров, был потом мною с помощью сотрудника магазина заменён на стоящий на прилавке: он говорил о потенциальном лишении премии от факта такой ситуации, возмущаясь при этом взваленной на него почти исключительно формально обязанностью наказываемого скорее не по факту истощения товаров на сумму условного дневного максимума магазина, а по случаю наиболее громких инцидентов, что сегодня и произошло уж точно не по вине отошедшего в безлюбье самостоятельного положения фуксового давёжа к другому сотруднику человека, охранника: детей не поймали: своровали они примерно на двадцать тысяч рублей: хорошо, что не поймали; оплачивал я слегка всё же дополненные недорогим мороженым, требующим своё упрощённое, выпестренное для моего ограниченного добровольным лишением златодушной неготовности образцового безгрешного свершения преодоления бескрайнего чертолома цвета приболотистого виридана быта употребления не на пикнике, а чуть не мгновенно, и чипсами продукты: не самый лучший, зато довольно памятный выбор: сын часто налегает на вредную пищу, а я осуществляю добровольные, номинированные таковыми лишь по таковому желанию такового владельца онными объектами санкции в виде тех же доброхотных конфискации, хотя, собственно говоря, выкидывать еду жалко, отчего я тоже приистрастился к подобному, справедливости ради, внимательно держа себя в руках и соблюдая подобающую диету во всё оставшееся неодиноким амвеницей социального распространения продолжительное время: я, позабыв при выходе взять с собой могущие незначительно задобрить эоактивистов пакеты, что по предпочтению именно своему беру с собой и из причинностей удобства, и из

действительно являющего себя нежелания ещё сильнее навредить природе, в осложнённой моим присутствием географии, думается, подверженной нужде если не бороться за Гигиену свою, то за слабосильное, отяжелённое смешивающим обратно разделённую из заботы материю алгвазилом существо, уже держу в руках два неравных по массе белых пакета с дебетно разработанным непретенциозным логотипом привычного магазина и прохожу сквозь функционирующие теперь, хотя иногда всё-таки сдавливающие нерасторопных покупателей несильным дискомфортом развивающейся технологии автоматической двери: денег было не жалко, да и выбирал я не самые лосковые товары: ничего, кроме произошедшего, не встревожило меня покамест за этот весьма спокойственный выход, по крайней мере, уже я мог забыть об этом за впитывающейся явочным витием благополучия физической нагрузкой: приходится деликатно балансировать между отличными весами и обходить несправедливые к нагруженным чем-либо людям тропинки невыгодных, искажённых в соответствии с чаянием благого осоловления маршрутов, иногда заставляющих преминуть только отвлекающей в столь напряжённое мгновение гордостью и перелезть через невысокую, благостыней доверяющую совести человеческой солфериновую ограду, чего сейчас мне сделать невозможно; не подобным мгновенным перемещением может восславиться нынешний поход, однако скоротечность пройденного пути не отметить вовсе нельзя: труднопроходимым варганом я смог попасть к развевающемуся пышной опаловой туманностью дому своему, уже сейчас, в относительной дали, допускающей разглядывание только небольшой, выступающей за пропитанным гигантизмом современного внимания к ребёнку детским садом части, и с приближением моим словно только тяжелее становится идти, и только во время непосредственного контакта моей стёршейся частично обуви с периферийно возмозученным непосредственным произвольным шамадом бордюром свершилось озарение раскрывающей мои воздушные порывы близости цели, несмотря на всю кажимую поэтичность переживаемых гробоповаленной внешностью чувств, притормозившийся вид чёрного дрозда, как ни в чём не бывало отдельностоящего на поцарапанном, искорёженном аподиктичной судьбой извилистом козырьке вдыхающего в отдаление обманчивый призыв подъезда, покрытого соседями какой-то прозрачной, отталкивающей зефирной плёнкой, обнаруженной мною здесь беспрецедентно и с, очевидно, появившимися безмолвными вопросами к оной, эта птица, кажется, представляется именно самцом: у них чёрное оперение и яркий жёлтый клюв, когда самки славятся более неприметным серым видом: будь он подобен любой другой птице, привыкшее к упущению конкретности приземистых деталей внимание моё осталось бы непоколебимо, но было в нём что-то не от дрозда: вероятно, объяснялось это его абсолютно бездвижной позицией полноценного, опрометно открывшегося бессмертному духу сырта, сильнее подчёркивающей

отсутствие колебаний изувеченных ненатуральностью блонистых глаз, словно угрожающе наставленных за однозначностью задачи специально на меня, да и расположение, что я бонмотистом испуганного влияния заметил лишь сейчас, уже на минуту обездвиженным в тёмной, снова и снова путающей меня ложными, выдуманными и отредактированными неверными, единственно представленными за тем действительным сочетаниями связями пропасти этой находясь напротив него на расстоянии нескольких усложняющих бытийность мою метров в горизонтальной плоскости, подчёркивало вычурную правильность его исконно известной позиции: оттого не хотелось, зато виделось в нём нечто от сознательного, с тем обиженного громопернатым рождеством запьянцовского ключника бани пограничного отстранения существа, того, кто сможет вести с тобой вполне осмысленную беседу на знакомом тебе, хотя и чуждом в воплощении языке, будь у него должны были, смиряющие равенство окончательно идеальные органы, и ограниченной единством с иным птице, стало быть, подобен в этот момент именно я, но той, крылья которой с глухим, разъедающим окончательно останки человеческого нрава хрустом и показательным, одуряющим грехом бисмаркофуриозным невежеством оторвали жестокие дети, а лапки не выросли у меня в связи с фактом рождения: можно назвать меня уродцем в несколько иных семантических оттенках, хотя похож я стал скорее на мертвеца, и даже кажется, будто унижают меня все удостоившиеся смерти господа, так звеняще кричащие в мои опустошённые воспалением граверные отверстия, некогда пригодные для устранённого тревогой человеческой обязанности глазного белка, а мать моя Мельпомена, так внимательно взрастившая подобный лик, после и не обернулась к оглушённым звенящей страстью громогласного эха тишины птичьим останкам, всё ещё продолжающим своё упреющее с остальных сторон усилие, отброшенное значением и уважением даже от речного бога, так любовно нас некогда возвращающего: причастия в том не было нисколько, зато продырявленное бирюзовым айдаром, бореем постижимого чрево моё демонстрировало путь к истинной личине, попросту сокрытой за окружающим миром, но никто так и не решился разорвать плоть мою, удильно сотаивающую либивой красоты истину, думается, могущую спасти и их: дрозд продолжает смотреть на меня, почти ехидно игнорируя проходящих мимо недоумевающих людей: для него выставление условным безумцем подобно исполнению прекрасной своим странным двойничеством песни или чарующему взглядами динамично помещающегося на окружности облака повиновения образов теперешних взлыза танцу, и подвергаюсь я этому неотвязному влиянию, начинаю протяжно подгнивать с ветошных конечностей своих утончённых чисто из исступлённо яркого физического представления, и слезятся уже подбитые страхом могущественным неиконные глаза: ощущая себя исконно нищим, жадно повторяющим свой изрядный ежедневный единичный приём пищи в генгете и столкнувшись с фактом опознания избитого только что своими силами

представителя высших, насильно обритых, но ещё власами своими сбивающих безгрешных пешеходов структур подлецом, я не могу ничего поделывать с надрывно перебивающим моё скомканное кровавым плесканьем дыханием, убивающим каждой своей испещрённой мясистой многослойной жирной стружкой секундой трезвость нервным стуком истёртого сердца, крикливо противящимся любой попытке услышать хоть что-нибудь вокруг или отвлечься: в закланное мгновение это стало невозможным какое-либо рассуждение: только на то, чтобы не подавать вида хтонически искривляющего мою, оказывается, вымученную другими кисловатыми боязнями смелую суть страха, удаётся мне тратить пряные закрайние силы, да только кажется сейчас, что вся земля вокруг сокрушается за скрежетом импульсов моей зазнобной кровеносной системы, приходится задерживать гренадёром разрывающее дыхание, дабы создать невсыщенную иллюзию, будто я не существую, будто не наполнен язвлёной кровью и не претерпеваю удары обманутого сердца, уже беспорядочно мешающего самым простым когнитивным способностям без любых стеснений, я не могу смотреть на этого дрозда, однако существо моё стремится к выражению несуществующей смелости, и кумулятивным страданием приходится наблюдать все эти изменения себя и окружающего, и накапливалось это до тех пор, пока дрозд, уже с полчаса смотрящий исключительно на меня и изредка всё же моргающий, чем опровергается теория о его безжизненности, не колебнулся слегка в мою сторону: в секунду эту он словно обособился от всего мира, словно превратился в иное, окинувшее оставшееся гигантское пространство лёгким ветерком всесильного, отяжелённого безграничной властью невраждебным взглядом существо: в то мгновение его блестящие искрой ненегативного обаятеля невынужденной нуды блика перья, казалось, слились с приятным матовым клювом цвета мардоре, отсвечивая в мои испуганные высшим ангелом кровоточащие глаза, и упала громаднейшая птица безжизненно на неуверенно принимающий такое величие гейнсборовского асфальт, испустив вмиг утраченный миром этим жалким дух, что стало понятно после, когда я подошёл к ней чуть ближе: обмирщённые естеством глаза более не моргали, а ослабленные лапки прижались к крошечному тельцу: подошёл я произвольно, робким светом заметив некоторые изменения в себе: более стук моего сердца не усиливался, всё же, колоссальным треском сознания продолжая отдавать в область висков и споснешно угадавшей воплощение страданий моих макушки, и выпрямился я, надеясь получить благословение здорового состояния, и продолжил свой путь, лишь огрехом своей постыдной натуры вспоминая произошедшее только что: я не могу похоронить этого дрозда: я и так припозднился: я поднимаюсь: вокруг меня никого нет: я вхожу в квартиру; сын, словно так и не вышедший из густо испаряющей быт иных комнат ванной за всё это время, встретил меня с удивлёнными глазами: видимо, что выяснилось в последующем диалоге, он подумал, словно я предпочёл ещё раз прогуляться, ибо для простого похода в магазин

затрачено было слишком много времени: несильно углублённая всё же имплицитно существующей спешкой колея непонятых условностей оборвалась достаточно быстро, и особенно сильно этому поспособствовало именно напоминание о долготе моего поселемагазинного отсутствия, включающего и столь продолжительные переглядывания с птицей, следовательно, мороженое должно было определённым образом исказиться или ожидаемо пострадать: действительно, коснувшись чуть прохрустевшей оболочки его, стало понятно преобразование содержащегося в рожке в абсолютно жидкую массу, почему я и поспешил, разуваясь буквально во время открывания холодильника и скидывая за тем обувь к пошатнувшемуся лёгкому коврику, причём пол не коснулся отчего-то грязной, словно восстановившейся чудесным образом подошвы, хотя противоречило это любым законам физики, химии и конспирологии, и засунул я, после с довольной улыбкой смотрящий на удивлённого, стоящего всё ещё возле раскрывающей выходящий оттуда тусклый свет громоздкой двери в ванную сына, все размякшие в холодной трухлявости рожки одной непримятой кучей, будто чем-то улучшив их будущее состояние до первозданного привычия, и в понимании столкнувшейся конкретно с ожиданием возвращения материи прежнего вида бессмысленности содеянного была определённая тоскливая нотка, но её я постарался в суровом принятии собственного величия проигнорировать: сын был удивлён не отсутствием осмысленности действий, только моим неожиданным небездействием: он сразу изрядно повеселел, стал показывать превосходно сделанные за кропотливым трудом компьютерные модели, безгрешно хвастаться новыми крупными заказчиками и подбедать часть из купленного на завтрашний день, за чем я его не хвалил, зато добавлял шутливый горестный оттенок забавной ситуации своим вмешательством: вечер получился хорошим, за сим и захватили мы часть добродушно дарующей дополнительные беззаботные часы скрытым дьявольским контрактом в обмен на дневную дремоту ночи, заснув на относительно просторном мягком диване в противящейся реакцией организма тому позе: нога его лежала на моей, в свою очередь опиравшейся на невысокий, шатающийся в моём халатном, но ещё позволяющем эксплуатировать объект ремонтном недосмотре недолгий табурет, почему шумящей иллюзорными утренними птичьими рокотаниями ночью пришлось несколько раз проснуться, и интересен был феномен методической цикличности такого отвлекающего события: кажется, ко второму или третьему разу произвольно перемещающееся и так невероятно повторяющее измладное изуствие физического действие тело сына уже автоматически должно было перестать совершать это: разбудить его я так и не решился: лабамахом скованным я свершал необозримые обликом телесного непротиворечия ситуации ночью этой: вопреки недавнему веселью, мгновения одиночества пред ранью не скрываются за храпом близкого человека: вероятно, я просто не подхожу этому состоянию: может, и остальные так себя ощущают: не дано: только

ассимилироваться тому: ягнёнком, Москвиным так фривольно описанным, я проберусь в телегу и подобным Христофану, подобному человеку менее, ибо благодатная особость того ставит его человечность на другой деятельный план, будто тот, что отвергает половую принадлежность, оставляя истинный грех и мразь людскую, с Христом останавливаю событие, обценной лексикой своей уродуя чистое сознание хозяина всё в больших трепете и отсутствии, и в воде, ночью оставленной, я искуплюсь в грехе и празднике, потопив всех остальных хозяев и рабов; я флегмой перемещаюсь обратно к кровати: только та же вязкость вольна перечить моей воле отречься от человеческого, по крайней мере, от того, что под нею сейчас подразумевается: я ложусь обратно, уже самостоятельно кладя ногу сына на свою: невероятно осязать былую торжественность, возможность себя только вчерашнего дня даже не вымучивать подобную измненно выставленную улыбку и комплотно очищенную от поржавевшего яростного сита кораллового греха здоровую бело-голубую слезу счастья, я действительно испытывал необходимую эмоцию, да только сейчас уже не вижу и отдалённого хризопразового луча прегрешенья: избыточно посрамлённого избоиной невеличественного множества привычки зелёного, жадобно в умах иных гнойного, однако ещё продолжающегося заказного луча: здесь же в смерти не кроется никакой теперь жизни хоть обесчувственной бактерии: сейчас уничтожается во мне любая интенция автоматически, сейчас я подвержен уничтожению, и только недолгий, отвлекающий лишь на стремительно отходящий во тьме существа моего на задние планы кошмарный сон волен спасти, но и он пугает из раза в раз: стоит только закрыть нещадно приставленные расплывающемуся в безверии фантомного пространства глаза в усталом буднем дне, как один и тот же образ стремиться будет ко мне всё яростнее и могучее: что-то открывается, что-то откручивается, встречает меня честной улыбкой коллеги и друга, и всё это обёрнуто одной и той же разлагающейся лаисовым глянцевым мхом плотью, соприкасающейся со мною лишь в истошном крике, пошатывающейся в несильном ветре маклюры и громком, отрезвляющем ещё способных лишиться этого гулкого опьянения звоне, отчего просыпаться приходится ещё один и третий разы: эти безвольные испуги, думается, служат напоминанием о моей истинной сущности: не важно, как аккуратно ты скрываешь себя за будничным объектом, твоё детское сожаление раскроется ярче, чем порицаемый великой влиянием реальностью грех, и сбежать от этого невозможно: безмерно величественнее в аспекте скромной героичности аскезы тот, кто смог принять своё пышущее неуверенным манёвром омерзение и смело проглотить его в вожделении святого, обязательно приходящего необходимо верующему света, да больше всегда будет решивших импульсивно отказаться от своей затенённой духовной эссенции и продолжать только демонстрировать временное, страдательно рвущееся пошловато зорной кумирней испытанных страданий и их негативных в случае одного результата следствий

равновесие: цвета кашу тоннель окинет чермные от истинности твоей же мечту и бедствие твои, он исказит изначально представившееся таковым всего в обработке самоценной безверное харчегонное существо, и только тогда ты определишь себя тварью другого рода, что будет означать не такую возвышенную благостную подоплёку, как ты в одурманенном разуме восхищал за пошлой, представляющей лишь собственное благо фантазией, ибо ты и сам не сможешь более назвать себя: только сказать, что ты более не человек, по крайней мере, ты отказываешься принимать себя тем же, кого так невыносимо за чабанным присмотром осуждаешь: тебе покажется, что ты охотишься на людей, что ты любая тварь, только не та, что подходит под образованные тобою рамки: ты: дабы определить, достоин ли сам подобной участи, и только с того момента начнётся настоящая метаморфоза: более ты никогда не станешь человеком, в тебе не замкнётся расходящийся волей горячий нарыв в форме человека: ты начал это только ради этого: я закрываю уставшие налитыми красной болью капиллярами глаза, хотя краем и вижу помешанные, безумно смотрящие на меня в этом рассуждении чистые зрачки сына: сардонически трескающееся сердце забилося чаще, а тьма, настигающая меня с дурманящим, улыбающим нежелательное сном, пробирается в призывно открытое чрево всё быстрее: он больше не смотрит; паволока снята: наступило утро, точнее, уже одиннадцатый час дня: сын проснулся, а ещё сонливо лишённые насыщения кровью руки его, очевидно выдающие нетрезвую пристрастность, совершают сбор вещей чрезвычайно медленно, зато абсолютно самоотверженно: я открыл глаза и тихо подходил к нему, всё больше замечая нецелесообразность моей конспирации, ведь, думается, и в громких глухих шагах он не обнаружил бы моего несогладатого присутствия: неsgiбающиеся пальцы его задействованы только наполовину, рабочей частью промазывая вне широко распахнутой сумки и роняя могущие стерпеть это вещи на свои же подогнутые ноги: я едва не соединяю ладони возле его правого уха и приближаюсь с левого, неожиданно звонко и для себя выкрикивая не прямо в барабанную перепонку, но, абсолютно удивительно фуксом извившись гибкой сверташкой в исходившем будто не от меня случайно обло упавшей вервью по мановению вредного войты порыве, напротив его лица, от удивления даже забыв хлопнуть, что было бы, скорее всего, вовсе бесчеловечно: сын всхлипнул затянувшимися в дремоту губами и языком, вполне откровенно выражая определённый уровень страха, сонливости и неспособности понять, что сейчас было свершено: то ли это кошмарно оглянувшийся в его глиняно-коричневую своим браком сторону сон начался, то ли в жизни нечто вблизи упало, причём мою причастность он будто вообще не рассматривал, искренней добротой поздоровавшись с якобы неподозрительно и в таком положении возникнувшим спереди лицом, правда, после я понёс некое наказание в виде его отказа готовиться к выезду со мной, обаче сильно это на осложнённую исключительно внутренним колебанием моим процессию не повлияло: ему

нужно было что-то уладить с работой, потому мы просто выбрали наиболее продуктивный вариант, и не так много времени на то ушло, и вскоре мы уже дружно выходили с мороженым, преобразовавшимся теперь в некую, конечно, имеющую вымученно нестандартную форму массу: нам хватило и этого, но обиженный вкусовой насыщенностью лёд на самом пломбировке мешал: сын его отсоединил чуть коснувшись этого хладного новоначала пальцем, а я всё же решился понести наказание за свою нерасторопность: в подъезде и возле него не было ни следов дедушки, ни трупа дрозда, даже пятном не удостоившегося напомнить мне о себе, хоть таким образом демонстрируя возможность сохранения моего сознания, так отстранённо вспоминающего события перелистнувшегося в порочащем сумраке глубоководных, от центра земного в обозначенных единственно желательным для нахождения поверхностей отдалённых и оттого приобретающих облик настоящего, приспособленного к обозлённому совершенству своему убийстве и безнравном, отрешённом от прагматики уродстве человека существа вчерашнего дня; сегодняшний день начался невероятно хорошо: тёплый, журфиксовым полупрозрачным тонким полотном, звонко транслирующим обходимость севдахом трижальным укалывающего божевольно приятно распластавшегося по густой, разливающейся по микрому с первого поверхностного представления беззаботию этому бледно-васильковому, амврой упитанными поверхностями этого беззаботного сада полуденного воздуха летний ветер обдувал наши оголённые шортами, перебивающиеся волокнами при каждом слабосильном, незначительном движении икры и даже подчёркивал не требующие того, слегка деформированные рожки с еле заметного привкуса запущенной морозильной камеры мороженым, нерезкий, благочинно, послушно переходящий в наши расширенные восхищённым возбуждением ноздрины запах цветущих растений особенно агрессивно заставлял нас прельститься их поразительной уместностью, а случайно проходящие мимо люди разнообразного настроения, так усердно в любом случае нацеленные на обвивающее их свободу необходимостью приписанными быть к обособленным от воли пожелавшего ограничить тебя запьянцовского антрацитового хозяина залавочным грузным сидельцем молчание, дополняли условную повесть своими еле слышными, во мне приглушёнными за нежеланием быть услышанными точными шагами и иногда проблёскивающимися, скрипящими чуть поодаль мелким жарником туповатыми звуками, наполовину находящимися в аварийном состоянии из неаккуратной эксплуатации молниями раскрывающихся рюкзаков и протёртых врально имитирующих пафос расслабленного приловчившимися недавно к подобному трюку дошлыми, привыкшими дланями сольфериновых конечностей, сульфаминово очищенных от робости полуподвижных сочленений первых фаланг, своих кошельков, и только единожды мы были удостоены услышать сокрыто пугающую своим карженкой диковинной искривлённым потоками,

достойно непонятным слогом губяной детской наречности багрянородного сознательного отстранения от комом следящих за всем легкодоступным окружающих умов человеческую речь, пока не покинули район свой: то был выходящих из круглосуточного магазина мужчина с блестящей, нищелюбиво пролегающей под падающими доброжелательным, но всё ещё атакующим существом своим это заботное создание ударом лучами лысой головой и бутылкой сверкающего в лёгких движениях частых глубокими варками отпрыгивающих неоновозелёных свечений пива в словно прилипшего подвижия руке: неспешно, да с некоторым внутренним колебанием или положительной напряжённостью говорил он о каких-то бегунках и пешеходах, будто кто-то пропел ему браньённо описанный в подробностях безобидно тёмный сказ, а игриво насмехающийся трикстероватым толком неизвестный щур не доехал до объекта, и при всей этой, казалось ранее, несерьёзной реплике можно было даже издалека ощутить его натянувшуюся истончающейся острой струной злость и желание выругаться, скрываемые, очевидно, из-за вышедшего чуть позже из того же магазина маленького мальчика со слабо жужжащим игрушечным вентилятором: вряд ли он работал по назначению так хорошо, как подразумевала бы его заевно хитро играющая скорее с неподготовленным капиталом родителя цена, да и замученного необновлением, действительно привлекающего скептическое робкое внимания ребёнка интересовал больше расположенный на нём рисунок, чем он хвастался сперва отвлѣкшемся на проявленное после выхода из освещѣнного весьма плохо помещения уличное благолепие отцу, называя его то папенькой, то папочкой, того, кто уже со смягчѣнным тоном продолжал говорить о неких ночлежных домах, о проверенной схеме с объявлениями якобы от матери или отца о потере сына, и после он с почѣсыванием своих уже покрасневших за эти незначительнейшие мгновения разделяющего полуосознанное отняtie от оногo дискурса после удовлетворения сыновьей воли и воспалившее лёгкую рябь на руках его изуственное действие разговора ладоней застегнул обрамлѣнную утолщѣнным внешним оливковым роялем нижнюю пуговицу упоительно в аспекте подзобочной наружности хорошо выглядящего пиджака и аккуратно, переставляя избавленными от любых пылинки или малозаметного пятнышка матовыми туфлями направился с сыном к машине, однако это я уже не видел: мы идѣм через трудолюбиво вытопанную общими усилиями неглубокую узкую тропинку, иногда встречно останавливаясь, дабы пропустить проходящих вне зависимости от их половой принадлежности и размерности, и сейчас встали, кажется, из-за меня: сын спросил меня насчѣт самочувствия и того, почему я его не слушаю, и я с блеском воспроизвѣл каждое выверенное его речевым аппаратом во время наблюдений действий мужчины с сыном слово, акцентировав внимание только на том, что там произошло нечто необычно: такое ли оно необычное, мною не понято до сих пор: это существо якобы скрывается, хотя все понимают причинность

отсутствующих формально кадров, тех, кто не платят налоги и становятся жертвой рабства только ради сохранения своего паспорта: всё ещё продолжая своей относительной малочисленностью прекрасно видеть происходящее: щепка легонько раскалывается, и её начинают есть, и у современного человека хватает смелости только удивиться тому, как же его организм смог переварить это; графитовым цветом объят каждый ранее чёрный объект, и блики глядят в нас сковывающими зрение уколами, только помогающими продолжать скромной, осложнившей свои когти налипшими иридиевыми жирными пластинами дерябой двигаться: мы, почти это время не ощутив, добрались до вокзала пешком за час: казалось, что только послушно ожидающая электричка торопит событие, вынуждая нас всё более поспешными методами насладиться прекрасной природой: выпадающие ветхими чеками недорогие билеты куплены, и хотели мы зайти во всё ещё поражающий меня дешевизной и обилием собственных товаров книжный магазин на втором этаже, да только прибытие, думается, уже снизошло, отчего отстались лишь несколько минут, и сопровождающимся прерывающимся на невосстановление шарабанно успевающего за последованием своим дыхания чуть не гомерическим смехом небыстрым бегом мы добрались до расположенного заурядной жертвенной тлём посередине вагона, потом ещё какое-то время идя до павшего на наше определённое в веселье предпочтение крайнего: из плюсов: есть рядом туалет, а людей сперва значительно меньше, хотя и полноценную универсальную закономерность мне выделить не удалось из постоянно меняющихся обстоятельств, из минусов: есть туалет, почему иногда может даже вонять или придётся лицезреть пьяные перемещения к оному не в полной мере адекватных субъектов, могущих и в некотором роде испортить отдых или путь, о чём мы сейчас за жантильной иллюзорностью беспечального взаимодействия не думаем, в движении набирающего обороты еле обрызгшего изношенностью и регулярным необновлением, нещадно попадающего под фатум испытания мифического колоссальных скорости и силы полканом поезда глядя на сменяющиеся яркими картинками виды ещё городских домов и улиц, призывным держанием одарённых влюблённо детализированными рисунками и играющими разнообразных видов и плотностей орясинами детьми, катающимися на изысканных и не очень уточняющих продырявленные крошечными туннелями червивых галсанных воздушностей тропинки эти расширенные велосипедах, приятно скатывающих спины самокатах и еле ограничивающих проходимость скейтбордах, сидящих, смотрящих на поезда бабушек и дедушек и бегающих в спонтанно образованной орхестре животных: мы выехали из города, уже наблюдая шумом проносившиеся пышные леса зраком наблюдающего гиганта и приятно возбуждающие в тебе мысли о недолговечном тёплом затворничестве пригородные деревянные домики, часто просевшие в одну сторону, но продолжающие содержать в себе столь родных его ответственному труду дружелюбных жителей; геберения:

в подобных местах: обнесены они сочащимися гужевой оборой ротанговой вязкости кустами и обросшими серебристым папоротником полями, только смиренно дожидаящимися своего времени, при этом поющие улавливаемым нами лишь протяжным движением славным свистом птицы невольно подстраиваются под ритмы эти вездесущие, так цельно демонстрируя свое секундное, зато абсолютное превосходство над погрешившим человеком, и сын мой тоже, расположившись ещё ближе к стоящему всей своей грубоватой непоколебимостью окну, наблюдал за шаматоном притягивающими природными портретами чрезвычайно внимательно: один из корней релятивизма и сомнений в истинности выбранных сентенций мог бы и умертвить существо, да всё же более гуманным образом, интеллигентно обойдя антиклимакс человеческого тела и сознания и предоставив ему большую свободу: так, что бывшее самоопределение покажется ему назиданием, хотя и не провоцируют меня такие мысли на идею отшельничества, только напоминают о нераскрытом потенциале, видимо, уже упущенном абсолютно, как и гуманитарность в целом, в чём я бы с ним и согласился, только заметив, что философская методология способна черпать себя не из: оставшейся неизменным оловянным гнездилищем матицей обязательного неотносительного эхом подребезжать с распахнутым вместительным фазовым норотом угольного: оставленной тошнотворным лоском признания вызывающих лишь: доктрины нематерии есть, но есть; я приблизился к необходимой остановке: стремились мы провести наш пикник не возле перенасыщенного человеческим гулом и вымученного животным образом привыкания к ужасному в окружении ужасного неудобством пляжа, что тоже было бы неплохой альтернативой, а в осыпанном нашими резко опадающими к прочным будыблям нерушимых узким временем пространств, дымящихся разгарчивым прахом редкой благой телесности линных углей цвета ковенстри, воспоминаниями малоизвестном месте, и мало было удивлённых тем, что на этом полустанке кто-то выходит, взглядов сидящих в вагоне: пришлось отличиться и от наших родственных душ: выбранный нами вектор отличался ото всех без исключения: думается, кто-то мог подумать о незаконности наших намерений, ибо полноценной, проливающейся воцагой заведомо безопасного облика и чувства тропинки в нашей стороне вытоптано не было; конечный наш пункт – двухкилометровое в длину обильного аквамарина озеро, невероятно любимое часто приволакивающимися к нему с иных сторон озабоченными туристами, располагающее близ себя острые, наклонами своими манящими давящие невеликие становья ближайшие невозможностью не соблазниться чудовищной безобидной прелестью пятидесятиметровые скалы: казалось бы, поход наш с этого неудобного пути абсолютно нелогичен, однако здесь мы не впервые: некогда мы потерялись, хотя и не особо следили тогда за счётом времени, отчего сумели здесь почти всё детально изучить, пришедши в итоге к выводу, что здесь находится всегда призывно безлюдное место, оставленное вниманием,

думается, из-за условной невыделемости ближайших видов, всё ещё в границах эстетической оценки городского жителя становящихся одними из лучших в градации вообще увиденного за жизнь, и с сыном мы продолжили наш уже привычный путь без каких-либо обливающих топящими крупностью своею ставами тёмного весенне-зелёного неловких ситуаций или казусов: всё прошло по плану, и неповседневная свежесть услышанных в седых власах останков существования издевательски лопающегося в ночи ароматами увлажнённых мхом камней леса запахов и распростёршихся, непоследовательно искривляющих сдавленные ископоти под ветрами и движениями животных пейзажей до определённой поры заставляли позабыть о наполненности органа мочевыделения, но сейчас, когда мы отделились от потенциальных населений поезда и не имеем единственным случаем располагающий некими сгустившимися под натурой человеческой массаами по всему периметру пола туалет внутри электрички, в чём я нежеланно удостоверился незадолго до долгожданного выхода, более нет смысла сдерживать вполне естественное предвосхищение: попросив сына подождать, я пошёл чуть вглубь леса: по щекочущей уверенно передвигающиеся в неизвестную пока гущу небольшой рощицы огрубевшие колени вердеповомой острой траве, всеми немислимо удачно осуществлёнными боевыми навыками обороняясь от не позволяющих лишний раз остановиться в этом обкусывающем тициановой ирритацией громоздком конкавном мельтешении многочисленных комаров и прочих подобных насекомых, что могло быть затуманно упущенным из моего сконцентрировавшегося на самом выгодном шаге в забитой цепляющимися острыми ветками дичи взора, сейчас представляющему обволакивающий всё тело жупан в надежде спастись от оных, ползут наши маслянистые крошечные, подпотевшие неестественностью вовсе физического усилия размытого в настигающей мгновениями выведенной ею же привычной, бессонным одурением взбухших сосудов вливающейся уже в телеса твои светящиеся расслабленности мгле этой безвылазной неудобства поры: очевидно, без каких-либо улучшений в процессуальной, растягивающей мои порвавшиеся окнами беспятного аспектности я смог дойти до широкого объёмом высокого валуна, камня или чего-либо, чем можно обозвать отсвечивающую цветом полыни тёмно-серую большую зеленистую массу, и свершилось опьяняющее ожиданием своим событие, однако за сим последовало ещё нечто: видимо, именно из ненависти к кровососущим и мирского желания я игнорировал все подозрительные, неестественные дальнейшие звуки: конкретно сейчас, уже придя в надлежащую жителю современного города, условно отрезвлённую форму, я стал подмечать похожие на стянутые неплотным барьером выкрики и свойственные сильным шлепкам звуки: действия мои теперича слажены и практичны, почему было сделано решение лучше оценить ситуацию: никто не исключает увлечённость некоторых индивидов марьяжами, по крайней мере, такой тезис существовал в моём разум на протяжении нескольких секунд, потянувших

за собой интенсивный шаг чуть в сторону, дабы при спасении быть способным лучше оценить ситуацию, что действительно оправдало свои ожидания: спустя примерно двадцать секунд аккуратных передвижений я оказался в чуть отдалённой доднесно распутившимся кислотворной серебристой длиной расстоянием тени свершаемого, причём абсолютно обыденным раствором рот девушки, якобы никакого особого удивления и не выражающей собственным нетяжёлым, пробивающимся сквозь нечистотную материю кабестаном полуденного всиянием, более не был закрыт сжевавшейся к несильно прижатой изгибом молодых позвонков шее изолентой, глаза были закрыты хлипко обвязанной грязной бесцветной футболкой оголённого до колен полного мужчины, оставившего трущиеся о покрасневшую власую кожу штаны шуметь во вшивоте потрескавшихся под напором тел, трав и даже искривлённых веток вместе с бляшкой длинного коричневого ремня, сверкающие, отказавшиеся даже от еле заметных покрасневших пятен привычного человеку нагноения гладкие ноги соединены в колыхающем слабомощном, выражаемом девичье же согласие этой расхлябанностью рук удержании их едва имеющего на своей схожей с трясущимися ногами её голове волосы, ещё за тем будто чуть выдающего приносящее в первую очередь субъекту этому актёрство человеку, уже украсившего свой распротёртый сладенькими полосочками осевшей иссушённой испарины и жирными складками плешиный затылок непрерывно текущими ручьями капающего едва не в рот девушки пота искусной негоции производителя и появившихся в возбуждениях не только страстных вычурных сил, на лежащейся сальными слоями изнеможённой регулярным бегом выжлицы спине виднелась небольшая, скрывающаяся от меня за быстрыми импульсами выцветшая зеленоватая татуировка, а чуть ниже сумелось мне рассмотреть достаточно длинный, выпрыгивающий молковую предотвращённую опасность шрам, причём уже находящийся в моей облитой потным кунштюком руке инструмент словно говорил о родственности с физической мотивировкой одного дела: я уже в метре от него: более я не могу смотреть на ранее ещё заставляющее меня усомниться в естестве своём из будто наигранного слабоволия и поддержания афронта встречным непотворением дамы преступление: о нём, видимо, говорят яркие, шафрановой плазмой шлёпающиеся в спасающиеся редкими, уже слипшимися густыми ресничками волосками ноздри кровоподтёки на его обшивающей лик жертвы футболке, продолжающие ронять скопившиеся на лице девушки от удара или пореза капли искрящейся в лучах пробивающегося сюда покрывающими рябью всё находящееся здесь множественными шафталами солнца крови дуновения почти облегчали эту абсолютную, только разорвавшимися глубокими дырами подглазьев подгибающую неподъёмную, стянутую пленой собственной потери собственности темноту: уже стихающие попытки сопротивляться и ставшие главным аргументом в моём суждении реплики еле слышно производящего звуки

мужчины: сперва говорил он о жене и детях, о том, как его привлекает его дочь и как ненавидит за то жена, обнаружившая это влечение ещё во время младенчества своего чада: он говорил, что его типаж изменчив, флективен, он зависит от нынешнего вида и развития его дочери, и каждое слово своё он заканчивал вычурно хлесткой грубой фрикцией, заставляющей аматёрым лизуном гадкую слюну на его лице растекаться по частично обнажённому, идеально гладкому бледному телу девушки, и завёл я уже нож над сочащейся желанием быть разрезанной плотью его, как начала девушка спокойным голосом говорить мужчине о том, что это она является его дочерью, что это он вновь перепутал людей, что мать её специально не даёт мужу лекарства, что никто его так и не поймал за неизобретательными подглядываниями, столь очевидными для неё и даже вожделенными с тринадцати лет, и сейчас она, уверенно скандирующая речь ту уже полностью потерявшемуся в путях сознания своего отцу, без выраженных признаков возбуждения продолжающему нелепые, шлёпающие звонкой пустотой поступательные движения и смотрящему закатившимися алыми белками глаз запущенной размозжившими выступцами невероятно слабое, изначально уродливое, но ещё сокрытое от окружающих чертополоховое естество его болезни куда то вверх, только принимает его действия, говорит, что давно ждала, когда же мать решится отказаться от курса на столь продолжительное время, и с освобождённым от упавшей близ неё окровавленной футболки посиневшим опухшим лицом, показывающим мне, ещё стоящему с занесённым ножом на расстоянии от оставленных духом глаза его в паре ничтожно спрятавшихся благодаря неуверенности моей благой сантиметрах, разорванную, стекающую розово-лиловыми и брусничными полными массами своими в распахнутый отвратительным обручем широко открытой армейской тугой папучи рот ей и еле вмещающее и слезу и оттого выталкивающее все порывы изливистые пространство над оставшимся пальцем, потому и не использующим весь свой зрительным потенциал, тонкую бровь, и начала они призывно совершать те же движения, от которых ей следовало ранее бежать, и начала она окровавленным остреньким, в другом случае очевидно внушающим бы искреннюю, безгреховную чистоту девичью языком слизывать с кисловатого скабрезом испарин лица его густую слюну, говорить, что отказалась на прошлой неделе она от могущего предоставить только урезанные в числе и качестве своих потенции похода за грибами, чтобы отец её накопил должное желание, чтобы согласился пойти в тот день, в который ему ранее было бы неудобно, и всё это было часть нехитрого, зато давно подготовленного плана: всё пошло так, как она хотела, и теперь они, влажными гадами бездыханно упав, игриво извиваясь в непривычной тому позе, только тёрлись своими обитыми исступлённо вывороченными в существе внутриестественного, гузном рождённого в не столь страшном, но непригляднейшем слепотою своих облепленных сирыми довольством жлука искушений карминовом грехе

Вулина органами друг об друга за неспособностью отца задействовать необходимое: я молча ушёл: меня не заметили, по крайней мере, не подали вида, ибо не исключая возможность их или её предпочтения стать существом, в полной мере демонстрирующим свою искреннюю оголённую мерзость: отойдя от расположившегося в квартире моей небонтонной лесистой главой валуна на пространно ощущённые пять метров, я с переменным из-за навалившихся колящих тонких веток и неудобно для меня расположенных небольших тёмных камней достижением побежал, ведь уже не мог быть мой изрядно противляемый тишине шаг услышан ими, а сын и без того долго ждал: при воссоединении нашем он ничего не спросил, кажется, подумав о моём потенциальном несварении, впрочем, меня такое подозрение если не привлекало, то вполне устраивало: во время остального пути разговоры наши были всё таким же образом положительно удручены непошлым весельем будто специального для этих мгновений нестрашного дурмана, освобождённого необходимостью почти бездумно перемещать облегчённые ношей словесами своими отставляющего остальных в ином пространстве измеренном пантакля киновари телеса времени, накопившимися рассказами: мы пришли: на самом деле, иногда даже не верится, что об этом месте не знают, ибо попасть сюда гораздо легче, чем к нагромождённым туристами остальным подобным местам, если преминуть некой педантичностью в виде смирения с прохождением сквозь вполне неплохо сохранившийся лес со всеми его негладкими вытекающими, чем занимается любой, не наблюдающий вожделенно гименофор собранной поганки грибник, и виды здесь восхитительны, причём вода прекрасного керамического цвета здесь, словно находимся мы сейчас в некоторой нереальной, образованной иноческим peregrinom современной параллельности, словно облитая лабрадоритом холодная гладкая скала, сейчас так дружелюбно принимающая нас смиренного извета и согласия обаполым рукопожатием, не существует вовсе: словно мысли мои и стенания обличены шизофазичной, бесцельной грубостью, словно не существует сына моего и увиденного сегодня и вчера, словно червь с восхитительными человеческими органами не представал предо мной в том восхитительном ариозо неенного расчленении, и можно было бы помыслить такими категориями, да опровергается это дуальным фактором: сперва необходимо упомянуть о желательности подобного развития: действительно, жизнь моя, думается, не обременялась бы подобными страданиями в случае выдуманности сына, да и остальные ресурсы и прочие относительно подготавливающие падающую острыми, потерявшими значимости свои голиками почву для комфортной жизни условия так были бы соблюдены: выдуманный сын не расскажет об убийстве, не поведаст соседям о навязанном врачами больном поведении, о регулярной невозможности зародного озябшего толка голытьбы продолжить начатое действие, во время чего я пугающего сардоникуса изрядным оскалом внимательно разглядываю каждый

интересный мне элемент испещрённой, казалось бы, малозначительными уточнения событийности, однако двойственность темы полностью раскрывается в уточнительной дихотомии обратной эмпирики: с другой стороны, факт абсолютного одиночества не мог бы обойти стороной общество: всем интересно, все хотят залезть в жизнь испачканного клевом упущенной из обликов ненасытности окружающих человека и вычленив отсюда что-нибудь выгодное, отчего аргументация может быть опровергнута: несмотря на это, справедливо похожим ортом протянуть сентенцию с визионерской почвой развития сына чуть дальше: откровенно говоря, столь подходящих мне существа и психики не нашлось бы, думается, во всей этой стране, почему всё-таки продолжу линию с его пропускающей потенцию влияния вовсе любого за достаточным взаимодействием неправдоподобностью: если же он не выдуман полностью, то надлежит более пристальному рассмотрению его основа: вероятно, я таскаю с собой покрывшийся давно пухлыми слоями смрадного, приземляющего на себе интенсивно плескающихся червей и нарывами танцующие спелые личинки мха труп или какой-нибудь объект, напоминающий мне вперением измученного разбитого рассудка о нём или о чём, впрочем, это может и совмещаться, да снова мы влезает в неоднородность первой фазовой станности: это было бы абсолютно точно обнародовано, и акцентировать внимание необходимо именно на вычурности двух тезисов, образующих выделяющееся из всех остальных неантиномичной противоположностью из несовершенств своих определение: степень условного нечастного опьянения грехом или некоторой, вероятно, другой категориальности столь высока, что прохожий, возможно, и не подумал о реальности произошедшего, у него проявилось бы после подобие вырожденной вьюговейной войной диссоциативной амнезии или сознательное умалчивание об ужасном с подсознательным отождествлением себя с ним: если он говорит об ужасном, то он ужасен, что весьма противоречиво и безосновательно, зато часто применяется обывателем на творцах, приравнивающих искусство к прямому, даже оскудневшему на проявляющуюся повседневно интеллектуальную игривость диалогу: вероятно, в этом и есть некоторая правда, да только в жизни говорить об этом без изъясляющего страсть желательную лютряного прищуря нельзя: потому я защищаюсь: мы уже расстелили чуть прилипающий к заусенцам проглаженной кожи моей широкий плед в клеточку на ту же холодную гладкую скалу, о чём нужно заботиться едва ли не в первую очередь: заболеть просто, а стать жертвой неконтролируемого гнева вследствие недостаточности места на принесённой материи ещё легче: мой сын живой, он делает то, до чего бы я сам не додумался: чрезвычайно извращённым способом он в голодной агонии составил демонический бутерброд из дешёвой, запахом своим сталкивающей с ног иных насекомых докторской колбасы, дорогого, за тем продолжающего ещё вмещать на себе остатки несколько халатного производства российского сыра, исключительно грошового,

купленного в фантазмагорических размерностях лишь из убедительности предлагающего за не столь значительную сумму значительно большее количество этой материи загадочной природы маркетингового хода хлеба за одиннадцать рублей, дорогущего в моём скромном понимании кораллового варенья за пятьсот рублей и уже находившейся у нас дома хорошей, инородностью своей всё же отстраняющей немного арахисовой пасты: такая комбинация, кажется, не могла бы прийти мне на ум и в лихорадочном сне, однако сын вполне чарующе своими смакующими каждое семечко варенья жевалами получает от данного блюда растекающееся берёзозоловым талым снегом удовольствие: это и есть настоящее безумие; пришли мы без корзинки, зато с двумя неуправляемыми из-за ветра в опустошённом виде туристическими крепкими рюкзаками, отчего я, оставив жующего это адамово яблоко, в моём апкорифе запрещённое именно из невозможности существования столь неприглядного, подобного свисту взрачной куржачной мари сочетания, наедине с подложенными ему под ноги сытыми рюкзаками, пошёл ближе к зазывающему туместным лощёным шёпотом берегу, отдалённому от нас естественно преграждающей задачами самыми забавными в форме простых, медитацией укрепляющих втянутые увлечённостью икры мои препятствий каменной разнородной и разноразмерной лесенкой и имеющему подле себя несколько выделяющихся среди прочих увесистостью камней: елозой я несколько раз едва не упал прямиком в плескающуюся у оголённых предсказуемой слабостью ног воду, всё же каждый раз находя спасение в торчащих корнях чуть не сваленных громоздких деревьев или надлежащих сцеплению с ними углублениях иных валунов, и смог я спуститься к небольшому, похожему скорее на трамплин значительному выступу, предоставляющему наиболее комфортные условия вылавливания обезлюбленной несардонической смелостью небольших камешков из озера: два я с остановившейся за преждевременным осознанием опасности преобратившегося положения вдохновенной грудью кинул прямо возле сына, а остальные три с излишним трудом, зато без прочих стенаний гласа опьянённого победой разума понёс приноровившимся к особенностям местности шаркуном вручную: удивительно, но обратный заход с дополнительным весом стал куда менее трудозатратным, думается, благодаря особой ненарочной кладке земли и приглядно помогающей форме скалы, на которой мы решили расположиться, и только мимолётом я в проворачивании впечатлительным юнаком мыслей этих огляделся, как застал притянутый течением побледневший календарь: для рассмотрения его мне пришлось значительно изогнуть свой изломанный трудом позвоночник, без того нежелательно нагромождённый немалой нагрузкой, и повернуть противящуюся тому выю на пятьдесят градусов, дабы вертикаль взора моего соответствовала расположению нежданного, за сим и фуксом заинтересовавшего так сильно, что заставило вычурным образом самому приспособиться под весьма обременительное обстоятельство, объекта: календарь, очевидно,

принесён ветрами посредством регатовой влаги озера, да только сейчас он наполовину был высохшим, другая же его часть в жирной сырости потеряла любой цвет, почему справедливо положить его достаточно долговечное пребывание в таком подобном мне положении: бесцветная часть словно обгрызена и растворена, чем компенсируется удивительная при соседстве с подобным примером разложения сохранность выцветшей на жарком летнем солнце часть с подписанным изображением и годом, который календарю необходимо описать, причём ни точности числа, ни надписи под фотографией нельзя увидеть: кажется, только полноценная в своём систематическом подходе экспертиза способна восстановить образы утерянных полуобморочно окислившейся жустанными щелчками поражённого гладом бестелесным разром сафлоровым выцветанием краской, ещё тяжелее понять, что было популярным в тот год символом оно, ибо на еле просвечивающейся ирисовыми тенями звонкой тишины фотографии одетая в ту же летнюю одежду, подобную сейчас угнетаемой в кагально изрезанной общности обезображенного, утерявшего единство членимости своей неяглой смиренного обилия наиболее неприглядной в оставленном лике своём засаленном нашей, девушка не озадачена ни пошло выделяющимся крупным облаком тенчас воспалившей кратко ступающую илой плотностью на крючковатый, облитый самостью инаковой холюзный нарост огробной крупноватой охровой шпору цвета жжёной сиены лишённого текста, могущего поспособствовать пониманию хоть чего-либо, ни атрибутами простёршегося заднелым отяжелевшим станом непривычного облика животного, ни чем-либо подобным, а словеса под ней будто одним бестактным постулатом номинируют её: подтвердить это, думается, нельзя, но мне отчего-то данная мысль кажется явленностью, причём в предположениях моих имена только в определённом роде экзотичные, и смотрит она на меня позолоченными нереидой искрящей блёклости своей за изрядно напотевшими в периферийно обогащённых светом юных, ещё не коснувшихся разъедающих гомерической дланью своею излога семенящего, отказавшегося от честного правдоподобия лутошливого пространства обстоятельств раменах крупными глазами столь же выцветшими, душа её могла бы наполниться, и только участь облагораживает лишь лишённые смрада собственного становление и грех бесформенным сосудом берлинской лазури: исключительно в этом изолированном облачении ей может существовать, ибо ранее ничего во мне не отдавалось подобным откликом, и вид этот, откровенно говоря, воспринимается тем же, чем видятся обречённые быть воплощением прекрасного моклого выражения сублуны: первородно изящны, исключительно собственной тонью необходимы и даже чувственно приятны, хотя мне такого и не заполучить: примерно так для меня отдалено не само это изображение, но способность неконкурентно сосуществовать с ним, и до сих пор неким болезненным, оглушающим длани обезображенные звоном во мне отдаётся тот вопрос на собеседовании,

словно я упустил нечто действительно важное, но вовсе иного толка, чем можно фуксом или необдуманно подумать сперва: потратив на подготовку месяцы, я, видимо, упустил самое главное, то, о чём не говорят, отсутствие чего обозначает меня условно калечным и стратегически опасным, хотя руководствовался я всегда одной лишь честной, обездоленной на цагульную естеством своим в телесах неестественных рознь верой: я не хотел грубить и унижать: я не хотел притворяться и доказывать свою правоту за ненадобностью, да только упущенным стал именно этот фарс: эта выставленная оголённым, взращённым в примитивном нежелании даже чуть превосходного толка непредметным невозможим неконстантного редрого звенящего избавления сваленной в рождестве юностарой падубы социальная беспомощность, бедность человеческого духа, выработанная невозможность долгожданного совмещения страданий с искуплением: единожды оскорблённый будет убивать и насиловать, только временно отдаляя страх взбудораженных внешней, так тщательно скрываемой за денствием болью окружающих и свою урезанную ничтожность: за радикальностью сокроется только нищета внутренняя, и самого понимания такого я некогда был лишён, и возрастили во мне убогие убогого, и единственным путём уйти от этого стало воплощением прекрасного, и это воплощение не совпало с ожиданиями ничем не связанных со мною жвавой кишечностью людей: и в этом зверстве они стали для меня не просто чужаками: их гноящиеся тёплыми, едко обрезающими свои мгновенно восстанавливающиеся начала словутых губяных жвал мгистыми полосами телеса обжигали мои уже образовавшиеся обширные, стирающиеся с самого центра своего язвы, отчего представлением мирного они уже никогда не казались, и несу я оставленную в лифовых кобальтовых нематовых стяжениях фижмами неблагородными мессу с дрожащим под тонкостию сил своих нутром, всё чаще забывая о святости и ища даже изнуряющее неблаголепием оправдание сокрушающим бытийность в растягивающихся струпях отваливающейся мягкой плоти действиям, но не нужно пояснять и мне: окровавленная добродетель поливается полипами покрывшегося ими рта сдавшего, и я его за это ненавижу, что уже одним явлением таковым ставит несущество иной колебательности, изнурённо отвергает меня, да не могу я с этим в обольщённом долгим страданием трухлявым телом справиться: только надеюсь, что проживу дольше; возвращения в наше жило я от протяжного разглядывания календаря осуществил едва не мгновенно: несколько поражающих путной ловкостью шагов в разные стороны, и уже возвышается на белёсой тканью покрытой скале моё уставшее, хрустящее от застоявшихся суставов немолодое тело: дезидеративно сын сподвиг меня самостоятельно расположить еле не убившие его прилетевшие камни и остальные атрибуты пикника: дело это было за своей долгожданностью весьма простым и быстрым, и вот, уже встретив на обратном пути с распростёртыми объятиями только что помывшего ото всей той гремучей, разъедающей телеса своим же образом смеси его

восхитительного блюда либивые руки сына, и вполне в непринуждённой, даже нередкими мгновениями идиллической манере мы, иногда прерываясь на невеликие перекусы или сильно заторможенные из расслабленности наблюдения за восхитительной и в несколько обделённом туристическим лоском подготовленного расположения леске окружающей средой, пару раз даже подстегнувшие к весьма неожиданно выдуманым действиям, как, например, попытка спасти невысоко застрявшего на чрезвычайно настойчиво благоволившем оной сепийном немолодом, но весьма своеобразно выставляющем свои нелёгкие частые пухлые путы наскирдной сухости дереве птенца посредством последовательного, ускоренного незначительно щиплющим, вымытым по натуре своей страхом взбирания на него, причём всегда мы с улыбкой разочаровывались подоплёке прозаично скроенных простотой событий, каждый раз заставляющих нас претерпевать падающие нелёгким дрейфаглом на наши размягчённые слабости переживания без какой-либо на то надобности, и птенец по одной только своей воле, думается, едва неумело имитировал в призывно позволяющих комфортно сосуществовать условиях пение взрослых особей, принятое нами за требующий спасения своего исполнителя жалобный писк: также обсуждали якобы насущные в искривлённых нашей близостью к ним недожданным, заношенным в непростой примитивности своей запрясельной тяжестью акрополевого дамасковым реуком явлениях темы: для сына таковой стало обсуждение отношений между его одноклассниками, однако выступал он обезличенным всезнательным повествователем, а не соучаствующим интригой рассказчиком: в описанном не было места ему, как и какой-либо критической оценке: для него они не столь интересны, становясь только формальным поводом для приземляющего от истинных неблагозвучных дум разговора, хотя и некоторое отдельное скептическое внимание, уделённое конкретно чёткой систематизации детей, ощущалось необычным, что только подтверждает его математический талант, думается, не всегда могущий быть использованным к структуре небольшого общества людей из отсутствия человеколюбия и желательного участия в таких рассуждениях, зато не было в сказанном и негативной коннотации, вполне заслуженной завидующими, отрешающими истинную личность от себя детьми, до возраста, обозначающего начало определённой самостоятельности и меньшего внимания к школьной жизни, нередко заставлявшей моего сына приходить в ободранной вследствие возбуждённого отсутствием за добротой ребёнка ответной агрессии насилия одежде: главная вина в этом, как мне субъективно из злости на этих ложементно упавших на подобную приземляющую наши пяты оденную поверхность видится, в лишённой размышления природы удовольствий и плоти своих жестокости отвратительно капающих на мир изолированных детей, в их выпадающей степенной, за полным непониманием возбудителя остающейся на всю материальную жизнь этих уродцев ложью способности ассимилироваться под требования родителей при особой

нужде и объясняемой вполне честной, да монструозно развращённой в видах деятельностных любовью к своему чаду недалёковидности опекунов, так смело закрывающих свой взор мыслями о святости изопрённо пролившего конкретно свою нездоровую суть непанкитным рубцом морковным ребёнком, но нельзя не заметить, что издевались над ним иногда и из-за моей профессии, отсутствия матери и только предположениями, зато так жестоко случайно выделяющими из шутки и унижения правду об отсутствии кровной связи между нами, о которой я и без того слишком много думающей только о легенде бытового разводе и отказавшейся от ребёнка матери классной руководительнице решил не говорить, и когда всё же удавалось им найти истину в своих омерзительных догадках, мой сын сразу шёл нечто отстаивать, но только не за, вопреки дальнейшим предположениям этих жертв той же социальной несправедливости, себя, а за своего: уже посредственно отрешённого от окружных стояний избитой лашуньей отца, ибо знал он, как я могу быть расстроен упоминаниями только о кажущейся моей искристой темнотой формальности моего отцовства: кажется, словно все сомнения глупы и безосновательны, словно это колебание даже унижает никогда не имевшего близко никого, кроме меня, стегаемого своими обрубающими благополучное естество взаимоотношений наших углубляющимся в недра исконной старой смрадности своей непапошливым донацитом одинокими рассуждениями о некровной подоплёке нашей, но не могу я ощутить его своим сыном, воплощением моей развращённой ничтожеством крови, как бы за усилиями нечеловеческими ни старался: об отстаивании чести отца я и не думал никогда, ранее только несколько раз решившись на какое-то смелое, даже внешне кажущееся незначительным и показным еловое действие: всё моё падение и выбор профессии можно назвать идеологической верностью, однако деяний с моей стороны так и не последовало, и робость моя превышала волевою конструкцию в униженном внешностью рассудке: я жалок, отчего не могу воплотить в мысли своей причастность к благородству сына более, нежели обыкновенное обстоятельство, нежели череду совпадений и принятие за узуальное возможность воспитания мною обставляющего невзопряной бедой иное вожделение человека, возвращенного благодаря детдому более, чем моей молчаливой назидательностью: такая трусливая, только подобная себе сентенция могла бы стать сокрушительной для относительной жизнерадостности сына, поэтому я тщательно скрываю вероятность выпадения сходных фраз из моего неподконтрольного рта произвольным забытием, и корю за подобный обман себя ещё сильнее, с разжигающими мои выбивающиеся жёсткими газами поры слезами представляя исподлобно честное, открытое мне улыбающееся лицо прекрасного сына, и в отвлечённых мыслях этих я действительно заплакал, заставив его спросить о моём самочувствии, о том, не из-за его ли рассказа, в сущности абсолютно безобидного и внимательного ко мне я, так разгорячившийся от выстроенной в голове абстракции, сейчас

робко тронулся: только диковато, неестественно оправдавшись влиянием излишне яркого, пошевнем заставляющего скатываться мои налитые ыкизным хрущеватым востоком жидкости солнца и повлиявшей на решительное неморгание забывчивостью я непоследовательно продолжил вести некий несвязный диалог, и сын мой не мог не ощутить очевидное, почти поднявшееся к иронической согре прививание, да только ничего в этой стягивающей темрявой ранее ясные, чистые в сердцевинах своих излияния дымке не сказал, полностью доверившись мне и посчитав это в таком случае необходимым сокрыть от себя; мы продолжали свои условно называемые таковыми скромные пиршества, в один момент, видимо, потеряв некоторую грань желательного посредством излишнего увлечения пищей: собственно, объевшись и начав примерно каждые десять секунд невольно проваливаться в липкую, столь благовонную прочной, осторожно огороженной от внешних нежелателей стойким летающим пехтером кущей пещеру Морфея, и боролись мы с этим самыми разными способами: то я сходил, опуская чуть насевшие на образе пылинки уходящего ветра в ещё текучую небесную влагу продолжающих существовать развевающихся качественных пестрадин, умыться в озере, только обеспечив себе более комфортное пребывание в такой искушающей зыбким сном жаре, то сын пытался благородно, отказываясь от иных заресорных, спрятавшихся под фантомными призывами обликов оттопыривших нрав свой задней отвердевшей частью прозрачного жёлтого цвета подёнок ухищрениями нетяги, встать и сделать зарядку, по прошествии которой справедливо устал и захотел заслуженно отдохнуть, в лежащем положении ещё сильнее приблизившись к поражению заалевшего достоинства, и многие ещё наполовину шуточные методы были нами использованы полностью безрезультатно: всё потраченное время лишь сильнее способствовало сокрушению наших целей и намерений, впрочем, вряд ли мы заснули бы надолго, и со столь чрезмерными для нашего положения искусительными мыслями я принял судьбу, не став в очередной необходимости тормошить упавшее тело сына выполнять свой нависший над оправданной велеречивым, описанным внушением мармом слабостью антицапцпарельною, через минуту обязывающийся совершить тот же оттеняющий наше безрассудство ритуал, и аак моего разума поплыл в, кажется, исследованные, зато сильно с момента нашей последней встречи преображённые прогалины, и чувствовал сперва я именно лёгкий шелест иногда падающих на лицо слабосильных листьев своими странными ушными подобиями, и в осязании несогласования времени года с ощущаемым глаза мои отдельно от воли распахнулись, начав в едва начавшей проглядываться туманной тьме распознавать некоторые полузакрытые образы, никого отдалённо не напоминающие и никакое индивидуальное бессознательное, как мне показалось, не складывающие: сначала я увидел чуть левее середины моего обзора гигантскую, прорывающую истрёпанное гниением временного пространство молнийной, своим

растяжением надрывающей внутренность беглого ристанья оставленной человечности папилломы голову с вовсе незначительным, думается, даже могущим в сравнении с моим заурядным обликом показать близкое, различающееся лишь по едва заметной сакме еле увеличенных малозначительных черт значение лицом, и всю остальную асимметричную часть главы составляли неоднозначно противоречивые элементы: искажённый иконическим видом лик находился в самом низу, чуть не у располагающего обыкновенно подбородок месте или даже ниже, над ним якшалась крепью горделивого объёма глубокая, вставшая едва выше чудная впадина, столь длинная бездной, что тень внутри неё обозначалась непроглядным, стравливающим вразьями обленившуюся за бесполезностью собственной некоторой особенной, отличающейся от обыкновенного трудового забвения силой дуранду с бескрасной вышиной мраком, хотя поначалу и можно было подумать о незначительности этого съедающего крупные, почти единственно восставшие в пути прекрасного области углубления левее лица сквозь меньшую, соотносимую по бокам равнозначными густыми морщинами перегородку можно обозначить подобие впившейся в основание этого прозрачного естества шеи, сочленённой близ лица и распростёртой до самого верха объёма безшеиглавия, и покрыта она множественными, еле двигающими разрезанными обрубками обсохших, восстановленных за вонью окружающей гладких неровдуг, несмотря на свою природу, очень даже уместно вмещающихся в лёгкую подвижность этого иллюзорно восставшего существа, то ли имеющего переход шеи чрезвычайно долгий и постепенный, то ли вообще лишённого рук и свойственных туловищу частей тела, и последнее, что могло быть мною увиденным снизу, представило собою сужающийся чуть после бугорок, в одном месте даже чем-то близкий к объёмности той самой верхушки обглаженного хигной оранжевого кадмия кумпола, занявшего такое красноречивое требой место, что это близкое эволюционировавшему хохолку состояние плоти представшего предо мною исключительно дерзко акцентирует на себе затормозившийся на ненормальности, неподобности, ненадобности, нестабильности, недолжности, невозможности горячечным хоботом отставленных, оторванных в веселии чужом зеницами взгляд, и нельзя не заметить даже мелкие, едко уползающие его детали, в таких размерах, конечно, становящиеся просто чудовищными собственной мётной неразмыканость, и колоссальные, толщиной прорубающие природы лоснящиеся волоски его, величайшим шумом звенящие громкими обрывками уползающих вновь под принадлежащую имманентно человеку землю купаву, оплясывают особенно ближе к самому верху, и многие их прототипы из блестящих колосьев образуют поразительной яркости свет, прожигающий и существо моё, и способность подробнее увидеть тени возвышенной над несправедливым изветом твари этой: в ней будто не было согласия с привычной оптикой, в отличие от уже слегка обозначившего себя второго существа правее, и нечто отдалённо противящееся ощущалось не столь в

молчаливой неопределённости лица, будто вовсе невозможной для меня, будто закрывшейся только по факту недостаточного моего развития, будто ради понимания эмоции его мне должно быть нечеловеческой сущностью, должно перестать быть в общем, в бликах крыжной естественности неприродного искристого лоска его, в его отчаянном внимании моего им наслаждения оно чрезвычайно далеко в искривившем парадигму инакового благом землеробном труде, однако во всех подробностях способно воспроизвести любую особенность и вычурную деталь фуксом ставшего поведения, и сзади весь рассмотренный только что бесстрастным приятством унесённого героического смарагда фон был создан лишь этим созданием, хотя и номинировать его оным становится чуть не кощунственным, ибо, вероятно, именно оно созидает наше проставленное пред небесами сфероидно ограничивающей хоть так сконцентрировавшееся прекрасие исконное существование, а не привычная материя, отчего именование его излишне, хотя и могло бы подтвердить трезвость рассыпанных позади частей ещё пытающегося стать частью близкого, устремляющегося уставшими седьями пред разглядывающими омерзительно устрашающим воплем и делом насыщенные набитыми плотно комками выпрыгивающих случайно по мере искажений существ этих жирными неоднородными пругами окружающих бесчинств нечистот кишок своих товарищами существа, и каждый вырастающий на длину вселенной нерв множится по тысяче раз в одно удивлённое не за мгновение, а за такт мировой явление, сильно отдалённое от временного факта за своей внешней мелкотой, и существо словно пытается собрать нового себя будто распавшимися чуть рельефными пеньками, да только попытки эти абсолютно тщетны, хотя правее второго существа и можно увидеть едва отличающийся от уродливого мясного комка влажный сгусток скопившегося клубка еле сочленённой меж собой контактами обособленного ткани, и он даже, кажется, может стать обладателем сходного существу спереди прекрасия, но неспособность стать теперь родителем ему обозначена была гораздо большей трагедией, и горесть этого кумулятивно обличённого отставленным обречением страдания оттесняет меня ко второму: фагеденическим хриплым отлипанием я перевёл подгоревший недвижимой коркой ужаленного индивидом скареда взгляд свой на расположившееся рядом существо, коли его и может таковым называть, тело его также не было мне видно до своего начального основания, однако легко заметить меньшие размеры, из-за его близкого расположения по отношению ко мне кажущиеся приблизительно равными первого, титанически раскормленной властью прошлой сущности, и абсолютная его продолговатость севдаховой смоляной спелости дишканта виделась словно чем-то более живым и человеческим, несмотря на это, разумеется, представляя собой исключительной неестественности фигуру: снизу стекала вверх будто имеющая независимое сознание тягучая, смиренно спадающая к становлению своему предаждьей пестротного пена, и цвета достылые подчинялись некоторому её прочному

закону, хотя и объяснять это приходилось бы прохожему чрезвычайно долго не за сложноставностью, но в ахалуком скрепленной самости изрядно пострадавшей оттеночностью аттической многоочитости: отдельные заусеницы лопнувших, гигантских к окончанию своего урезанного в ненаблагородстве окружающей жизни жизненного процесса пузыряей распространяли цветистое ароматное явство, очевидно, проникая в самую ниспадающую громоздящимся на славе страдания пространством темень структуры не разглядываемого мною, а конкретно в мои: будь я достаточно в это явление чуток к самому себе, думается, начал бы замечать свои вытекающие лакрималисовым несуществом пялыла, но сейчас, вполне осознавая проходящее звенящим блеском стригольного толка в имитации станового происходящее, я могу только предполагать о влиянии выделившихся широкими листьями торфяного заглатывания отягощённого ненастьем произошедшего заусениц на окружности, и начинают колеры приобретать описание далеко не так часто используемое, а причинами опавшей изуродованной свайкой смерти: первое существо на мгновение погибло сляговой давкой, и правый край моего опущенного умом восприятия стал подвальным, а диагональ сверсталась с исключением станости, так горделиво влияющей своими замёрзшими в пылу душащего органами происходящего, запарилась в излечивающей новородием печи, и становились едва различимые оттенки пантагрюэлевскими обрубками плотей предвосхищаемых, и лишь кротко избавленный от того столь часто упомянутого мною в смущённом рассудке, мерзко являющего себя в общем пристрастии одурманенных грехом сотоварищей крайний пузырь, кажется, окончательно свернувший моё восприятие в налившуюся текучей кровью сожаления волю, обозначил определённый прозрачный блик, так яростно на всех краснотах белоснежных паразитирующих, и становилось всё более чётким и контрастным, и фон размывать начал моё им виденье, и полилась снизу новая разжиженная пена, ниточками по окончании цикла цепляющаяся за пикантно выставленные зубцы существа, и так она с хрустом впитывается в него, дабы вновь пройти намеченный путь, и всё же цветом ротанга и лунного рока обозначали себя ярче и агрессивнее, и действие его могло бы быть и бесполезным, не будь необходимым и единственно возможным: в длинном лице его, на деле же являющемся только идентичным остальному туловищу продолжением без каких-либо точных отличий или дополнительных органов, я разглядел шесть неравноправных рядов, состоящих уже из поразительной длины и остроты скуделицких зубов кистей: в последнем и первом рядах пучков пролегающих кисловатым несхороном кистей было вдвое меньше: только два отростка могли с хлюпающим звуком впитать в себя растаявшую скользнувшим прагом иной ступенности материю, отчего казалось иногда, что есть среди этих заставленных жидкостью и вязкой плотностью линия глаз или даже две их, но всякий раз, когда ты действительно пытался увидеть их устремлённым на вожденное толстомясым

глазом, тебя неминуемо ожидало длинное падение своих разбухших неоправданно широко по поверхности изливавшейся ухами земле надежд: в противном же случае, когда ты концентрировал взор свой на чём-то достаточно далёком от фантомных глаз этой окропляющей тебя семенами раздвинутых казематом косящего сущности, они правда вылезали из мелких, сконструированных только несовершенством целостной непрелести отверстий, вероятно, равных по диаметру этим вытянутым чарующим острым власам, и своими внимательными, вычурными действиями любым образом пытались стать заметными, скрываясь по одному только порыву моему взглянуть туда, и в неправильности подобной, как мне показалось в моменты тот и нынешний, я провёл более снедающими ставы гардениевых слабостей моих подкрашенных страданиями упавшего раскатом боевой гири месяца, каждую минуту перебегая с фронта на иллюзорную возможность пронаблюдать его игровое поражение, но не было лучше него, и глаза его ало-бруснично-кораллово-карминово-киноваре-томатно-сульфериново-красные, по-детски заинтригованные и жестоко настроенные, ядовито посмеивались переливающимися всё окружающее маренговыми пустоватыми дымками волдырями, иногда приобретающими даже форму произвольной звезды или параллелепипеда, и сумелось за долгое время это ещё множество раз рассмотреть первое существо и станость, и все стаённые под тупым неедняком протального греха оттенки на плоти второй сущности, и словно отпечаток пальца на нём образовывался с каждой вырастающей потухшим за величию фонарём волосинкой, даже попадающей по горькому отрыванию своему в некое подобие рта первого очень сложно выполняющимися, появляющимися от взрывов тучной пены колебаниями алгоритмами, хотя чаще и казалось из невозможности даже с величайшим вниманием увидеть детали лица его, что приземляющийся самостоятельно волос попадал то в неигриво петляющий остальным телом и собою в непрерывном содрогании глаз, то в притягивающий подобными собратами подобного роста и ценности в эквиваленте одуряющего величинами пространственного забвения нос, то вовсе в отстранённо влияющую на совсем иные процессы щеку, никогда всё же не принимаясь великим объёмом или жилистой шеей, и в односторонне перелётливой игре этой, вполне сурового динамичного порядка, изъясляющего себя единожды и с тем последним образом наперсником чумного безвозможия фисташковой нодёй, я страшно породнился с этими сотворениями: отрывистый запах их, едва отдающий лёгким призвуком металлического холода иступлённой кобы, интегрировал меня в связанные неограниченностью интенциональные мощи их же, и спустя определённые мгновения я уже не мог представить жизнь свою без гипнотичности этой очаровательной процессии: давалось то трудом, но далеко не от скуки повторяемых смен ощущенческих положений или тяжести возложенной ноши: было тяжело не взглянуть на себя или вокруг, ведь можно было исключительно точно

обозначить существование во всей этой колоссального отдаления от земляного центра вселенной иных кремнистых существ и горьких призраков прошлых мыслей и ложных за несущественностью моей же представлений: снизу и сзади, что мне по прошествии этих долгих часов показалось противным любой скептически настроенной критике константным фактом, можно было увидеть останки моего слезшего звонко спускающимися складками будто огубленно увлажнёнными смолистой тяжестью кожами после впитывания тех стеклянных желваков грубыми, мясистыми язвенными комками со всеми внутренностями и внешними признаками человеческого ещё и социального тела, но для продолжения обливающего меня чем-то необыкновенной сутолочи сна нельзя было отвлекаться: я сам того хотел, и того ожидали от меня эти существа, вопреки сперва появившимся искрящимся простором подозрениям, нисколько не пугающим: даже при желании, думается, увидеть можно одну только бедноватую в сравнении с наблюдаемым реминисценцию на ложный гигантизм развитой античности, да и это только через призму возрожденческих, скорпезных по натуре своей изолированной развитых начал: они могущественны, но с тем и истинно прекрасны, в них, если на какое-то время запомнить о лице первого, каждая мельчайшая деталь выделена чрезвычайно изящно, во всех жилах можно увидеть начало и конец, и сила их нисколько не влияет на обрубающее некоторые иные порывы упавшей прозаичной саманухой нежелательного вовсе сознание, и столь же добры они, сколь злы, и нет в них некоторой убогой пристрастности, и даже пробегающий очень редко нелинейным полётом маламут без лап и морды демонстрировал достойную восхищения произвольную непошлую грацию: появляющиеся примерно раз в сутки различными или одними и теми же существа помогали сверкающему начатком сугреватой препоны появлению некоторых энциклопедических знаний насчёт окружающего, да только они выбивались из обликов масштабности личностей тех, казалось, что они прибыли из иных находений, отчего хотелось и закрыть отяжелевшие бессонием глаза, да важных событий всё не происходило, и когда упомянулось мною это в мысли своей совсем мимоходом, впервые они скопились в одном согревающим шафрановом месте и с двумя гигантскими явлениями посмотрели прямо на меня с озлобленным не мелочью моею молчаливым видом и выливающимися из глаз даже показавшего их второго кроваво-сосудистыми ошмётками спавшего тела, и начал я разрывать свои трухлявые кости и растянувшиеся хилыми тонкими нитями жилы, отбрасывая их в обсыпашуюся человеческой греховностью природу гигантов, и меркнуть всё стало рецептивной позицией, и Амеит пожирал меня с грубоватыми недовольством и осуждением, и тогда остался один я в лишённом света и тьмы мире, и показалось в этом бесчестии лицо честного сына моего, без реакции на то что-то относительно активно произносящего, и с желанием услышать всё повышалась истероидальная громкость, и дошёл спустя множество

попыток посыл сообщений его: пора просыпаться: и хватаюсь я своими зря проделавшими такой большой, усыпляющий долготу талагайным опьянением в средстве слично стеснённых расстройек истинных совершенств путь, даже могущий быть увиденным мною в состоянии далёком от обстоятельной рациональности, в том полуночном обмороке запевающих рыком прелестных птиц свисающей до ядра земляного ротанговой порфирой изумлённой бедственности дестабильной расхрустальной рацеи, что приходится непомерно подло ненавидеть по просыпании, дланями и трудом поглощённом, конечно, и весьма полезном в каком-то смысле, да понять бренность своих излишних подкоморим рассудком печалей и приземлённых волнений куда легче, нежели нарочито позитивно пытаться обнаружить в оставленных позади, затопленных глубоковатым терракотовым следах былых тяжб некий чёткий, выбравшийся из существа рацеи и воплотившийся лакрималисовым в сфере свойственной вычурной конкретности тухлым солнцем коричневой охры неприглядный вектор, и боль эта съедает тебя сжимающими пялами обликов, поглощённых Раем десницею оторвавшегося, дебелистного в вонях первичных откровения демонов всё сильнее, под конец перевоплотившихся в материю страданий стенаний, просто заставляя не думать о своих положении и приложенных за пыточными славками мочных кравчих плавниковых гадов стараниях, так бесконечно безрадостно за неосмыслением только воспроизведённых вновь и растоптанных другими объединившимися сферической казью людьми, по факту твоей на них лёгкой обиды только могущими замолчать и пройти мимо потратившего все свои силы на то, что досталось оным по везению и становящимся причиной очередного нетрезвого празднования, и более всего ничтожность положения моего выражает агрессивная обида на, откровенно говоря, никак не пытающегося задеть тебя или хотя бы проигнорировать: происходит это само собой, и только произвольное непонимание происходящего становится тем, от чего ты готов разорвать его возвышающуюся яремную, демонстрирующую великую, развитую во время твоих затворных казематов стараний полезную силу и медиальную вены налитого адекватного живоглота, и разъедающая сущность твою антиномия ассимилируется едва слышному под парящими розвальнями мелкому таракану, способному, конечно, взлететь и испугать восторженного необычием обидчика, да только крылья мои за бездействием приросли к выявленной обратной отдесью княженицкой обедневшей голове и остальному, оставленному супротив туловищу, и нервным, сбивающим даже иллюзорное постоянство в сознании тупым тиком я продолжаю хромать по жалкой этой тропе скользящего ландшафта, столь внимательно и со вкусом украшенной стирающими моё существование острыми лезвиями пятнистых ригой тьмы моей внутренней разочарований, и нет более, казалось бы, желания повторять эти омерзительные празднеством циклы, но не можешь ты просто так сбросить эту раскалённую опалевшую цепь, и даже после лишения себя такого бремени

одырявленная выя, состоящая из одних только обветшалых дырявых позвонков просвистывающих ноющих гаков, требует пузырящегося снова кипятка и кристаллового клейма: невозможно избавиться от этого нервного тика, и невозможно перестать поддаваться зудящей мрази, скрежещущей многочисленными пошевнями шпоры, и гниющему лакомой сладостью пчельному ведру, так заманчиво пахнущему останками изобилующе проставленной на жаре свиной жирной плоти, хотя от мяса и рыбы я и отказался уже давно: изжелта-белое ядро словно то ли смешивается со мной, то ли выходит из тела жалкого, и я вновь выхожу из одурманивающего сна: сын спрашивал еле рассмотренным мною голосом, неужели снова я впал в сон после почти десяти минут открытых, ясно подражающих внимание осочьих, достигающих пяты необходимого ухищрённой властью несправедливой мощи владений неморгающих глаз, и тогда будто неудобно мне стало спать, и руки мои резко поднялись, вызвал вполне ожидаемое непонимание сына: оказывается, спали мы только полчаса: он разбудил меня, назвав ещё раз по имени голосом такого нежного сурного свадебного пения полного понимания моей приязни одного, по первому сигналу своего засыпания, и продолжился этот прекрасный, ещё смявший несколько размытые едкой спиртообразности желанного цосна границы временные пикник, и даже с великим удовольствием поплавать мы сумели без любой боязни за сохранность лежащих на виду и иногда под камнями ради спасения от нередко поглощающего зазывающим пристальным призором во тьму лживым омофором ветра вещей: в плавательных соревнованиях никогда не был я хорош, а сын демонстрировал самое настоящее, оплёскивающее восхитительным ляписом внешние окружности мастерство, причём в нём наблюдалась и некая задорная, с призывным сомнением заставляющая меня постараться более ехидность: пару раз он даже брызнул на меня окропляющей самые нежелательные и даже опасно впитывающие то полости телесные чистой водой, хотя того я абсолютно за смиренной расслабленностью не ожидал, и крайний раз в шуточную отместку развязал настоящую кровавую, лишаящую в существе своём любой воли вынужденных сражаться за иных войну без шанса на благополучную капитуляцию, и около получаса мы вели чрезвычайно страшные, ставящие на весы гадкую гордость и уродливую смерть сражения с самыми изошрёнными, зиждителями манифестирующими вшивоту чужой изобретательности приёмами, прекратившимися только после понимания сыном моей крайне усталости, отчего с проснувшимся за стягивающей лёгкие пустотой чревнойой благим животным аппетитом мы доели уже всё находящееся у нас ещё с легкой отдышкой и тяжестью в перегруженном солнечном сплетении, только беспристрастно поддакивающим своим состоянием лишённому достаточного кислорода мозгу: восстановление проводилось тщательно и деликатно, мы даже решились на сознательно наседающий в наших пока пришпоренных к остальному телу гольях лёгкий загар, хотя ранее к таким практикам никогда

не прибегали, и звуки природы особенно хорошо подчёркивали всю приятную желательность сафирной светлотой горнего благоустроенного суемудрия отнашнего: думается, выглядим мы далеко не самыми от некоторой впившейся будто негодным несевдахом неподъёмной опоны обыкновенной, лишённой непрелести обиды тишины своей природной счастливыми людьми, но и мне, и сыну не нужно даже обозначать наше ныне блаженное состояние, ибо оба мы уверены, что надлежащим образом угодили члену своей семьи без нарочито тяжёлых исполнением лоретских угод курлючных лестей миссий, таким образом, создав полностью первосозданные целостные условия чарующе проставляющего наши дыхательные основы, пудромантельно уместного отдыха, уже разбавляющегося разговорами отдохнувшего ума то о малозначительных даже для нас теориях насчёт музыки, дивных котах, переносящих развитие возбуждённой восхищением мысли уже в относительно серьёзную филу, коли таковой её можно назвать, и конспирологических чужбинах постороннего разума, впрочем, каждый из нас понимал даже из еле прикрытой иронической интонации собеседника попытавшуюся проскочить, произвольно удивившуюся собой же женитвой со смущённым помешательством истину и даже сознательно скрываемые от общества предположения за отсутствием желания стать для всех теперь очевидным, наконец оголившим нутро своё недалёкое безумцем, а не только давно потенциальным, и в разделении этого абсурда мы будто нашли вновь что-то общее, проговорив так ещё достаточно долго и решив завершать свои похождения только из возникшего в союзной недалёкости голода: даже мною признаётся это справедливым: виноват в том не я или моя нерасточительность во время покупок, но невероятная жажда жизни от нас обоих: думается, место это превратилось в моменты нынешние в нечто неземное, отдалённое от ядровой земности человеческой плоскости обесславленного за дурной, обманывающейся дальновидностью нищелюбивого жития, и примером райского прибежища оно весьма способно теперь выступать: никто не ожидал и в прекрасных пастушьих грёзах обнаружить столь приятно складывающегося благонадёжными пальцами нагбенно изящной в сравнении с остальным лихоманкой вечного упоительного сутулия времяпрепровождения: нельзя было и предугадать потенциал такого веселья и стремления за бывшей безрадостностью иного падающего колькратно поношенного бедством слепящего омрака происшествия к хорошему: собирали вещи мы не с потерявшей нечто прекрасное позади грустью, а с небольшим, даже благодарным шоком от полученного опыта: не сказал бы, что является этот день лучшим в моей жизни, дабы не повторять в уме размытые воспоминания об утраченных светящейся пустотой сумерках, да обозначить без прикрас можно исключительность этих высверкнувших чем-то невиданно ожидаемым майею, едва порабощённою последствиями, часов, и забылись отброшенными кистями опавших листьев богоборческой славы все обиды и неприятности этих и минувших дней, и с негромким

распевом мы вернулись к предполагавшему появление обратной электрички месту без какой-то строгой соотносимости с протяжно поглаживающим мои стянутые окончательно облегчёнными раменами многоочитыми радения временем: за ним мы не бдили, начав разговоры с другими потенциальными пассажирами, и за протяжными от приятной колющей слабости в каждом из нас репликами мгновенно приблизились к неожиданно представшему пред нами часу появления грубовато подъехавшего тяжёлыми округлёнными папоротками привычного транспорта: там мы ещё сильнее расширили круг нашего расправляющегося всё глубже с проходящими мгновениями общения, заговорив отстранённым слогом вполне ответно, с улыбающимся ясно выверенной разгарчивой морщинкой приятной заразы необыденного явления контролёром, и в человеческой роскоши этой за знойным летним образом в восхитительно правильно в своих интервалах шумящем на рельсах скользящем вагоне мы устремились в проносящееся дружелюбными шнеками удивительное пение и едва различимый в нашем аккуратном ближнем движении ловкий пляс: такие атрибуты праздника не обременяли нас, и виды появившегося за окном города не заставили грустить об окончании заставившего безвольно воспрять ещё более веселья: все начали вспоминать пробегающим к кораблю водолеем весёлые моменты даже на, казалось бы, нелюбимой работе, и так сознание диалогов наших с резкой плавностью переносилось из одного места в другое, и расставание на перроне происходило с тёплыми, плотно наполненными смирением с, как виделось в алтынно жадных до иного улыбках, будто ставшими явлением последнего взаимодействия с человеческим в целом объятьями, и проходили мы со слегка покрасневшей кожей вновь мимо привычных дорог и останавливающихся позади нас болезной отстранённостью тропинок по пути домой, и разговор наш не прекращался ни на секунду: думается, именно в этой продолжительности искреннего потуга крылась узуальная простотность, однако об этом мы в первозданном удовольствии неосмысленного, единственного счастья не задумывались: мы просто продолжали уже естественные для нас действия, и квартира приятным прохладным обдуванием встретила владетелей равноправных своих уже почти скрывающей за дрожащей густым левантиновым полотном порывающегося к отдалению от земного леторосли пылью ночью, и мы, только пожелав друг другу спокойной ночи, устремились лицами своими загоревшими и уставшими в холодные, ласкающие наши застоявшиеся изрядным говорением мышцы ораным полем большие подушки, так и забыв, что вернулись мы, чтобы именно поесть; семенящая по проходящейся буроватыми во тьме плёнками коже волглость ощущается подле неразвитых, взбудораженных фактом пробуждения моих трапещий и дельт, спина же вовсе перестаёт уже чувствовать определённый дискомфорт от наполненности одежды солоноватым прозрачным продуктом разгорячённых стекающим по кору кровоцветным в сущности своей потом сонных

естественных процессов, и обездвижено моё тело страдальческим стенанием некомфортного осязания своего, хотя теперь и факт оного вполне явственно себя выручает из благополучной, но всё ещё глубокой ямы, обезображенной заурядом однозначности, организма: так я незамутнённым гласом лежу около четырёх минут, вновь напоминая себе об отсутствии необходимости несвойственно себе начать действовать в сторону ублажения своих работодателей или помощи сыну, впрочем, оно бы и не было для меня столь проблемным, покуда ради сына: сейчас же я лишён побуждения не только свершать некие бытовые подвиги, но и просто дышать: обрывистый засимными толстомясыми севдахи воздух колющими тернистыми ветками проносится сквозь мою изрезанную привычным домашним эфиром носоглотку, теперь дополняя образовавшийся ночью ком словно волосатой щекотливости и неблагородный кариозный, скрывающийся в защищённых от рвущейся в попытке преломить причинности его нити запах, ощущаемый пока только мною: кислый душок этот хотелось бы не просто скрыть, а искоренить, отчего банально воспаляющиеся в подобной ситуации помыслы кажутся внешнему зрителю нерациональным: я хотел бы вырвать своё лоснящееся хрипловатыми звуками горло, перепотрошить его язвительно прыгающими уже поодаль кусочками плачущей трубками изженной, мареновой в замыленном перии увиденного крови и сделать частью других улыбающихся мне вполне честной, родившейся в солнцелейном заседании прекрасной губой людей: не ради помощи, но для мгновенного преодоления того барьера, что заставил бы бездушную плоть мою еще нервно метаться вокруг, пока не станет она вновь чем-то осязающим своё существо: несмотря на простую, обратным силком оставленную внутренностью форму, скорее запрос мой удовлетворится неким новым небольшим безволосым сильным животным с крупными пугающими, раздражёнными именем глазами, нежели ослабленным по рождеству своему человеком, всё-таки пройдя через некоторое количество людских созданий левантиновой плоти: я ощущаю себя не просто прибластившимся безлюбным Мухагетом к кумганному комку налитой кровавой пенкой сальной плоти властью своею над серою мясной рыхлым нежиподобием конотопового произвола, можно сказать, я лишил себя права называть собственное состояние привычными словами за нежеланием известными методами отслеживать его пребыванность, характерную даже сейчас: не нахожу я в нынешнем состоянии нечто необычное или достойное пошловатой условной сакрализации, кажется, лишь мне в полной мере дано осязать торную особенность собственных переживаний, и даже я могу понять, какими жалкими были бы серьёзные размышления насчёт оправдания лежания на впившейся острыми, врезающимися в тела мои обезображенные горячими щипцами кровати в расплывающемся среди слизи невеликих мышц моих и отяжелевшей тёплой влагой ткани поту и нежелания снимать непомерно толстое для теперешнего времени года и его температурного режима минерное одеяло: я ничтожно мелок,

однако это меня не останавливает: думается, не будь у меня сына, весь быт ограничился бы событиями отягощённого мучительными одновременно и искряще разъедающим в грабарном затмении собственном непригляднейшим воспаляющемся синклитом отрубающего возросшие со спин утолщённые гуммигутовые длани мои многочисленные куафёра избоины ветошной слабоволием, и призывающей малости металлического хлада саврасового неценения сравнительных оцепов опавших трупов, водоналитых миткалевым елцом взлетающих неспособностей скукой почивания и редкого выхода в отражающийся лишь лёгким светом непрочищенных пространств смрадный туалет или на отрешённо оставленную гулким оторванным крилом кухню, вероятно, время от времени походы за едой были бы безуспешными и нарочито беспомощными за знанием об отсутствии в своих тайных закромах и крошки испорченного проставленным взамен на жизнь подобную мгновением старого хлеба, и такое обстоятельство едва ли позволяло в абсолютном касании ничтожества своего устроиться мне на дополнительную работу или трудиться за копейки в эквиваленте греха и вопля внутреннего незаконно, ибо мне бы просто не могло: не могло встать, не могло не вытерпеть едва не лопнувшие кровавые гулкие стенания мочевого пузыря, только тщетно отвлекающего меня от весьма незанимательных занятий, не могло не укунить порывисто недвижимой от неприятия окружающего хлебницы в порыве голодных галлюцинаций: такое бывает и сейчас, но прерывает подобные процессы не только сын: возможно, передаваемые им воли иногда только и способствуют такому состоянию, хотя мысль эта закралась в одном лишь теоретическом аспекте, в действительности же хаотичность столь неоднозначных способностей зависит от самых тяжело прогнозируемых обстоятельств, а иногда появляются и мысли насчёт связи едва не с лунным календарём: не знаю мне, как именно Эмилия влияла на порезы его, грань между мощью онного и могуществом реального осмысления выстроена далеко не в самой простой, разделяющей примитивные язвыны прозелитского неповиновения синевенечного лёгкого неба ледащего звонкого падения умиленной восторгом целостностных предвестий системности вечной универсалии тухловатой кади зависимости, однако меня это конкретно в данный момент не сильно интересует: я радел не только по сыну, но и для удовлетворения проходящих в частых, волнообразно смешавшихся женированным блестящим жирным класом отставленной немощи кисейного оголённого прозрачия эмоциональных слабостей, которые, как я сказал бы в любое другое мгновение, только истощают ластки моих многомерных переживаний: от такого состояния до энергичного осуждения подобных мне отделяет бытование совсем небольшое мгновение, ощущение чего пока сокрыто за непроглядным занавесом потной зографом изоческого творения лабазой прозаики взбутетеневшегося художнического порыва тридцати восторженных мятным жаром гранатового предстателя вкрупулов одежды: сейчас я и не уверен, что нахожусь в

обтягивающей молчаливой ненадёжной защитой одежде: цвет одеяла, как и место нахождения с оттенками потолка и неоднородных обоев, сейчас не вкушается моей эмпирикой: я не дремлю, по крайней мере, принятие этого стало бы очевидным вырождением слабости: появляется иногда ощущение, будто в секунды предельно жалкого существа сознание стремится продлить его ради преодоления хоть какой-то трудности, но такая мразь обходит расставленную скорее подлой ловушкой обелоса колоссальной острой криги гигантского испарения точность задуманного, лишний раз вычурно трансформируясь в беремя новых уровня и формата: такое простое объяснение даётся исключительно в эти же, пролегающие под невесомой тяжестью согрешившей гужеедовой тропой бессильного влачения страданий стенанческих закулисы часы, проходящие нисколько не быстрее рабочих или скукотных: каждая стекающая каждые двадцать или пятнадцать проседающих в увесистой мгле изолированного секунд между с трудом и с тем же произвольно сомкнутой ради сохранения того же положения подмышечной впадиной с торчащими местами длинными уродливыми волосами, завивающимися, кажется, в самых непригодных для того областях в плане эстетической благосклонности, словно в рабстве некому алгоритму заушающего крамолу естественного за искажённым в росте искусственной интенсии реальным спирального толка скукоженным в морщинистые неровные окружности бело-лилового цвета кажущихся достаточно нежным, всё ещё покрытым падающими искривлёнными тонкими ветвями в разных углах соском, мутная, плотная своим старательным наполнением капля пота выделяется новым долгим и полным пониманием нежелательности хвилого происходящего за недостаточной коштой смертоносного становления вертопраховой необязанности в действительной человеческой слабости, его отчаянном, поступательно вырывающем из рта моего хрупкого и коурого пантагрюэлевской мяслянистой мясистости скомканный сияющий амарантовый остов еле выползающего титанического червя безвременной моей, отдалённой от течения секунд реального естественности ничтожестве, почему меняется, думается, одна только форма описания в смутно захватывающей осколки настоящих неполных событий размашистой приглушённой терракотовой кокоре, мгновением, осмыслением только увеличивающим себя до гигантизма антропоцентричной возрожденческой забавы обронного звенящего существа, лишь уродуя прочее сравнение свистящей, искашивающей мой рассудок проходящей присным кесарем травмированным оскорблением мимопроходящим полных изоков дробящей дрожью в пульсирующем тягlistым полноцелием изветхой, выпадающей случайно стравленной поражением главы твоей увесистым снарядом нитью металлического, обёрнутого в наличное страдание рождённого ради одного только продолжения собственного стенания волкана обезображенной личности, миром иным в воскресение собственное тоже уничтоженной окончательно, ибо лакрималисовая плоть доверилась

потенции безрешения доброты условной и бесповоротной в том же отрешении от желания воли опошленного, права отказа от человеческого в инертном, необдуманном, недалёком решении бонмотистового нутра и неприглядной наружности обыкновенной слабости весьма благородного местами ума пред всего лишь ситуацией несколько неархитипичной, и распадается человеческая внешность под тем, и принимается им кожа за дух, и бесповоротен отныне прелюбодей облыжной правости, и сдавливается его мраморная хладная шея, и более может ему доставить удовольствие лишь неинотелесцу, и не станет он теперь способен спасти человека первозданного, рождённого за существом своим ради страданий и только их, ворочаясь в просторечно некогда облепленной тихогромной структуре необъятных тем растений подлыжных неестественной реальной напруги продолжительного, нрава вязиги: виске, и семяющая по крови моей дрожь эта подобна бесперебойно дергающейся перед желанным сном нищелюбивой ноге, и крупной мышцей спины, и не позволяющими этот же сон вкусить самым мучительным за почечуем засиженной затхлости образом, ведь стоит только слегка провалиться в колкими выбросами схило обирающую под почти добровольным согласием остуженной, оставляющей без иных восседающих в предмоментном движении намерений тюрлюрюлю соотчика неправдивого за простотой рассадить взбунтовавшихся от примитивнейшей коллизии хрии бессознательность и нетрезвое осмысление со всеми красочными вырождениями, как побаливающая словно внутри и с тем снаружи посредством странной электрической вибрации в незначительной толщине лепечущих о шелесте своём волосах часть тела кричит тебе о первородном праве над пошловатыми желаниями, очередной раз усиливая пробивающие толстыми спицами любой нрав осмелевшего за ненаказанием честного паяца садимым неблагозвучием становой независимости головную боль и зуд в областях нижних шейных позвонков и атланта, отчего приходится вибрировать гласно прорывающими свои блаженные немощи челюстями и обросший зеницами рефутации ясного затылком в жалком потуге облегчить свои страдания долгожданным, столь надменно расположившимся надо мною засыпанием, ведь только оно может реабилитировать тебя, спасти от прыгающего зыбким продолжением предызбя душной серости изолировавшегося недуга, хотя к следующему вечеру вновь придётся отдельным усилием приложиться к этому делу; я продолжаю лежать: я не документировал момент пробуждения в относительности ко времени, да и подобное позволение было бы бессмысленным, могущим воспалить одно только сожаление о бесполезно проведённом в искреннем желании издержать его несколько иначе времени, и с тем ненежалкая моя суть стала бы пытаться оправдать себя с полным осознанием нежелательности и того: я отказался в этой непрерывной хаотичности остановившегося на одном мгновении разума пытаться вновь выстроить систематично объясняющую себя, уточняющую любую подробность трезвую среду: вероятно, это и не так тяжело, однако

сложность пролёгших на поднимающих в безволие пятериковой стихийности гирях омета сметающей за глядящей простотой наиболее многоструктурные иверени понятийных тяжб клюшвы стянула мои навыки к продолжительному делу: я, подобно хорошему, встретившемуся с крупной коллекцией картин учёному, пристально разглядывающему каждое произведение в непосильном для обывателя, осязаемом мною уже совсем иначе качественно скрупулёзном анализе и уставшему уже на четвёртой или пятой от мощи нагромождённой мысли, теперь могу только смотреть в облезающий моим детально разлагающим целостные связи взглядом в домашнюю скорлупу испотрошённой слезой готового ранее к любым стенаниям мужчины жателем клиновидного марьяжа испещряющей мыслевой быт человеческого самыми ужасающими штрихами обоюдоострой мглы неедняковых почвы и остова каженницы улитки массивный сейчас и словно падающий от продолжительности наблюдений провисающий стронциевый потолок или чрезвычайно медленно образующиеся на одеяле крупные, напоминающие отдельные материки сложных границ опоясывающего нестабильное тождество всасывающихся безнравным гаком иррегулярного пятна от плещущегося по открывшимся испарениям искрящихся пудромантелевых гадов пота, хотя и здесь ферязь век моих иссушённых заставляет чаще видеть едва проглядываемую мгу с лёгким призывком старого льна, и иногда всё же шевелятся только услужливо одаряющие из последних сил слабыми импульсами конечности мои и глаза, сталкиваясь с упругой болью, каждый раз ухмыляющиеся гулом возвращающей меня на то же место и истощающей любую цию и смелость к действию, и осознание этой беспомощности лишний раз заставляет усомниться в природе моей, теперь сковывающей в нечто чутьдвигающееся, зато растущее за счёт своего паразитического вида тмитного давления: я ведь не паразит, я не хочу быть паразитом, мне стыдно, и оттого наворачиваются на краях глаз моих плотные, сворачивающиеся отдельной сферой оторванного от мыкальницей стёртого пяла капли, оформляющие свои облики более начинающимся скатываться за машкерадом набухшей меди разрывающейся от могущества руки отростком, и вновь мне стоило подумать о выходящих из сына и его существа потребях комфорта, и почти стыдно мне стало, но не это породило движение моё: будто момент касания пёстро-го, изуродованного греховным подготовлением существа обозначил настолько различные мгновения, что теперь я возрыдал в сидячей позе не то от условленной кудой многовековой слабости, сколько от явления: именно оно уродливо, именно оно искажает меня, и только деятельность существа внутри него способна перевернуть мои стенания и заглушающуюся под праздными плесканьями боль: я сижу в прозаично обрывающих стан собственный осуровленный и оборвавшиеся, оказавшиеся лишь тонкими листками продырявленные шипящие крылии попеременно уставленного на продырявленность телес клефтовой крайностью возбуждённого недовольства

самого искреннего вымученного квела поту и слезах, нестероидально выкрикивая произвольно выпадающие из меня плюхающимися на пространственности влажными лепёшками остальной квартальности, словно глухо пародирующие обцен неуточнённый и своим порядком междометия, и процесс этот я вовсе не контролирую: так выглядит моё существо, и медленно набухающая, интенсивно сворачивающаяся цветами лиловыми и зелёной сосны капля эта своими пустыми выбоинами бьёт по моей ослабленной щеке, и так дрожь и дёргающиеся конечности постепенно стянули с меня отяжелевшее одеяло, почему и лежал я уже в одних только, как ожидаемо оказалось, почти рассеивающейся плотности пропадающего за онтологически избавленного простотой своей неблагородной злоречия тряпичных трусах, изначально светлых, да сейчас полностью омрачивших себя лёгкой тьмою мокрого сока стенок страдания неупокоенной поддужной дыбы, слабой гибкости болезненная спина моя, аккомпанируя спине радостно находящегося в условленной положительным жаром бане стекает одной однозначной форманте, реминисценцией к стекающей произвольности происходящего внутри моих растаивающих жалких возвышений гривуазного толка за своею истинностью невзрачного страха, дыхание моё сейчас усложнено словно тысячелетним бременем тяжкого труда, являя только случайно расплётный выпад, уже оглушающий себя неспособностью продолжать эту нелинейную тяжесть нынешнего: я сижу в поддерживаемой с великой сложностью позе этой ради остывания насупившихся безродительностью, наполненных исключительно хворостью оздоровленных представителей гридий покровов, и медленно удаётся всё же охладиться и производить уже не столь крупные солёные ручьи, скользящие сикурсом разрушающим и по одному даже толку изнемогающего от проявившейся натуры подмоги: получается ограничиться одними многочисленными полными кристальными полусферами, ещё натягивающимися из-за горячего напряжения от зазывающей огрубленностью к плотностям сияющей попутчи ангелового оттенка манеры, которую пора чуть спешно сменить: в затекающих порывающими гибель отработанного отцовского убийства отженного ветра глубоко просверленного страстью разрушающего лобоначалия коуза пятках своих я обнаружил силы и смог движениями, мною никак не обдуманностями и потому порождающими необычность и крайнюю смелость в сравнении с былыми порядками: я сумел, хотя природу онного особо не понимаю, да и заслуга онного в одной только становой сути незамысловато поддерживающей меня физиологии: я иду в ванную комнату ради утреннего умывания, оставляя за собой сочные отвратительные следы разъедающего иную инерцию благого платинового грязного отсвета; утяжелившиеся бременем своего обездвиженного состояния гнусавые ноги мои шевелятся с явной неохотой, вместе с тем отдавая глухой болью в тазобедренных суставах, отчего иногда приходилось закручивать вектор обозначающегося лишь условным мановением полуподконтрольного

фатума пути в нежелательные тому разнообразные стороны, и из обезображенных бессмыслием за внешним превосходством частых петель могло показаться, будто я вовсе и не стремлюсь попасть в ванную комнату, лишь вновь бесхребетно слоняясь меж находящимися друг между другом не в такой уж великой дистанции отталкивающими стенами принимающего коридора: знание это сделало меня чуть более напористым в плане совладания с ноющей болью неспособности, однако теперь я промчался мимо: кажется, будто подобное кафкианово сражение не столь болезненно, раз сокрыта от сторонних глаз, но в моём же случае это только усложняет посторонним невмешательством уточняющую мою невеликую самость млатьбой казистого нелоретским осложнением перхотного искуса чахоточного угла зелёного мха процессию: сейчас я воплощаю весь сформировавшийся и возможный для текущей ситуации потенциал свой, можно сказать, при появлении наблюдателя я стану едва не в прямом значении иным человеком, освобождённым от тяжести воплощения своей обезображенной личностью рефлексии: я потеряю часть талана и самодостаточности, с тем узрев в своих мучениях стенанческих новый исход, словно использовав некую божественную подсказку в сложном положении, и гниловатый откорытный улиточный след мой продолжается уже едва различимым ручьём отвратительного, во время обратного моего воплощения с пересечениями надрывно сталкивающим с обращёнными к опустошённому ляповатым треском отражению ошибками, становящимися куда более сильными, изрядно падающими в лопающуюся под такой искрой коричневой сепии точку ударами, нежели серьёзные постукивания окружающей мрази: надолба моей временной щедроты словно и не пытается стать помощником или хотя бы невредителем: колени подкашивают свой относительно мощный фундамент: я безмолвленно склоняю себя над призывным шипением пьющим выделения, я сдаюсь в неспособности справиться с высшей целью перед гнусными, утяжелившими свои существа власяным фисташковым поверхием троегранной тяжелейшей слегги обывателем и уродом, и вокруг все воодушевлённо хлопают ему, отвратно понося меня громкими оскорблениями с ссылками на не менее неприглядный падорой вселенского трупоедного штиля гадкий след: в садике Гавриила лежат мёртвые кузнечики: мой расположившийся за рядком одних из стен сосед иногда пытается натужно сдерживающую хриповатый скулёж из осязание бессмысленности уже не единожды оправдавшего право такого приземляющего к ненависти невозможия остановить жизненные отвратительнейшие зефиры самой откровенной, самой открытой в широких, разорванных на ширине крупного согнутого мясистого колена глубоких язвинах глухой, сползающей тонкими полотнами по поверхностям моим кровью боли звания такого действия голую собаку, и никогда её не выгуливает даже в самых принадлежащих тому вездесущим зловонием и расположившимися по остовному периметру всей квартиры пышными паразитами ситуациях, дабы проходящие

мимо не обратили внимания на оголяющие продирающие видами своими внутренности лососево-розовые шрамы на лапах и возле выдающих себя высокими посошными хребтами рёбер: разумеется, запах собачьих выделений в квартире доставляет некие неудобства, однако это полностью компенсируется замыливающим взор разъедающих квартиру и её жителей тварей удовольствием детского энтузиазма при попытках: единожды прохожие его, звеняще решившегося на все эти предусмотрительные меры только по факту поступления открытых претензий, нарочито вызываясь спросили насчёт пугающих всех проходящих привычным выяснением милой неагрессивной собаки пятен надорвавшихся от тяжбы телесного и нет сосудов шрамов, специфической вони и её странной, вытягивающей хвост вовсе предсмертным твердем походке, будто показывающей только инвалидную неприспособленность к ходьбе, ибо именно в кладовке запирает он свою недвижно томящуюся в мышечной атрофии собаку, дабы не разносить глумящуюся над добротой существа вонь по всей престарело обшарпанной квартире, и даже обширное, стягивающее раной всю ближайшую плоть жирное воспаление он однажды прооперировал у неё самостоятельно гордой улыбкой спасающего бедное создание: не будь она заперта в еле помещающей себя комнате, появившийся уже по одному мановению чепрака его гнусных унижений гной бы разъел её распространяющее только быстрее пробивающуюся сквозь сарынь поддерживающих пажитной тавлинкою, выросшей лишь благодаря страшному множеству пристрастных облыжных гладов общности, хрупкое здоровье вереем беззащитных отпадений оголённых евксинов болезнь тело так значительно: собака смотрит на него только с большим, проедающим даже оставленное окровавленными грязными кусками смрадной массы чёрное нутро этого невольно отворачивающегося от результатов собственных усилий уродца испугом: другой раз его за представленной обыкновенной невнимательностью по отношению к расстояниям между собакой и прохожими ошибкой недалёкого толка спросили о странном взгляде условного животного: этот раз был уже после операции: утаивать он, несмотря на почти прозрачную часть диагноза, ничего и не пытается: спроси бы его на стужёванной пылью молчаливой улице еле знакомый человек, не жесток ли он со своим домашним питомцем, он бы и не думал увиливать от описаний продуктов своего человеческого в аспекте греховности людской зоосадизма: думается, такой человек и будет единственно возможным, ибо в реальности такие индивиды чаще обладают малыми по объёму познаниями и невеликими когнитивными способностями, отчего по-настоящему понять нежелательность своих пояснений он бы смог только после вполне конкретных уточнений и полноценных, лишённых непонятных ему упрёков в недовольстве такой деятельностью советов со стороны условленно здорового человека, чем он был произвольным существом окружающего зорника обделён: он не утаивал факт операции: во втором случае он и сказал, что после неё питомец смотрит на него с таинственной,

иррационально превратившейся в звонко заставленное развёрстым презором невыносимой демократии куртага природы недоверием: будь прохожий более заинтересован в предмете разговора, более проницателен и смел, мой сосед тут же рассказал бы самые отвратительные окружающим детали: таковым его делает не жестокость к другому или даже своему виду, а неспособность понять невозможность существования человека с раскрывающим свои вполне откровенные желания внутри функционирующего по, как ему кажется, регулированию константными единицами лайдаком упрощённого существа брошенной людским такыры общества среди куда более неприглядной внешности, и в первый раз он ответил вполне внятно насчёт издевательств и страхов собаки выходить на улицу, и не подумал собеседник тогда и помыслить о том, что издевался над нею именно тот, кто столь заинтересованно говорит об этом первому встречному: этого соседа никогда не существовало, да и с появлением подобного за первичным, ещё изолированным от осязания бесполезности подобных усилий воем освобождённой от сдерживающих неподъёмной тафьей благонадёжного молчания факторов собаки или звуками её секущих обитые обоями мягкие стены островатых крупных чёрно-коричневых когтей или бьющегося об пол, стены или мучителя тела, могущего быть зафиксированным, обездвиженным и бесшумным за смягчающими поверхностями, да не додумался бы до того или не смог бы за апломбом пошловатой, хотя иногда и обличающей скорее человечность в иных людях нервозности подобное осуществить конкретно это существо, его быстро постигнет внимание значительно более одушевлённых в реальном воплощении, номадами стрекочущих чуть поодаль воздушных безвесых власых тварей соседей иных, хотя и весьма негромких таких звуков не так тяжело избежать при должных жестокости и хладном расчёте, да сосед же не ощущает необходимости в оном, почему и вновь был бы линчёван при достаточных уме, честности и воле соседей: вероятно, соседа и собаку этих выдумала всё более отдающая внимание несложно обитой тонсканским солнцем землепроходного парадоксального страдника, изнеженного нежизнью тёплых, не пропускающих мороз окружного греха ровдуг ботала реальности, фантазия: в сопровождающих все эти внутренние реплики неуверенных, тучно в лёгкости своей шагах я продолжил разглядывать параллельно и возникающие, расплёскивающиеся потом, глубоко прокажённые страданием внутренние узоры возле необходимо инкрустированной в пространство нездорового двери: вряд ли я проснулся сразу после ухода сына, и ещё менее вероятна недолгосрочность моего затянувшего хотя бы мыслительно точно специфического времяпрепровождения, значит, до прихода сына со школы, кажется, осталось не так много времени, следовательно, мне лучше бы прекратить свои ненаполненные кисловатой цией перемещения и избавиться от перевоплотившихся почти в системно расположенную структуру следов своего жалкого пробуждения: с этими мыслями я впервые шагнул в

долгожданно призывающую меня ванную: явился ли мой сын тем решительным посредником, что и не существует сейчас, да и существует ли он вовсе, не могу я знать: могу: недавно я доказал себе это: более всего он похож, видимо, на собаку, а я: это вставленное неестественно перебивающимся в попросту пропускающие его липкие, предназначенные сращению с неискуственным островатые края имплантом знанием прорывается в сложенные подполицей инакового шестопёра курлючных воплей островатыми ненашами самыми природными тернии обочье, но я уже не могу об этом думать: скапливающаяся только после пробуждения тёплая, кружащаяся в своём лёгком предфонтанном водомёте мочевина с самыми немалыми эквивалентами, до того аккумулирующаяся достаточно интенсивно всю давившую на неё моим невниманием ночь, не менее приблизительно полутора блаженно проведённых за совершенно иным часов смогла вырваться из плена набухшего налитым румянностью предвосхищающего свой надсад воспалением стянутого мочевого пузыря, и простата странными завихрениями перемешалась и искажала чужой, будто и игнорирующий сознательно её гулкие колкости ложного пиита мягкими горячечными лубками путь, вновь и вновь мотивируя испытывать едва ли боль, но крайне неприятные, продирающиеся сквозь отказавшиеся от владетеля собственного стучающие чувства, редким скрежетом противящиеся тому, чтобы движения мои привычно продолжались и следовали своему обозначенному давнишним неискажённым станом ритму, только подбивая акцентировать внимание на столь же неестественном ощущении уже ниже набухшего в подобном пульсирующей личинкой состоянии рдяного прашура обязательно приходящего к наказанию последовательности живота, и словно давящими, своими ослабленными слабыми руками я выжимал из этого налитого пузыря первые и срединные вонючие соки, контролируя каждый деформацией оногo: в самом канале была царапающая выливаниями несильная резь и звуки побирающегося щебета моих натуральных стенаний: здесь и настигла меня настоящая боль, уже не следящая за своим мгновенным окончанием нетерпеливой реакцией: это покалывание будет преследовать меня выносимой прилипшей пухлыми, заставляющими поколебаться лишь невеликим приступом падающего на мои сознательные полоны, воплотившейся в нефуксовом ежечасном насиловании себя продолжением бытийных существ, аскезы зрака ланитами зирой, думается, не менее часа или двух, и руки мои попытаются сдвинуть сокрытый от подобного простого влияния орган только ради секундного чувства облегчения, которого за это время не наступит: это предвосхищение явило собой только смешок диковато честно принимающего рассыпающейся под знаком своей нехитрой правды единично восставшим в этом мире малочисленном pereгрином твердью все опадающие с деревьев влияния нечудного ораного рока отлевого поражения организма, неоправданную надежду, так невнимательно ускользающую в неприглядной манере столкнутой с неготово избранной в исполнении своей

задачи суседки: ни в сковывающей гигантскими крюками брусничной кровати, ни возле искоса глядящей на меня готовым уколоть своим охотничьим сошником двери цвета речного перламутра меня не остановила эта предметная прихоть, словно изолировался я абсолютно от телесного, однако понимал, что это только фантастическое видение: то затулье, якобы спасающее от ощущения боли, на деле же представлялось столь ужасающим бременем, что от врага смысла бежать уже не было: потенциальный ущерб от него не был бы даже каплей в океане послежде переживаемых в духовном ограждении великих горестей: так я смог обозначить вершину своего холерического мычания внутри надрывающего мою склеенную с кроватью плоть отсоединением и смешавшейся с предметами в двуцветной массе кожи моей и уж изменивших своё положение чуть более жидко ложившейся на внутренние толстые стенки изнеможённого угором готовых ко слиянию с любым неодушевлённым страданий конфигурацией органов одеяла: я прекратил мочеиспускание: мне действительно теперь больно, да я и не сильно против того: это стало едким напоминанием о настоящем, эта щекотка показывает, что пережить я способен и возвеличенное в тысячи стенание: я смываю воду, сразу многими интервалами образовавшую внутри унитаза шипяще играющий крупным москородным пространством вихрь, пару раз даже нечаянно отскочивший на мои и без того мокрые дрожащие ноги, будто в узоре изображающие волны уложенного волосяного покрывала формы чермной шиверой бусенят вшивоты горлатной награды: после смыва некоторое мгновение слышится иной звук, на который я уже не обращаю внимание: без внимания на себя в зеркале включается словно сама жидкость и руками моими пытается растереть уродство на лице во влиянии на одно только нелепое размазывание далеко оставленной уже полноценным ядром вони: процесс тяжело контролировать, и стекают капли с наиболее непредсказуемых, обделённых только скудно возящей по предполагаемой желательности десницей частых мест: попытка обуздать искрящие острые потоки не оправдывает себя: я сдаюсь и в непоследовательности стряхиваю с себя остатки приставленной самостоятельно только плотной слизью воды, скопившихся на смыкающих мои глаза конной гладью телесного ресницах, утолщённых тяжёлой жидкостью бровях и в ограниченных шириной своею ноздрах: теперь я и решаюсь в отказе от власти над собой взглянуть на отражение: чернильно вымазавшее свои рябые границы лицо виднеется сперва отвратительной неоднородной массой с выпучившимися обрубками отвалившихся ослопов остылого беспрекрасия, но со временем уже человеческие черты более деликатно обозначают себя и становятся теперь определяемыми цветными утончёнными линиями под кажущимся тёмным, относительно стабильным неизраительным светом: осунувшееся и с тем по-утреннему, хотя сейчас уже, вероятно, наступает примерно середина обособляющего меня дня, подобным нелепием моего же родства оборванного истраченным коштом мястищих нарундучных пограничных волнений, опухшее

щеками неудачно поглощённых раздвижных челюстных извращений лицо изображает не то эмоцию, не то нечеловечность: наблюдаю я словно обездвиженный объект, так старательно, так вымученно пытающийся подать признаки понимания возникших условий: я отворачиваюсь кбоку от себя и умываю уже обитые потной толстой пеленой малоподвижные руки, постепенно поворачиваясь и медленно залезая в шоркающую о мои трупности тихим неприятным скрипом ванну в одежде: снять её не просто тяжело, но невозможно, непосильно падающим к нижней дали земляного нерыхлым оловянным грунтом она ложится на мою трухлявую, сметаемую нажатиями невнешнего усилия стравливающим имманентным комерсом скривлённых фил исконно значимого гелиотроповым воскресением отверженного тушу и с тем защищает от внешнего мира: я включаю шлёпающуюся о мои мягкие рамена кровавой густой слизью воду и начинаю ленивым бессилием мыться: изначально ледяные потоки не мешают в некоторой степени получить от содеянного легко поглаживающее нежными цевьями громозвёздного удовольствие: вероятно, ночная тьма неспособности плоти моей отступает: несмотря на то, что внешне моё положение сейчас кажется самым отчаянным из всех с утра, внутреннее чувство жалости к себе и пахнущего вкусом вяжущих бактерий застоявшегося пота тлена подле тяжеловесных оков моих желаний даёт о себе знать всё меньше: таким грубым смыванием греха я скорейшим образом освобождаюсь от прикованных к солоноватости стучающихся звонких цепей моих: я снимаю пропахшую душной тяжестью наволочного откровенного кликушества одежду и кидаю её под неподвижные, стоящие только волею случайного недвижия набухшие морковные ноги, продолжая успешно обтирать своё тело скатывающейся по нему водой ещё с быстро протёкшие крещальным упокоем десять минут; мне удалось выжать еле подсушившееся на теплоте выжидательно перманентно готового к подобному бывшее облачение своё и неторопливо надеть новое, вытащив его перед этим из слегка скрипящего пёганым воздухом шкафа, влажное же я оптимизировал под половую тряпку, почти завершив избавляться от следов своей следственности после пока молчаливого пополнения внутри крутящегося и без власти тока небольшого барабана стиральной машины, и последним элементом сокрытия духовного преступления стала смена постельного белья и начало стучащей о стену и пол стирки: слегка ещё дрожащие руки мои после столь резкой смены вида деятельности начинают всё более уверенно мельтешить по всем обставленным неярким светом иллюзорных колчѐй Геллы медвяного интенсивного помавания границам ванной комнаты, до которых способны мои обезвоженные, уже более гибкие в расстановке объектов пальцы добраться: я до сих пор с пробуждения не вкусил ни капли первично необходимой при таком расположении жидкости, даже своего солёного пота с отдающим чувством сдавливания простуженного режущей сухостью горла: вот уже до пяты двери я коснулся звенящими импульсами осунувшихся пальцев, вот уже ощутил я ногами пока

оставшуюся тонким подзором влагу от воды, и фаринкс мой словно попытался выдать из себя что-то несвязное, однако столкнулся с абсолютной неспособностью свершения задуманного: изначально являющие собою окровавленную плоть человеческого греха губы мои иссохшие будто и начали трескаться, на деле же вполне сочно красуясь на виду у еле доходящих до моего лика лучей мощного, пробившегося сквозь прожигающую естество тьму квартиры дневного солнца, и паром я издохнул своим несвершённым звуком, и подкосились уже расслабившиеся ноги мои в сломленных благом суставах: свороб ощущался во всех надлежащих для первичного, наиболее щемящего жаром светозарных жирных комахов дромадёрной косящаты иссушённой телесности возгорания местах, только теперь ощутил я немалую плату за халатность к раскинуто ослабевшему стремнинами неосязания телу и неуважение столь прянушно данного мне: все эти два часа я изрядно потел взявшимися неизвестно откуда запасами телесной жидкости, мочевины, мочевой кислоты, аммиака и креатинина, и позволил себе излишне напрягаться в привольно одобряющем мои неизмеримо долгие, насыщенные именно истинным стенанием скитания коридоре и мочеиспустился даже, как теперь вспоминается, с вышедшей из рта тонкой струёй неумытого шлейфа чуть затвердевшей плоти омертвляющей согры непрерывного становления слюны, и не кажется более данная мне участь жестокой или несправедливой: иного следствия моих действий быть и не могло: утром необходимо выпивать два стакана воды, и любое лёгкое отклонение представляет собой причину надменных, неоправданно обозлённых взглядов порекомендовавших больному такое при соответствующих жалобах врачей: и едва отличающийся от воды собственной невеликой концентрированностью нетянущий чай без сахара, и только слабо возбуждённым вкусом обозначающее природу свою некрепкое кофе, и самым желательным образом приготовленный свежавыжатый сок являются неприятиями должного, по крайней мере, это я, отрешённо воспринявший терзающуюся повсеместной щедрой сдаточностью немотивированного расточительства несколько более точечных подробностей трапезом за тем вполне желательной, оставляющей значительные, расплывающиеся диковинным прагом обыкновенного малахая обыкновенного человека в препоне неправдоподобия реального, однако ни в коем случае не естественного, что недвижимым естеством замеревшего, необыкновенно отдалённого от понимания человеческого Рая невероятных просторов и существ, отпрыски образованности в честных, надеющихся систематизировать таким ненадлежащим из прозаичной непросвещённости в иных методах уведомления ума о данной информации образом свои знания волю в порыве абсолютно безвозмездного таинства проседающей под слабосилием окружающего гигантом отяжелевшей самости энтузии цвета горького миндального масла, где-то когда-то прочитал: аз не уверен в искренней правдивости каждого из этих фактов, однако хоть некоторый корень

разумного здесь присутствовать обязан, отчего доля моя считается сейчас условно справедливой: я присягающе склонился в еле узковатом дверном проёме и берлинской лазурью наблюдаю просвечивающие, продевающие полупрозрачными прерывистыми нитями сияющей пестроты ухари склёпанного граничия неплотные шторы, возложившие на меня такое непростое бремя: я с опорой на руку свою правую приподнимаюсь и с едва стоящими на полу колышущимися, покалывающими болью мои опускающиеся веки ступнями с каждым шагом стараюсь свершить новый подвиг: я дошёл до оттенённой обликом опустевшей квартиры втянутой кухни, сперва просто инертным движением открыв скрипящий отвердевшей на всей плоти этих пространств неестественных ржавчиной кран и с неконтролируемым порывом прохрустевшей за тем множество раз, мирволием смилившейся с рисками моими неоправданными смерти пропитанной сочными жилами шеи почти свернув, ограничив доступ крови к головному мозгу, стал вливать в себя жалкие, ещё обтянуто всечасностью общего реального движения тёплые от особенности, технически выраженной в необходимости после подачи воды ждать около десяти секунд нужную температуру, плюхающиеся капли, мгновенно закатив обособившиеся в таком восхищении телесного опошленные глаза по воле плотской своей реакции и испустив уже слышный звучный порыв, вынуждающий фуксом выплюнуть с тем часть вошедшей внутрь кисловатого бессилия воды: через десяток секунд рассудок возвратился ко мне и напомнил о ненадлежащем поведении: зрачки с покрасневшим белком вернулись на прежнее место и обратились теперь к происходящей явленности: я медленно замкнул уже вполне послушно поддающийся манипуляциям с моей стороны кран, небрежно от только периферийного влияния действия этого на мою общую деятельность вытерся взятым с ручки для печки чуть рокочущим танговым полотенцем, положил или кинул его на надлежащее место, достал стукнувшийся отвлекающей даже от реального гулкой бореей мызы отставленного от вселенной одиночества лайдаком упущенного за желанием воспалить одну только честность в жестокости этой окружающей о плотную поверхность гарнитура кухонного стеклянный стакан и вновь включил уже свистнувший удивительной амбликорифой неязыковой экзотики кран: шумящим, выбивающимся толстым кадыком горлом выпил покамест я совсем немного, и возбудило во мне эта незначительность великой претенциозности некоторое желание: пока вода неравномерными, свисающими на плоть окружающего волнами и иногда грязным плесканием выпадала за описанную глухо отстранившимся стеклом исчадия влиятельного окружность, непривычно скованный слизью густой слюны язык мой случайно облизывал уже увлажнённый левый кончик, в целом отяжелевший контрастом с остальным насыщением жидкого губ, с тем уже почти натёртый и от вожденной влаги уставший: стакан наполнился: я быстрым движением опустошил его и без должного отчёта начал надливать другой, хотя и желудок уже был излишне преисполнен

столь неуместным и резким избытком, однако без сторонних лиц меня уже нельзя было остановить: я только сейчас неалогично опустившимися к сосуду глазами стал нарочито выдумывать насыщенные представлениями самыми невозможными разрывающим ослабленную шульту происходящего крепким свивальником иллюзии насчёт блаженности будущих ощущений, и зельный порыв мой почти свершился, как в коридоре послышался звук открывающейся входной двери: то не было таким уж выделяющимся или особенным, но я для чего-то мгновенно вылил из стакана атаковавшее поверхности желательные содержимое, с опасным, чуть не предваряющим разлом структур его робких стуком перевернул на своё место и замкнул клапан проходящих насыщений страждущего необособления от влияния на себя, сначала даже нервно побежав к двери, только после утихомирив опавший ненадлежащим, вероятно, могущим в некотором плане словно и освободить меня от чего-то чрезвычайно тяжёлого, страшного своим существом тянущего болотного надрыва глубокой яруги образом пыл и снизойдя до сына спокойным, благородным шагом; ничего уже не выдавало малости моих утренних сил, он появился полностью кстати, даже прозорливым повествованием не допустил, чтобы я в зверином порыве черноталого шуршания опадающих остатков болезненно для себя перепил, он снял стукнувшуюся об пол обувь и поднял ко мне внимательно определившую вектор свой голову, удивившись и в свойственной себе манере мягко поздоровавшись чуть неготовой к уверенному озвучиванию вежливостью: оказалось, он не ожидал моего раннего пробуждения, ибо пришёл значительно раньше обычного: летние занятия, справедливости ради, дополнительные, потому школьники вполне вольны не следовать жёсткой дисциплине, да и, как он пояснил, тему, необходимую для сильно отдалённого от нынешнего времени, он усвоил быстрее и легче остальных: учитель отпустил и из своей инициативы, впрочем, во-первых, я и не сомневался в сказанном сыном, во-вторых, я никогда не занимался в школьные годы формальной учёбой, почему и не считаю собственное мнение таким уж авторитетным в подобном плане, в-третьих, один только факт такой загруженности и необходимости подстраивать свою жизнь под возможности учителя и летом не позволяет родителю напрягать своё чадое негуманно обивающей воодушевлённых людей просторной дымкой пугающей наличности хрущатым невежеством сутолочной чёрствости претензией, в-четвёртых, это и в спектре жизни несыновьей обрадовало меня, ведь теперь я знал, что вся молчаливая истерия моя произошла в надлежащее для сна, весьма утилитарно потраченное за условной попыткой прийти в себя от сокращённого количеством оногое мгновение, следовательно, я ничего не потерял, если не приобрёл, искомым обновив постельное бельё и переодевшись: с приходом сына жизнь моя словно воспалилась иной причинностью, предстала под новым восхитительным ракурсом, и более я не был оставлен ни Богом, ни собой, ни сыном: какое-то время сын должен был работать, после чего он будет

способен уделить время нашему совместному досугу, будь то просмотр фильма, занятие спортом или иные игры: форма, опять же, не так важна; некоторые мгновения я коротал с удовлетворяющим меня темпом посильного отвлечения на забвенную сутолоку в виде домашних дел: сперва без лишнего торопления помыл оставшуюся насевшим погонем образующих в смешении воды и плавающей свободно перебирающимися в горюнные ордалии нового становления лёгкими хлопьями еды существ грязную посуду, после взялся за почему-то забивающийся каждый месяц не такой уж старый, только опавшей на него пылью повливающий на моё нежелание заниматься с ним пылесос: кажется, полноценной причины я так и не смог выявить за уже год регулярных, почти методически востребованных лакуной работы устройства попыток, однако каждый раз после осмотра и незначительных возбуждений элементов его он работал с прежней интенсивностью: думается, дело исключительно во вполне прозаичной непроходимости, но столь простую теорию я принять не могу, и вопль моё грло стенанием непонимания истощено столь же, сколь истощен одуряющий загумённым ласкателем человеческих печалей выкрик безвестного бедного, всю безрадостно изолированную от: и вопль этот обозначал обыкновенно конец моего еле внедряющегося в роняющее случайно нетяжёлую грязь устройство осмотра, после которого вновь можно им пользоваться с былой продуктивностью, и убрал я на место это своенравное устройство с недовольным, комически оскорблённым лицом, на обратном пути приступив к ответственному осмотру микроволновой печи: последнее время она иногда нездорово постукивает, но стоит мне повернуть её и начать исследовать, как пару минут издевательски подражающий пылесосу, рождённый в прострительности снисходительной подачи грубым насилием звук прекращается: вероятно, в этом тоже замешаны настроенные ко мне враждебно силы некие, но в данный раз за трудолюбивым щёлканьем сына по мыши я остановился на отстранившем меня от безбожной тирании электроники виде из окна: нельзя сказать было, что происходило это так уж близко, хотя каждый малозначительный элемент удавалось увидеть и услышать свистящим плеском обрадованных вечем гугнявого прекрасие внетелесного восхитительного следствия надрывно оголяющего свои уродства греха густых капель удивительно подробно: через дорогу, в относительно сокрытом от чужих нездорово внимательных глаз взгляде месте, можно рассмотреть три лика: два парня и девушка возраста примерно, как и роста, равного: девушка незначительно ниже стоящего рядом с собой парня: они отстранились от другого или изначально с ним не сближались: похоже, я застал наиболее накалённый в происходящем момент: тощая девушка с несколько расслабленным умом видом оттопырила неестественно оттянутый влево подбородок и надула и без того немалые, свисающие складками кожаной коры лабазом невежливо игривой морговой мыси щёки, а стоящий рядом служащий её начал нелепо для стоящего поодаль и пугающе для находящегося

напротив немощного ровесника сутулиться ради визуального увеличения своей худой, испещрённой редкой немощью гривуазной опасности спины, с тем отваливая те же слабые, распластавшиеся тонкими плетями тонкие невензельные детские руки назад, по всей видимости, оскорбляя и унижая своего неготового к подобному воздействию собеседника: думается, я забылся в делах и определении реальности, почему и не попробовал прекратить неприглядно оставляющие парня седовласым одиночеством на kolejно повторяющиеся в сознании его проставленной невольной вретисей стенающего страданием зеньчуга нерешительности напуски хотя бы выкриком, робким привлечением внимания окружающих, не хотелось верить в страх перед этим жалким, оскорбляющим всё человечество своим смердящим апломбом кощунственного, утратившего роли свои москателя существом, назвать которое представителем человеческого было бы чрезвычайно удачно за незабвенной природой людского: кажется, ситуация вполне обыденная: то ли оскорбляемый парень пытался неудачно познакомиться ближе с уже занятой девушкой, то ли он дерзнул к ней, во что я не могу покамест поверить, пристать, то ли он проиграл в пробеге за сердце этой омерзительной, ядовито блюющей миазмами своих гадких поступков твердокоренной, непроглядной в дыме антрацитовый чалой мрази дамы, став теперь просто методом возвышения новоиспечённого парня перед избалованной не одним гласом взрослого, но и предстающей пред ней только касательной поверхностностью противных миру нестраданий жизнью или, напротив, полностью лишённой природного внимания и онтологических цен девушкой, ибо в любом ином случае рассудок здорового человека не допустил бы подобного обезумия: в любом случае, главная ошибка унижаемого, думается, скорее в выборе, чем в методах: он продолжает под свойственным отвыкшему от реальной динамики ребёнку давлением давать располагающую к дальнейшему унижению слабину и не решаться отвечать достаточно дерзко, дабы отпугнуть противостоящее себе бездушным кумганом пражёной жестокости животное, отчего отвратительно восставшая над ним девчонка и напыщенный выдуманной величиной лоб нагромождающей бодетью становятся пред ослабленным своим верным воспитанием парнем, обособившаяся от созерцаемого слюнявая дева словно и не имеет причастности к оскорблениям, придерживаясь той же стайной корпоративной вежливости, только делая вид, что понимает алгоритмы связи с интенсивно изменяемыми объектами, видимо, являющимися для неё только способом утвердить своё истощённое непрощённым явлением эго, и вдруг этим бесхребетным, но ещё достойным, как и любые остальные, что только больше вынуждено обозначить их вычурную подлость, существам, кажется, надоедают возросшие по их вине буланой тяжестью выпестренные стенания, они ощутили необходимую ничтожеству мелковатую власть: теперь хотят они в едва свойственной себе манере попробовать изощрить ужасное унижение, выйти на новый уровень, до этого, вероятно, скрытый только насильно,

ибо со свободой и позволением они сразу же стремятся изуродовать свою обнажившуюся нечеловечную человечность: новина поощрения со стороны якобы непричастной девушки постепенно даёт ощутимые кисловатые плоды: парень всё более дерзко подходит к своему оппоненту, хоть и поэтапно, привнося сперва чуть большее количество общенной, упрощающей окончательно изыски перифраза падающим на лишённые подиумы плоти истончённые связки бурнокрылым колешком лексики, после он добавляет ещё один выделяющийся физический выпад к предыдущему, и сейчас уродливо сознательно сморщенное в сияющую ровностию плотную лебовину лицо его, уже почти напрямую плюющее накопленным соком истинного невежества на отвернувшегося, частично старающегося всё же не допустить развитие конфликта в полноценную драку, что являет собой полную противоположность цели шипящего своей слюной хилого мальчика с уже гротескно искривлённым ростом в полтора метра: столь гиперболизированным апломбом сумел изобразить враждебность, что едва ли хоть кому-то он покажется угрожающим, и рвотой из него выпадают всё более удивительные звериные оскалы: наблюдение становится смешным, но нельзя не учитывать очевидный страх терпящего это парня: вероятно, его позиция представляет собой наиболее правильную и трезвую, однако убежать было бы легче, что, впрочем, может вызвать пристраивающие нежелательные пути к дальнейшим вымученным неудобствам проблемы иные: если они объединены какой-либо социальной группой, то репутация убегающего от драки школьника станет ещё мучительнее, да и в нынешнем случае, скорее всего, ему не отделаться от последующих унижений: многие люди при подобных ситуациях говорят простые и очевидные советы предметного плана, но слушать предпочтительнее тех, кто непосредственно сталкивался с этим в разрезе собственной, обрубленной слезящейся мортирой выплёскивающихся кровавых кресал слабости: часто учителя придерживаются трёх точек зрения: справедливости ради, это результат исключительно моих бытовых исследований, отчего я допускаю определённую долю субъективности в найденных мимоходом закономерностях, да и нельзя не сказать о природе учителя: нередко это выросший в чрезвычайно мягких, инкубаторских условиях искусственный, ни разу не наблюдавший настоящих страданий и людского необдуманного естества человек несуразной серьёзности по отношению к едва ли не самому недостойному, почему и анализ происходящего имеет тенденцию проходить через призму не религиозных исключительных догмат, идеологических воззрений или грубого житейского опыта, а сквозь чуть не полностью природно пошлую изолированную реакцию: такие люди могут неестественно совмещать в принадлежащих самым неподобающим, звеняще играющим с гуменцем первородного гниющей жёлто-зелёной кугой образом этому эпизодах абсолютное отсутствие сдачи православной притчевости жеста и вычурную агрессию членов радикальных

движений: такая реакция может привести к страшным научным обобщениям и потере интереса или мотивации, хотя это и способно подмять под богатый неблагополучный опыт работы с заинтересованными в ином детьми: второе мнение обозначает учителя, никак в перипетиях между учеником не задействованного, такой подход чаще просто отчаянный, невнимательный или бесталанный, зато наиболее точный в соблюдении, так как все остальные предполагают некоторый отход от коллизии своих воззрений, третье мнение раскрывает желание добиться профессионального подхода с участием школьных психологов и небольшого вмешательства учителя, вполне вероятно, это формально и не только лучший вариант из возможных, да часто в необходимости третьих лиц классные руководители видят своё унижение, отчего приобщаются к наиболее распространённому мнению: детские издевательства невозможно остановить или замедлить, по крайней мере, универсального подхода не существует, хотя в частных случаях и есть шанс повлиять на адекватных и неглупых детей: младенец, ребёнок и подросток видятся учителю схожими скорее на животное: путь их, безусловно, относительно самостоятельный, но в современном мире именно внешность подстраивается под внутренность прихоти в небедных семьях без жёсткой дисциплины: там несовершеннолетний привыкает к хаотичной адаптации окружающих обстоятельств под себя без каких-либо угрызений совести и чувства страха из тепличных, не огораживающих их доброзачиём землемерной греховности условий: так развитый интеллектуально в последнюю очередь ребёнок может довольствоваться редко открывающимися вратами воли, распахивающими перед ним окно обычно запретных плодов удовольствия или просто нарушения условного правила, хотя такие тенденции наблюдаются и у взрослых людей, считающих обычный факт имманентного противостояния полноценными идеологией и достойными, за тем всё же обретшими определённую различность качественности нелоготипическими взглядами: едва ли когнитивные способности и условия жизни такого человека положительно выделяются, хотя и есть исключения в вырожденческих мучениках, которых справедливо относить к адекватным из их неадекватности от ситуационности; это первое мнение довольно фаталистично в своём неказистом остове: из-за неспособности справиться с серьёзными разладами в коллективе учителя или сдаются, или принимают позицию пассивной помощи, более похожей на содействие в отказе от профессионала: наиболее особенным наблюдением моим оказалось то, что чаще школьные работники ощущают стихийную власть общественных настроений над своим авторитетом, впрочем, проблема здесь раскрывалась в реалиях современных: думается, в скором будущем будет принята необходимость общаться учителю с детьми на равных основаниях без ощутимых скрытых манипуляций, почему и влиянием он будет подвергнут в той же степени: картина граничит с действительно отвратительными, страшными сюжетами, исступлённо

издевающимися острой бритвой власяной бурсы полканной принадлежности над ребёнком в угоду пошлого удовольствия класса: собственно говоря, такое существует и сейчас, чаще просто обозначая нездоровую природу психики работника, раз уж наказание следует без явных на то причин: интенция наказания важна по-особенному, её суть сложна и велика, почему наказываемому зачастую и не хватает силы ума и духа на соответствующие ему более вне пафоса обозначенного воздействия: упрощённые, грубые выводы мои, в которых можно увидеть учителя и неграмотным, обрамлённым целым множеством противоестественных и ненужных отростков чувственного несовершенства ситникового скаженного очерствения мироедом и своего долгожданного стригольничья средством воспроизведения чрезвычайно упрощённой и иногда вовсе некорректной информации без должной квалификации в работе с детьми, стремились не к научности или практическому выводу, а к обозначению того, сколь отчаянны часто возрастно-взрослые перед слабостью и безумием ограниченных некогда недолжным образом посредством жизни али звона соскребающих с гигантской урны дурманящей невероятной вони канализации ассенизаторов незрелых существ: дети не идут на компромиссы, по сути своей они в рассмотрении взрослого человека щемяще искрят множеством девиаций, с которыми приходится считаться условно относительно здоровым людям, отчего и появляется разлад в некоторой системности схожего условия: здоровые люди не могут вечно ставить мнение больных людей на первое место, в противном же случае они станут пристрастно ощущать свою низкую, обличающую себя именно апломбом здорового греха гунявой лихоманкой необходимого бесправность, просто перестанут желать участвовать в неформальной части своей работы, обозначив результативность близкой к нулевой: проблема именно в непостоянстве здоровой болезненности детей, и раз уж необходимо добиться некоторого удовлетворяющего всех предпочтительным любанчиком исхода, придётся исказить восприятие учителя, сделать его больным: может, мог убить себя, если бы ему отказала забелённая Иваном; слабой поткой цвета абрикосового льда по лицу пытавшегося только что отойти на один только шаг парня прокатилась щёлкнувшая по холодной глади немолодечественной складки гибкая ладонь агрессора, одно только мимолётное мгновение было дано на осмысление произошедшего мне и получившему удар, и ещё раз той же рукой в том же месте был произведён звонкий, отрывающий субъект от иных колгот шлепок, только уточняющий склонившееся положение головы удивлённого такой резкой, молниеносно прорвавшей зазор приемлемого несильной атакой ребёнка, девушка тоже удивилась и чуть не вскрикнула, приложив еле согнутые нескладные ладони к отвратительно открытому тоннелю рту скатывающейся по деревянным стенкам его маслянистой слизи с выпирающими случайно передними зубами прозрачного жёлтого, словно и не добивалась того своими действиями, атакующий же почувствовал, что любое его промедление обозначит или

конец конфликта посредством стараний окружающей интенсификации, или начало жалких, изъясленно плюющих в нрав ваятеля стенаний извинений и плача надрывно ослабленной жертвы, чего никто не хотел, желая одного только молчаливого, утвердительно обозначающего ничтожество надеей остаться нетронутым ненегативной терновой купиной унижения: за сим нежеланием услышать похлебство или истерику он присел ещё более смешным, даже чуть извиняющимся образом, замахнулся всем нешироким торсом, повернув всю верхнюю часть долговязого туловища с принявшими позицию готовности к атаке руками с согнутыми локтями, и с быстрого разворота ударил кулаком левой руки по находящемуся ещё в том же недвижимом положении подбородку словно и не отреагировавшего на замахах лица: удар был громкий, что усилило звук от падения на оставляющую пустым значительное пространство металлическую обивку стены какого-то небольшого здания: парень замертво упал соскользнувшей с реечки привычного людского изобилия забродной корбой, а спустя секунду от его падения атакующий начал, кажется, в новинку и для себя пинать беспомощно лежащего на земле по растекающейся хилыми импульсами ослабленной главе, думается, разворачивая весь потенциал желательности сотрясения мозга, если не убийства: в случае наличия болезни или особенной слабости у парня: девушка же ещё после удара будто получила должное удовлетворение от содеянного и пыталась уже остановить затянувшийся акт удивительной для всех жестокости, хватая за острые рамена своего избранника и даже иногда что-то выкрикивая без осязаемой влияности парня, возможно, не потерявшего голову, а всё это время размышлявшего самой изрядной иконой: на лице его проступило отвращение не то от себя, не то от проступившего плевок густой крови с разорвавшейся гибкой тканью кожи физически петляющего в разные стороны кефаликоса, на пару секунд остановившего происходящее, собственно, без долгосрочного влияния: удары меняющимися ногами продолжались, но уже по конечностям жертвы: следы от крови на сверкающей неравномерно сбивающимся плюмажным невесием серебристой огранке становились слишком неприглядными внешней динамикой, и девушка уже в сидячей позе со страхом направила глаза в сторону происходящего, кажется, ничего за данным и не видя: она просто перенаправляла испуганный взор, дабы не добиться своего избиения: парень, скорее всего, способен был сейчас и на это, ибо едва ли к такому проявлению зверства он готовился с самого начала, уже за восставшей колоссальным бабыром невзрачной стрехи утерев стремление объяснить свои деяние: из явившегося волнообразным неоднородным отверствием вожеватого рта выскакивали с ударами противные слуху, еле обдуманые фразы насчёт своей жестокости и уродства парня, того, как он посмел пытаться влюбить в себя ту, за кем тайно присматривал его лучший друг, и сцена эта завершилась подбежавшими тремя мужчинами, с приложением грубой силы оттащивших обоих парней и вовсе позабывших о девушке, и на лице агрессора

выступали еле проходящие сквозь затвор век остистые шафрановые слёзы и морщины сожаления тогда: он боялся останавливаться, думал, что это заставит его вновь представлять перед ещё более страшным выбором, испуг его обрѣк друга, возможно, на инвалидность или смерть, впрочем, теперь я смотрел уже не в окно, а на расположившийся под микроволновой печью белёсым домовым подоконник: сердце моё билось поразительно быстро, а пробегающая хмельным воронком кровь в узком виске пульсировала со скрипящим шумом: я пытался понять, что сейчас произошло и что делал я сам: я стал кричать в окно ещё с первой пощёчины, может, именно то и привлекло мужчин к драке, по крайней мере, этому хотелось верить: в глазах моих медленно белело, и вспотевшие невероятно неестественным влажным полотном руки произвольно дрожали со свойственным стуком о лежащий на существе иных толков иным прекрасием женированной тяготы правого лайдака подоконник тот же: вероятно, сейчас я видел убийство, в чём себя пытался всячески разубедить: думается, удары могли быть и не такими сильными: этому противоречат стекающие по земле обширные ручьи искрящейся под бликами обжигающего беззаветным жаром малого изумрудного солнца крови; думается, ему смогут оперативно помочь: больниц рядом нет, пока вызовут скорую, пока она приедет, может, уже ничего нельзя будет сделать; я не хочу об этом думать: думается, это же дети, ребёнок не должен мочь убить человека: бил он тоже ребёнка, столь же хрупкое существо, каковым и сам является; взгляд мой осѣкся на размашистом длинном брызге едва подсохшей крови: этот равнобедренный треугольник с чуть окрашенным основанием демонстрировал пёструю палитру из оттенков между коралловым и брусничным цветами: яркие плевки выделяли даже чуть радужный блеск перебивающейся на точные углубления жѣсткой, слегка искривлённой в месте падения парня материи: мужчины и дети уже зашли за угол, видимо, в попытке успокоить одного и спасти другого, вызывая скорую и полицию, и только приглушённый плач девушки ещё обозначал их близкое присутствие: они не оставили следов на траве, разместив только тонкую алую линию к своему скромно ухитрившемуся скрыться месту: брызги медленно стекали книзу и стали приманивать трезвенно оставленных иными заботами мух с многочисленными муравьями: после слышались звуки приезжающих полицейской машины и скорой: через пару минут они уехали в том же направлении, и никто к месту происшествия более не вернулся, отдав всех свидетелей и жертв потенциальной внетелесности: в осмелевшем заросшим быльѣм одиночестве лопастого я в окне наблюдал с уже успокоившимся ритмом надпотевшего солановатого сердца облепившиеся сочными чавкающими жидкостными оводами остатки проникающей всё далее в земляное крови: не знаю, должен ли был кто-нибудь вернуться на это место, но никого здесь более не появлялось: ещё с несколько минут я разглядывал то безродное, уже оскудевшее цветом пятно, пока в голове моей не начали внезапно врезающимися клиньями ливного краснобая возникать идеи

насчёт починки микроволновки, перебивающие уже наскучивший и тленной тягостью неприглядного вид того места, и постепенно я отстранялся от просвистывающего лёгким ветерком еле заметный щекочущий кисловатый холод потёртого окна, смотрев теперь только на неисправный, далёкий от меня собственной несхематичностью, человеческой неправильностью механизм: так в забвение и ушло превратившееся зычным золотожаром утерянной мгновенной реакции воспоминание о произошедшем неистовстве этого ясного, тихого, стрекочущего желательным отвлечением человека на иллюзорную радость щемящего неестества распадающейся на временные отрезки страданий, стенаний, телесных ухищрений некогда ангельской, семенящей теперь только обрубленными до жизней своих внутренних культами по изрытой проникающими в самые животы твои простым движением шипами непостоянные, перепадающие в угле своём иногда через сорок сбивающих тебя только обратно мучительных, но пока оставляющих кадык средоточием ramen и остатков пришитых коллосальной монструозностью безгрешия к распадающимся на чарующие, сверкающие тьмой невозможного изгнания цветки результата несогласия с возрождённым одной мразью отвратительной енды сути покоривших неаттическое толстомясое сталистое келейное неватошное пешеломное несловутый щадриный друг позобка околеникового миром выям твоим конечностей градусов плоскости плоти реальности дня: возможно, кажется мне, будто, вероятно, я уже сошёл с ума, ибо во время своих технических экспериментов вдруг послышалось нечто близ нелюкарного проёма: то была не то ожирневшая, разговаривающая задыхающимся порывом крикливой звонкости засаленная телесность, не то обычная, вылетевшая за пределы квартиры их безобидная искривлённая перебранка соседей, однако в момент этот опыт мой показался разуму испуганному едва не выступившим во всех проникающих сквозь семенящую вдоль вектора давно определённого натуру окружающего красках гигантским слизнем телесной оттеночной поры несхожего: глубокие, разъедающие в жаре границия пространств своих толстые поры его многочисленны, они обиты густым слоем режущих произвольным касанием секущихся расправленными навахами волос, еле скрывающих небольшие беззубые рты отвердевших воронок, из физиологической своей бедноты ограниченные только сочетаниями гласных переднего ряда и редкими аффрикатами: проезжающее по мгновению презрительной для окружающего существа тяжестью распотрошённого тивуна повисшей под грехом жневьём безгрешия нороты существо это передвигается на крепких, пробивающих снаружи поверхность бесхитростного пепельного панельного дома пожелтевших цепках, тщательно сокрытых от иных глаз толстыми жировыми складками, иногда меняющими цвет на оазисовый в редких тонких, проявляющихся искристым необычием жнивня жилках: они обиты карминово-красными тонкими, крошечной иглой продетыми сосудами нескончаемых запутанных троп и серыми

пухлыми прыщиками отсутствующего воспаления, и с каждым водоворотом танцующих только одним отработанным движением струн этих вся плоть покрывается светлой, преломляющей окружности и стенание мои неожиданным станом радужных оболочек погибшей дебелисти неприкасаемой могущественной сеткой, тут же бесследно испаряющейся и с проглатыванием бледных невозможных теней заменяющейся на привычные виды позадишного: я уже и прильнул всей правой щекой своей к этому горячему, расплывающемуся в моём явившемся пугающей галлюцинацией ненормальности неконтроле над наблюдаемым окну, дабы услышать большее, но его шёпот дерзновенно отдалялся, будто не хотел найти во мне своего первого посредника, и я резко встал, нагло попытавшись застать его врасплох, быстро сняв разваливающуюся под промелькнувшими сомнительно разваливающимися литерально становящимся настоящим в пробитых кровью пимах слезах сутолочной узги движениями сетку и дерзновенно заглянув, но стоило мне топнуть непримиримо последовавшей за поруганной поворотом телес ногой, как находящийся в кухне сын уже около минуты спросил насчёт моего нынешнего дела: небольшая стыдливость быстро сменилась весельем, и я сказал, что пытаюсь починить микроволновку, он же ради вежливости во время разговора проявил интерес к тому и проверил, повернув отвечающую за время разогревания ручку, работает ли она исправно: работала; я с десять секунд постоял в чуть отёкшем ускорнячками неудобств рубящих ступоре и понял, что вновь был обут туфлями лжи со стороны этого загадочного плана микроволновки и пылесоса: они хотят моей смерти: я с продолжающимся маловесным смехом поставил микроволновую печь на место, прибрав за собой и узнав, что сын уже закончил на сегодня работать: мы с параллельно пролетающим меж простыми действиями приятным диалогом раскрыли нашу сарынь перемешанных с застывшими объёмами выделившегося сока замороженных ягод в морозильнике и стали их без стороннего ожидания поедать: весь оставшийся день мы провели вместе: кажется, я позабыл о тех трёх пугающих спутниках моего дня: перед приставленным реальностью сном я ещё слегка припомнил произошедшее про себя, благим образом отвлѣкшись на милый вид уснувшего сына: пора ложиться спать: надеюсь, завтра будет хороший день: моё имя – Вивьен Александрович; на него, кажется, повлиял непопулярный тогда он, в двадцать девять лет ещё хваставшийся шрамами от самопорезов; я вновь проснулся позже сына, однако теперь он расположен почти прямо передо мной и снова работает за компьютером, чудесным образом меня всё же не потревожив и не разбудив: не знаю, есть ли у него сегодня занятия, ибо распределение оных не зависит от дня недели, отчего он может как отдыхать дома в понедельник, так и допоздна находиться в школе при необходимости: налившиеся кисейным, будировавшим в строгой ограниченности бессилия пошептом, изрезанные плескающейся сухостью ложного недосыпа раннего просыпания, пока подмѣтного из пограничия телесного

толка, нерастыньевые смиренствовавшие глаза мои устали от бездействия, но не разделяют они вчерашнего непослушания: с несколько минут я перебиваюсь с состояния визионерской, сильно пошатывающей разделение сна и неблагородной твёрдости происходящего дремоты на условно трезвое наблюдение наполовину прикрытыми припухшими глазами за мельтешащими руками осторожно бегущего по клавиатуре сына: он моего пробуждения не заметил, да и двигал я за всё время одними только вздымающимися безвесыми бледными веками: пора просыпаться: в импульсе вставания я аккуратно поздоровался с сыном, и он с уважительным отвлечением на меня стал что-то рассказывать насчёт прогресса в эле касающемся меня деле: я был очень рад его воспалённым из одной только любви к моему благоприятству словам и похвалил, хотя из неквалифицированности и заспанности понял едва ли треть: я бережно потрепал его по призывно двигающейся голове; принимающей меня прохладным теплом молчаливого шума избегающего воздушным марьяжем вторичного непривычного, подложно вчера удивившего меня рождения васелькового огурства в ванной ничего не выдавало необычность испещряющего греховной нерудиментарностью явления хода вещей, отчего в ослабленной зримым душе мне даже показалось, будто ничего и не должно произойти в материальном мире, словно априори необходимый грех явит себя в косвенной форме: мысли этой я значительного, хотя бы обособленного от иных волнений колкого неизушного внимания не уделил, почему и продолжил жить в привычном темпе: сегодня нужно будет заняться каким-нибудь активным видом спорта, чему прекрасно благоволят вёдро и накаченный сыном в моё небдение волейбольный мяч, то-то мы слишком засиделись, одурманенно наевшись не самых полезных закусок, почти заменивших нам полноценные обеды: сильно медлить мы не стали, использовав весь наш предспортивный потенциал и собравшись едва ли не за полчаса, что с учётом необходимости поесть, помыть накопившуюся утлым зловонием нашего раннего нежелания посуду и внушить себе готовность к тряске внутри желудка является полноценным, проталкивающим к новым открытиям сущности человеческой сакмы подвигом: на нас были широкие, доходящие до колена мне и чуть более сыну тянущиеся шорты и различных внешностей обычные футболки: на сыне плясали боталами развевавшиеся на его стёганой зыбью протекающих воздушностей ходьбе складки белой большой футболки, я же предпочёл условно соразмерную необходимому чёрную, уже на выходе ощущая будущую несправедливость при оценке наших начальных данных: очевидно, мне нужно дать послабление за хоть сознательным, но уж совсем излишним привлечением обжигающих даже чуть приятных, усмейных искривляющим влиянием солнечных лучей, однако теперь я сверстал наши приготовившие оправдания в случае поражения взгляды и цепко держусь за безтемпературную ручку входной двери,

случайно обхватив прилипший к излишне чистым пальцам мяч и помещающиеся в пока готовые к добавочной тяжбе пальцы, облитые конденсатом бутылки с холодной водой, на спине же я оставил почти полностью пустой, прыгающий от неответственности своей рюкзак с тупо падающими друг на друга кошельками и еле заметно свистящими скромным звоном ключами: сквозь лишённый чего-то важного подъезд мы прошли с удовольствием от ощутимой в нём новой прохлады, после недосадно свалившись к суровым, испаряющим влажность на оставленной обезлюбленной поверхностью обязательного, давящего на тмившиеся папухи взваленного бремени усилия кожи нашей реалиям и продолжив насыщенные силой шаги с часто недовольным лицом и отдышкой из попытки хоть так облегчить свою тяжкую ношу: до площадки с волейбольной сектой пришлось идти около двадцати вполне лёгких, перебивающихся на будто непрерывно мотивирующиеся превосходным разговором минут, место это мы выбирали еще несколько лет назад с особой щепетильностью: сеток здесь сразу несколько, почему только в очень редкие дни не удаётся найти свободной, да и хорошие её границия прочной высокой клетки позволяют не сдерживаться: тут и отступила усталость, быстро сменившаяся, несмотря на нашу даже в любительском рассмотрении великую недоученность, бодрым самоуверенным воодушевлением с мощным спортивным азартом, что у профессионала разглядеть бывает крайне непросто: сперва мы небрежно разложили плюхнувшиеся на приятно пахнущее от развевающейся невсевещным гулким преломлением реального незойлиственной естественной горечи обсидианового воздуха покрытие вещи, заняли опустошённую площадку и резво принялись за только разогревающие упражнения без разминки: неопытно и очевидно физически неподготовленно чередовались, передавая сначала сверху и после встречного, лишь временами достаточно удачно реализованного для следующего элемента приёма совершая уже только издали схожий с нормальным удар, и в тандеме этом мы весьма успешно объединили свои разносторонние, хотя и весьма усреднённого качества навыки: мои атаки были сильнее, а приёмы сына приходились значительно более точными: сначала несколько напрягала привычная для тренировки необходимость бегать за мячом дальше, чем мы могли бы в случае полноценноигровой игры, однако это не сильно отвлекало, ибо так удавалось лишний раз аккуратно размяться, да и на какую-то зрелищность мы не надеялись, в полной мере понимая, что, вероятно, в самом нелепом для окружающих виде только пытаемся выполнить удающиеся лишь каплунно ожеревшей препоной полноценной игры элементы: нам хватало и этого: чаятельно, что-то мы могли именовать и делать в корне неправильно, но устраивал нас и подобный, казалось бы, внешне неприглядный, но в существе своём наиболее плотно скрепляющий необработанные излишним талантом и примитивным знанием правил гордые умы расклад, будто мы вновь смотрим достаточно малоинтересный, едва ли в остоле своём не содержащий поражающей

невероятной, граничащей с проставленным эхом сретания наименее подготовленных и наиболее жадных людей подозрением о самых забавных, оголяющих процесс работы над огороженным от лежащего куреня очевиднейшей художественной немощи в глазах создателей оного лакунах простотой задумки глупости фильм и предлагаем друг другу нарочито диковато усложнённые неподъёмным чагравым млином насыщенного накопленными знаниями обсуждения трактовки, к действительности не имеющие и отдалённого гилияком отношения, однако в направленных на проницательность комплиментах видится искренняя, фуксом лишённая изначальной ацентричной иронии поддержка, чего мы сейчас, кажется, и добивались: никто из нас не возвышался над другим во время тренировки: каждый думал о близком человеке и желании сохранить его скрытый потенциал для следующего действия, а не для активно приспустившего смурой обидой задержавшейся посулы не делать так более слабости партнёра провала: мы принимали после удара и повторяли направленное в колени нападение сразу после этого уже с участием сетки с невероятным количеством неудач, нападали на удивлённое таким обезображенным бесчестием покрытие от верхней передачи и просто чередовали передачи и приёмы без ударов: думается, деятельность эта весьма немногозначительна даже для игрока едва средней школы, но нам словно успеха в этом деле и сознательно не хотелось, ибо в команде пришлось бы распространяться на остальных, когда мы, начиная и оканчивая едва не одно существо, достигли предельной гармоничной, хотя и формально уморительной нашей незрелостью как спортсменов игры: несмотря на отягощённые неопытностью навыки, петляющий в самые разнообразные стороны мяч больше не упал ни разу, только звонко отбиваясь от площадки при атаках; светящий в сверкающие наши, отблёскивающие солнечные света, увлажнённые жадобным возбуждением глаза чельный день продолжался всё тише и аккуратнее: за звучащими порой звуками ударов мяча желательно расслабившейся ладонью поодаль всегда что-то еле слышно нечеловечески трещало авгуром или ыгизом топало: даже легко упавшие рядом с нами отяжелевшие рюкзаки новых, судя по внешнему виду, достаточно опытных игроков, пожелавших спокойно расположиться на находящейся после нашей площадке, своим владетелям повелели образовать нечто схожее с чуть боле разрежённым гулом частого, строго оформленного татьбой кубового, распростёртого на любую кастную материю человека поратого топота в людном, изрытом кисловатой спешкой месте: в этих базовых упражнениях, которые я позаимствовал ещё из школьного скудного опыта, мы ощущали себя не мастерами, но великим, ощущающим каждые случайно появившиеся особенности игры вострым пялом и скаженной внимательностью ломовых зажорин онтологических чобр незлатодушного дуэтом или, по крайней мере, хорошими, отлично сработавшимися друзьями, сами иногда удивляясь прославленной нами складности получившейся простенькой передачи, казалось бы, начатой и

не так успешно, и теперь, не допустив падения мяча уже с тридцатое или более касание, мы просто не понимали обвивающей нас демоническими купырями раскрывшихся цветков духовного выдающегося рыстанья загадки происходящего: мы были колодниками своей заманчиво поражающей близости, столь щедро одаривающей нас, казалось уже, избыточными почестями: уже изрядно уставши и пропотев начавшими волглостью своею добавлять дополнительный, даже в таком незначительном показателе ощутимый пансейсмствующим неповоротливым колоссом вечной тяжбы вес футболками, мы начали параллельно оговариваться насчёт последней передачи или атаки, словно и невозможно остановить эту череду без строгой договорённости: было решено отдать крайнюю атаку мне, однако я и не собирался поступать столь себябежно, пожелав несколько растормошить блаженное, стравленное освистывающей разработавшиеся перегруженностью связки и забитые мышцы его отвергнутым селадонном усталостью состояние сына посредством ещё одной передачи, и в блестящих во время бега отлетевших капельках брызжущего тмой искристого выделения подергаестого сияющего деликатного изящества пота я резко сместил положение напрягшихся из уже вбирающего потенциал будущности рук и ног, неожиданно и для себя совершив верхнюю передачу уже больными, покрасневшими спелыми, хотя и немного стёртыми ягодками пальцами, оттого мяча касающимися и ощутимо ударяющимися истончившимися ногтями из инстинктивного изменения естественной позиции ослабленных левиантиновых ладоней, улыбка моя яростная вовсю обрела своё место на приподнявшемся оттого перемещающемся лице и пристально была направлена к приоткрывшему более обыкновенного градные глаза возбуждённым гулимоном сыну, липкие от тонкого слоя пота ноги мои надрывно содрогались от несильного, колышущего одни только светлые волосы на ногах ветра и расположили меня в полуприсяде, но тут было замечено страшное: сын с подобной мне улыбкой смотрел на эти согнувшиеся ноги, поменял положение своих, подпрыгнул и хлёстко ударил, оправдав и самую фантомную, до самого момента крайнего подвольную: обозначил наши ехидно развёрнутые опавшим волосником осложнённого байбака мышцы лица индивидуальным образом иллюзию, оставив упавший оземь со страшным, превосходящим то же при моих атаках хлёстким звуком мяч близ меня, очевидно, подло рассчитав свои действия по сплетённым удачно сантиметрам: простодушно коварная улыбка моя сменилась неожиданно упавшей тяжелейшим лотлинем нижней челюстью и неотрывным невозможным взглядом, передающим одновременно радость за незаурядность сокрытых способностей своего чада, горесть из своей недалёковидной глупости и продолжавшееся сомневающимися в произошедшем колчами остранённого следствия удивление, сын же молчаливо пошёл к воде, глумливой сыновьей добротой оставив меня в том же полуприсяде и с действительно многозначным выражением лица: я побеждён без

метафразиса; примерно десять минут мы пытались с глубокими вздохами и стекающими на принимающее наши плоти байдановой защитой покрытие телами остыть, потом осязнув преувеличенно растянутую нами в простодушном представлении суть этого потуга: с момента завершения разминки мы только сильнее вспотели за таким томным, холерически акцентирующем на усилившейся откровенным лепом изветхой неспособности сосуществовать с оной жаре дыханием, будто от отдыха мы напряглись только сильнее, уже без дополнительного обдува от наших быстрых движений ощущая каждый вышедший квадратный сантиметр давящего изнутри углекислого газа: последним неудачным порывом остудить себя стало немногочисленное самобливание из бутылки со слегка открученной, но всё ещё находящейся на бутылке шатающимся буйком облыжного аввакумовского поруба крышкой, да возложившая на себя в умах такие прелестные надежды метода эта облегчила нашу участь только на простёршуюся скользящим бревном по крутой горке минуту: после сладостного недолговечного душа и нахождения в теньке ты точно забываешь те ужасные, приятные воплощением иных интенций мучения, что пришлось перетерпеть в жару на улице: муть скатывается по всему лицу с особой интенсивностью, часто налегая на смешивающиеся насыщающимися хоботами природного становления кустами брови, в приоткрытый из попытки вдохнуть более рот или прямо в сомкнутом голяком принимающие эту разъедающую соль глаза: приходится нежеланно отвлечься и перебороть себя, решившись в завершение грязными, осложнёнными чувством недавней игры руками, ощутимо иссохшими, помнящими каждую песчинку или нечистое пятно от касания мяча, трущей земли или нетяжёлой обуви, что шоркала сутолочным спехом по этим отвердевшим поверхностям земляного, с небольшой брезгливостью обтереть аккуратно от солёных, налегающих плотной дымкой осязания выделений все замысленные онными пространства: еле контролируемой боковой, повёрнутой неестественным положением ложесного естественного неудобного прозрачия частью ладони это не удаётся, и ты пытаешься убрать пот возле слёзных каналов излишне грязным, внедряющимся в неприглядно отягощённые теперь чернью происходящего слизистые пальцем, полностью отчаявшись и уже за чувством несерьёзности такового пренебрежения позабыв о надлежащей и подобным, кажущимся несерьёзными своими узывными предтечами уверенности в защищённости прошлого эпизодам гигиене, но ничего не получается, совершаются верчения издевательски использующей прохрустывающуюся выю головы во все стороны за целью стряхнуть с себя ручьи мешающего дождливыми опадениями окрепших за удобством седяев мутного налёта, уже ухитрившегося влезть тебе в открывшийся во время этого золочёный рот, и ты выплёвываешь его и замечаешь, как мало воздуха вдохнул ранее: словно обитый ворсом агрессивного греха нос твой не забился, а полностью перегородил проход тёплому, едва не горячему чистому кислороду: оттого голова начинает отдавать

пульсирующим, ударяющим уструтным плоскостием интервальным постукиванием, а обездоленно стоящие в подобной болезненной тяжести ноги перестают держать: хотелось бы присесть, однако это принесёт ещё больше неудобств: редко касающееся второго лица искажённое сознание затуманено и расслаблено, хотя с тем ты ощущаешь сильнейший дискомфорт с изнурённых урочной болью мягких кожных покровов всех своих: каждая прыгающая клетка эпителия, думается, принадлежит уже не тебе, ведь не может отвратительная, еле заметная сокровная тяжесть цвета пыльной пустыни высохшего пота принадлежать ранее хвалёному телу твоему: пытаешься стереть с себя эту вычурную, оседающую смрадным салом тёмную смесь, получая в итоге одни только свернувшиеся прагом мирового комочки: ты убираешь их руками, но часть закралась под ломкие, вместившие это из одной только невиданной щедрости уставшей неспособности отказать ногти, достаточно длинные для того и слишком короткие для выскребания обтянутой паразитической волею хозяина грязи: в сдёрнутых жаром окружающего пятах начинаешь ощущать шипящую, проникающую в сосуды твои червивыми грозниковыми змеями боль от попадания выделившейся жирной испарины на появившуюся только что ядром изрезанной плоти мозоль, с подмышки же быстро начинает стекать щекочущая капля обтянутого пухлой плёнкой пота, вынуждающая не поднимать руки за незнанием того, видно ли в фантазии разросшееся до чудовищных масштабов пятно или нет, и за нежеланием акцентировать внимание окружающих на этом своими подозрительными, поддерживающимися своеобразно неоднородными движениями взглядами; волосы прилипают к сложенному несколькими некрупными складками матримониальному лбу и восходят к выделенным непривычно крупными точками глазам, просто мешая обыкновенному функционированию: ты грязными руками поправляешь пару сложенных влагой нелёгкого аркана локонов, вернувшихся на свою позицию осевшими, ещё более мокрыми из-за потицы на твоих руках твёрдыми тряпками через минуту; локти приклеивают друг к другу тёплые тела таким же образом, как и икры с бицепсом бедра в колене при необходимости присесть поглубже: кажется, части мои испытывают подобные ощущения, что и уверенно защищающий долг собственный ответственный шахтёр наночного окружения, обезвоженно пролезая через мелкие каменистые тоннели без источников ранее обходимой воды, иногда сдавливаясь под тяжестью ещё позволяющих жить крупных скользких камней; насчёт особенностей данности афедрона сомнений быть тоже не может: если в футболке ещё есть некоторое отверстие, позволяющее подмышкам быть более свободными в своих дыхательных полутруховых регулировках, то необозначенное место при приличной длине шорт беззаветно остаётся оставленным нежилым, что тоже приносит определённую, лишь издали схожую с тем величественным страданием восхитительного углекопа тяготу; обнаруживать нежелательные, ещё мелочно осложняющие

мои вполне достойные удовольствия факторы можно было бы долго, но главное неудобство кроется именно в верхней, выставленной гренадёрной первичностью напоказ части лица, по крайней мере, именно оно у меня смущается под гнётом то ли действительно существующих обстоятельств, то ли своего нахмуренного забавного вида: пот на лбу в любом случае обозначает себя в открытую, даже в самых комфортных условиях заставляя останавливаться на обмысление при предпочтении умолчать об этом физически и репликально или на отдачу должного побочному эффекту приятно освещающей горизонты подготовленной потенции жары, нередко и лишний раз посматривая на направление глаз остальных людей, могущих заметить это и упомянуть в несерьёзном разговоре претензией легковёрной шутки, несмотря на очевидность своей безобидности, оставляющей лежащейся уставшей выжлицей частого звучания на память мою определённый отпечаток на внимании к своей внешности во время летних тренировок или просто немалого, выделяющего мои венозные конечности и выю напряжения; лучше об этом не думать, ибо скрыться от подобного рока сейчас нам не удастся, как и ослабить симптомы жары, так надменно смотрящей на желание играть дольше: высокая температура не оставляет выбора: только нефуксом похудеть до болезненного состояния, дабы не испытывать все те стенания, хотя и не надо лишний раз говорить, что едва ли кто-то хоть когда-нибудь проделывал это ради единичной любительской игры в мяч вдвоем: если бы это было ежедневной практикой, скорее всего, у меня и хватило иройства дерзнуть против стихии и попытаться поразить агрессивную температуру, водой выгоняющую внимательно отстранившихся от верхнего земного кротов и спортивных энтузиастов из своих нор без попытки клотно реабилитироваться: мы никуда не сбежим от наблюдающей за нами вездევзглядным могущественным вержением духоты, оттого и идём в неё столь уверенно: теперь мы будем играть в некое подобие условного волейбола с той лишь незначительно меняющей весь процесс извращением обёрнутой игры разницей, что в команде каждой по одному могущему иметь три касания человеку: за непростой отдых мы обсудили эту идею, показавшуюся нам отчего-то гениальной, и теперь с немалой неуверенностью в своих способностях мы наступаем на площадку сгорчённой испарением сегментов плотного поля, обожжённой вервью обаятелей действительного обувью: после недолгосрочного промедления из осознания собственной немощи перед противником, собирающимся напасть во весь периметр охватывающего примерно три моих максимальных диапазона поля, я совершаю подачу с прыжка: физически удивлённый, неготовый ещё к новым условиям сын не смог принять, почему и слегка удивлённо перекинул мне мяч сверху слишком слабо: он, нахально вернувшись к нему, отскочил от пружинящей непричастным норотом гигантского светца сетки: сын еще несколько секунд неготово смотрел на подкатившийся сферический предмет: надеюсь, я его не обидел: вторую подачу я тоже совершил с прыжка, но её мой оппонент уже

сумел ослабить достаточно грамотным нижним приёмом, сделал страшно усложнённую необходимостью делать это всё в одиночку передачу к сетке и атаковал: я смог принять, хотя сперва порывисто дёрнулся побежать для блока, прошёл через то же приходящее только при появлении проблемы осознание, что и мой сын, в полной мере вновь внушив себе, как игра в одиночку сильно изматывает: уже после слабо получившейся атаки я едва не упал оземь, уронив множество ещё скопившихся звенящим аллодиальным третьеводнем во время отдыха капель пота на свои шипящие в представлении дымом сокрушительного таланта горячие кроссовки: казалось даже, что они интенсивно испаряли мой обжигающий йодовой искрой крошечные ранки на ногах пот, хотя это, кажется, просто была поднявшаяся из неумелых действий пыль: взгляд не успел ещё вернуться к происходящему на поле, как позади себя я услышал отбивающий свои положенные падения мяч, спереди увидев встающего вновь изрытой облизывающим правый кончик свой языком улыбкой сына, видимо, проделавшего какую-то монструозную в моём сейчасном мышлении махинацию с мячом ценой предсмертной, меняющей жизнь на чудо слеглой оставшегося личнобытия травмы, впрочем, первым, чем я обременил своё внимания, стало его здоровье, однако только мимолётным осмотром он позволил мне проанализировать свою относительную целостность, со вставшими вместе с остальным телом ямочками повелев бежать за мячом: крови я на нём не увидел, да и двигался он привычным образом: откровенно говоря, даже блестяще: с тех пор приподнятые уголки губ более не сбегали с его причудливо двигающегося во время быстрых, улучшенных гулкой близостью смерти движений лица: очевидно, он побеждал, и абсолютно все заработанные с той поры очки принадлежали именно словно облизнувшего то несчётное местоименного толка пред обособляющим иные крупности поздние субъектом сыну, причём продолжалась эта односторонняя битва весьма долго для своего непривычно нещадящего формата: не менее получаса, что и выдавалось уже еле сдерживающими шаткий телесный зелёно-коричневый корсет расплывчато поражённых ревматизмом жадобных страданий виссона шагами нашими, больше не могущими поддерживать темпы подобной игры: во время очередного нападения сын, не удержав оставленное слабостью на шипящем жальнике опадающих земляных становлений равновесие, громко вскрикнув скорее забавным тоном, неожиданно упал, отчего пришлось изрядно восторжествовать собственными, сконцентрировавшимися себялюбно на одной только физической тяжбе лебовиновых окислений умами: сын едва ли демонстрировал свои слабости при необходимости, однако здесь же можно было увериться, что падение было совсем несерьёзным и по внешнему облику вылитой отвердевшими пластинками вполне безобидной, не коснувшейся мрачной, сельной пустотностью, глотающей упущенное невероятие нодей своею, его надёжно укреплённых положением остального, весьма приглядно сгруппировавшегося тела суставов новой ссадины

неудачи: я со случайно испуганными, утомлёнными возбуждением буркалами и продолжающей быстро стекать с меня уже с приятно обивающий радостью зрячего взаимодействия час тянущей испариной тут же подбежал к упавшему: кровь с колена бежала нешироким, разливистым в становлении своего неофитового тиуна ручьём, что усугублялось падающими на рану каплями солёных выделений: сын только прищурил один неуправляемо побелевший нуждой своих деяний глаз, с едва заметной дрожью улыбнулся и сказал лёгкой, проникающий в ушные ставни мои фатвой неизменяемого хрипотцой, что ещё может играть: после первой моей подачи он ощутил, как позже сказал, великую немощность, волевым решением оказавшись на пути жестокого уничтожения попавших на эту опасную сребролюбую, на себе держащую подобных колоссов невероятных сил тропу спортивных оппонентов, и именно во время той атаки, не удосужившейся даже обозначить своё существо перед моими отрешённо ослабленными глазами благодаря поразительной скорости, он упал на после вновь коснувшееся своими дьявольскими цепями неуплаченного за резкое улучшение невеликих телес долга покрытия колена и содрал небольшой комочек свернувшейся полупрозрачной тонкой плёнкой коштных тяготений кожи, что в первое время почти невозможно заметить на расстоянии, и после я в характеризующем меня самыми отвратительными оттенками жестоком азарте вовсе позабыл о его потенциальной травмированности, да и скорость движений не только не позволяла рассмотреть такие условно незначительные детали, но и словно отстаивала самим естеством своим безоухульный факт отсутствия ран: во время ставшей его последней на сегодняшний день атаки он повторно поранился уже вне способности скрыть за мужеством и притворством физическое смущение, видимо, перекрываемое прежде удовольствием от игры, которое не обошлось без моего дуально раскрывающегося в нехитром суровой поработки радости и честном порыве сделать время проведённое для обоих наиболее приятным вмешательства: несмотря на разгром, мне всё тоже понравилось, и полук нашего развлечения устроился за спокойно сидящими и разговаривающими поодаль подростками вкусом заплывающего по пористой горячей коже в теперь иначе выставленного этому необычному неудобству рот пота видом липких, капельками осевших слегка воспожинками прошедшей данности влас на ногах и запахом где-то даже еле расплавленной порфирородным пеплом кудлатых отвратий от командой работы, режущей огнём своих температуры и активного дополнительного бега, некачественной, только подражающей надлежащей тому обуви: вероятно, нужно покупать более дорогую: за тишиной стрекочущих отставленными партикулярно выбивающимися мелкими насекомыми и щёлкающих о липкие, схватывающие мои рукояти стерегущих титанов поля пятнами прохожих дня мы спокойно дошли до дома, предварительно промыв водой небольшую ранку: она стала хорошей, оправдывающей непродолжительность прогулки

причиной вернуться домой, хотя и сына было в некоторой степени жаль, чего он никак не вынуждал своими словами и видом: думается, он был горд победой: в подъезде было по-прежнему прохладно, по-прежнему безлюдно: обонянием я словно заметил слабый запах разложения, но тут же отринул его виноватым опалом: мы поднялись домой со свойственным ароматом уличной особенности и чрезвычайно явственным желанием смыть с себя никелем осевшую на чуть потемневших лицах и очевидно немытых руках грязь и плескающийся вместе с кожным салом искристый испотец: ради окончательного, влияющего скорее успокоительным влиянием определения первенства мы даже сыграли перед уходом ещё раз, но сын вновь победил, да я без того бы уступил ему: лучше было побыстрее обработать рану: в вероятность значительного нагноения я слабо верю, но так будет спокойнее: дома мне удалось щадливо разуться, выпить несколько странно, почти неприятно лёгших в тело шиханом непривычного стаканов тёплой воды, о чём позабыл сын за страстью ощутить себя в чистоте, протереть едва достойную того обувь и начать делать куда более долгожданно обозначающий свою будущность салат: в такую погоду не хочется есть жирного или излишне вредного, что мы за невосприятием и невыходом из уютной квартиры готовы порой и свершить, даже во время явно рекреационной деятельности: он приготовил его, оставил на столе и пошёл изрядно напиваться уже холодной водой из-под крана, когда я удалился в ванную: в душе словно сходила моя очерстневшая ящериновым отяжелением возрастающей колючей зыры сиеновая шкура чуть не натянутым на новой коже высохшим маслом виперовых сальных плоскостей, при умывании скользяще оттягивающего руки мои лица же пришлось особенно много усилий приложить, дабы не было ощущения жирных клюшв при касании излишне впитавших в себя отделённой поверхностью всю неприглядность неизысканных чудес внешних странств висков и лба, и с пять минут я аристократичной нелепостью стоял под тёплой водой без определённой нужды, поджидая всеми очищенными от одной статьи некомфортного существования частями тела предстоящий вне утеплённого, призывно обнимающего тебя долгожданно появившимся несубстратной личностью клоком душа мраз, впрочем, это оказалось не столь страшным наказанием: я довольно быстро адаптировался и принялся в прохладном обдувании касающихся щекочущими моргаликами моих вострепнувшихся кож случайностей с приоткрытого шумом уличных излиятий окна обедать с сыном лёгким салатом: уже в эти одурающе беззаботные мгновения веки мои, выдающие нечестно усыпанное предпочитающим отстать от окружного откровением желание подремать, постепенно смыкались, почему и направил меня сын во время вежливого ожидания завершения обеда для всех на непривычно расстеленный подобной прохладой ветряных склок диван: я едва ощутил управляющийся только приведённой в движение рукой моей переход из кухни на это ложе, как оголённые и деликатно сжатые ноги коснулись окончательно

освобождённым от иных волнений, стекающим по органам моим невзыскующим оршадом мягкого одеяла: я, в полной мере уже изображая происходящее, со снова объятшей гулимонное удовольствие в этой ненадлежащей поверхности улыбкой заснул: достаточно светло: глаза мои или то, посредством чего я наблюдаю, видимо, сон, пока предоставляют мне только размытые, приставленные ко мне логом тумана образы еле обозначаемых моим мозгом конкретных предметов огнищаненных обыкновенностей: лососевый цвет перемежается в ярких, перебегающих на становость ромбовидных крошечных бессмертных обозрений блесках мандаринового, а потом и терракотовый застилает мой одурманенный ещё часто выбивающимися на уровни эти вычурные вабилами взор, отчего изображение постепенно начинает ненормальными категориями иссыхающих свобод проясняться: я, кажется, не владею вполне уместным даром осязания в нынешних реалиях, зато резкий и с тем поразительно близкий моему дому запах дрягильной близости рябит в лёгком мыльном аромате: я вижу улицу: это обыкновенный вид из окна, словно и засыпать не было необходимым для того условием: рассматривая эти отдалённые, несправедливо заурядные мне детали, в расплывающейся несколько разламывающими ветоши неоценённого душе заиграла детская, непредвиденно яркая спесь: захотелось обнаружить на пути своём обезвреженные реалиями сна приключения, но прочее сильное чувство оборвалось почти в то же мгновение: неожиданно меня кто-то будто оттянул от окна, и пришлось внять вполне омерзительной своей внешности: омерзительную не из моей неприязни обыденного облика, а из искажённого себя: я наблюдал за, кажется, всё тем же пристально смотрящим в окно, как сейчас вспомнилось, вчерашним собой, однако голова выдавало иное, хотя и не исцеляющее таковым напоминание о собственности существо: множеством расставленных градирами обстриженными закрайками сгибелей абрикосового цвета шептала что-то заменившая шею и голову гадкая, полинявшая язвами своих извилистых мыстистых наростов скользкая плоть: выучные волосы росли нестабильно и чрезвычайно быстро, словно всего лишь за минуту моего притуплённого непониманием почти жадобных прекрас метаморфозы наблюдения, которое я при всём желании не смог бы прервать из подконтрольно сильной постепенностью незапланированных влияний частого дрожи пред этой хлюпающей, вероятно, скрытыми крупными ртами между подслащённых складок своих шевелящейся неестественно вёрткой массы, неограниченно жёсткие волосы вращали концами обратно в бескровно принимающую подобные наказания условленного естества телесность или из-за своей кудрявости слаженно попадали меж структурирующими их гладкими линиями складками, где нередкие щёлкающие рты отрывали с корнями толстые чёрные, воспалённые натурой своею ткани и с чавканьем заковывали их мощным, устрашающе проглатывающим вразей своих жеванием: по всей этой плоти красовались влажные от гноя алые жирные воспаления и застывающие обрамляющей их

облепиховыми мягкими корочками регенерацией ранки, думается, образовавшиеся благодаря растянувшимся слишком сильно порам, оголявшим всё внутреннее устройство этих плотностей, почему в нескольких местах даже выпадало со звучными шлепками содержимое схожестью своеобразно устланных мелкими форменными кратками, облитых ещё пульсирующими сосудами органов, и каждая выпавшая жирность напоминала прооперированного строгим клинком определения полезного окровавленного своей невероятной, за тем всё же проигнорированной из неудобия волей близнеца-паразита, пока подающего немногословные признаки отплывающей неэнергичным кашлем жизни: другими сторонами она словно быстрыми, пугающими кремнистыми импульсами вырывалась из самой себя: вероятно, там находились зычно пролетающие в орканы внетелесного сердца этого поразительно гигантского своим существом существа или органа, предположение о чём вполне подкрепляется первым впечатлением об этом стукте мертвенно инородной плотностной телесной плоти: множеством повторяющихся элементов весьма примитивно выглядящая монструозная, оставленная хладом перерождающего трескуна голова напоминает непрерывно работающий вычурно становящимися могучими ползками конвейер с каждой необходимой, представленной ужасающим обликом хрущеватого лада шестернёй, которой выступают здесь то выпадающие из пор рудиментарные кровавые детали, то замкнутый цикл роста грубых волос, то повторяющиеся звуки выходящих из рта свистящих газов, то эти самые импульсы нечеловеческих, нуждающихся в обработке постоянного смолокурного сустава метастаз: смею предположить, что нужны они для подстраховки, ибо одно из множества сердец сейчас, видимо, находится на естественной пограничии своей последовательно замыкающейся отсутствием второго росстани грани: удары становятся особенно сильны, и набухает оно с выдающимися гигантизмом самым непривычным земному объёмами, натягивая хрупко трескающуюся кожу и уже образовав несколько незначительных нарывов, и стоило мне приблизить к нему свой отдалённо привлечённый человеческому треволненьем запылённой амвеницы призрак, как титанических обликов жирное сердце звучно взорвалось, окропив меня всего своим ядовитым неприглядностью содержимым, хотя ничего на поверхности словно проигнорировавших эту непривычную опасность быть загвазданным, медленно стекающим приветственно облегающими прохудившимися волосками слизнями салом глаз я не ощутил: кажется, я здесь не имею права голоса или плоти, здесь меня заменил этот необычайно слабый в оболочке своей внутренней власти орган, отчего и все претензии к ощущениям физическим бесполезны: кровь маслянисто облила половину кухни густыми и иногда плотными остатками, и в ту же секунду бывшее тело моё исхудало до втянувших оставшееся бестелесье костей, из недостатка кожи даже оголив зубы почти значительной, отвратительно изображающей влияние этого неподобающего сегодняшнего греха бездействия улыбкой, остальные же

пухлые сердца narosли ещё сильнее и стали перекачивать кровь или её альтернативу за погибшего собрата более жестковатым скрипом: из лопнувшего раскрывшейся плотной воней отверстия, с минуту ещё плескающегося длинными струями тёмно-красной липкой жидкости, подкидывая каждым разом обвисшую, отстранённо создающую в огрузлом поатронаже этом особенно мерзкие ноты плоть, некогда натянутую на крупный пульсирующий сердечный бугор, и сейчас кожу ту постепенно съедали подкожные роты, и на месте раны начали вседать тонкие, сочившиеся недрами протягивающихся толстых кабелей волосинки, регенерирующие с тем очевидные потери: за видом этим следил я не менее пяти минут безостановочно, и к шестой уже ничего не выдавало утрату: ещё после второй волосы стали ещё шире, напоминали тёмные удлинённые иголки разросшейся первичным колоссом негреха ели, а к четвёртой из еле видного углубления стояли последние нити, уже с чавканьем поглощённые привычными манипуляциями: на этом месте начало формироваться новое розоватое сердечко, пока совсем небольшое, но уже внимательно старающееся заменить своего предшественника: набухать же вновь начало почти противоположно стоящее прошлому, однако ему до взрыва, кажется, ещё достаточно далеко: пока я наблюдал за обёрнутым нелюдством воскресного перука невозможного восстановлением, пришлось неожиданно встретиться с тем, что энергию это существо берёт едва ли не из воздуха, и отчего-то лёгкие пары скапливающегося рядом с ним кислорода именно тогда впервые себя явили: петляющей ловкой свивальной комахой утом огранённой плотью кажущейся возможности расплывчато возвышающимся над человеческим кружалом неспособности оглянувшись назад, я не увидел ни капли джеральдиновой бледной, растворившейся в телесах окружного крови: только иноприродный сладковатый розоватый пар передвигался по небольшой вытянутой комнате, собирая еле заметную грязь беспомощными ворогами буревальных странствий с местами облепленного маслянистыми трудновыводимыми пятнышками гарнитура, протяжно шумящего смешавшимся в сознаниях наших за длительным наблюдением одного гулом холодильника и проклявшей мои честные старания микроволновой печи: этот пар впитался крупными сочными порами пульсирующего своими тёмными купырями существа, и теперь мне показалось даже отвлекающим быстрым бражником норотовых отвлечений, что оно по-своему прекрасно, и завидовать я даже начал его стопослагаемой, желанной для меня слаженности: не было в нём места для обходимой только в мгновении прекрасного, чего он был по рождению своему лишён утретним возрождением зычного нечеловеческого, рефлексии, за что он заплатил уродством и бессмертием: кажется, в том и ухитрился спрятаться неестественно родивший реальность феникс: в извечном, обманчиво непривлекательном сложном молчании, как и спрятались в оном льстецы шиэые ледащих природ, бессмертные животные; во всём этом пышущем потом сгустке жирных прослоек нельзя было разглядеть отдалённо уточнённого направления, куда

бы оно или хоть часть его устремила себя, за абсолютной целостностью, казалось, оно столь совершенно, что не использует такие примитивные неархидеямножения: оно видит всё и всё слышит, однако похожее на моё тело его или только кровяной сосуд для сердец вполне однозначно обозначает внимание к просвечивающейся за проходящим сквозь алую пелену тёмным светом брашных неявленностей будущих пожираний улице: это повторение вчерашнего дня, и, следовательно, сейчас я должен был испуганным взором пронаблюдать место драки с воспроизведёнными заново событиями или с уже или ещё оставшейся тихой пустотой, но обратившийся к тому месту взгляд остановился на, может, самом неприглядном эпизоде вчерашнего и его варианте: испуганный своими разрывающими глазами изнутренного красикового неживотного нечеловеческого небесконечного становления действиями парень начинает всё сильнее ударять по онемевшим от страшной, постепенно колеблющей воротки его облитых густотой кровяных яств губ боли конечностям уже находящегося без обозначенного сознания, сидящего с опорой на плотную материю ту галиотисовую на мягкой, кроватью принимающей его пышные излияния траве ровесника: обезображенная виноватым непониманием девушка продолжает истошно кричать, а искривлённые иногда руки облокотившегося на металлическую окровавленную обивку, очевидно, уже сломаны в пяти или шести местах, причём некоторые из этих переломов получились открытыми, и в натянувшемся ужасе агрессор или уже жертва некоторой облачённой в лики похищенных пятами неподготовленных жертв нуд и уничтоженных массивных сералей тревоженных стенаний стихии, что однозначно сказать более нельзя, принялся вытапывать щебетливо играющие сокрытыми за нежеланием разума внимать такому ужасу звуками колени и лопающие свои пузырьки некогда отвердевшей людским крошечным фижмевым даром плоти стопы с хрустом, доходящим даже до моего изобилующего граничностью окна: никто не поспевал на помощь: тут я, словно абсолютно забыв природу проглядываемого, стал жалким образом верещать возле вынужденного терпеть меня тут самануховой трухой предметного безволия окна, дабы привлечь сгущённо отринувшее мои изначальные детские плескания внимание к происходящему, так и не решившись подойти ближе к существу или коснуться его, однако ничего не происходило, и стоило только вспомнить о своей немощи в этом наполненном трухлявой слабостью борошных разведений колковом теле, как силы тут же окончательно покинули меня опавшей монадой настоящего: существо не реагировало ни на какие мои действия, значит, оно не является остуленным послушным посредником между мною и предшествующим: я, утрачивающий из нутра живота моего небаго безлунного последние неинертные чувства вяжущих страданий, навзрыд изливался, ещё множество раз обратившись и к мимолётом только узнающим мои ранние, оставленные ими в иных параллелях порывы живым явностям,

и к неодушевлённым, переродившимся невозможностью Ада предметам: я не мог ничего коснуться, не мог быть услышанным и как-либо повлиять на ход событий, при этом словно будучи проклятым на гротескную для меня, обозначившую правдоподобием истинность несущества адского тождества в иных, отличных от нашей тянущейся привычным временем парадигмах эмоциональность: каждое идущее вразрез с моим представлением об оном дело провоцировало вскленные аргамакные побег и истерзанного ангельского мгновенную смену настроения, и трижды я даже начал с поражённым язвой боли горьким хохотом, неудобным подбиранием икр к афедрону натёртыми бездействием руками в прыжке радоваться получившемуся влиянию на существо, но то существо было совпавшей аредом наговорных невозможностей простой случайностью, и ещё с пять минут я не высовывался в покрывшееся моим умом глубокими миазмами пожерневшее лакричным торфом окно, дабы не смотреть на возможное развитие действия, словно всем естеством отрицая факт возможности хорошего исхода: я вновь зарыдал, стал ударяться о раскаляющийся в сопатом туповатом безверии в человека моём пол в попытке лишиться себя в реалиях сна и прекратить эти страдания, но все потуги были бесполезны: я не мог выйти из сдерживающей меня какой-то невидимой пеленой водолейной жестокости комнаты с открытой дверью, не мог сознательно избавиться ото сна и был беспомощен перед прыжком в окно, ибо проход к нему загородило пугающее меня своим исключаящим данности необычайного величием существо: существо: во время расстраивающих шёпотом трескучей батоги мои и эти плоти ударов об пол я чувствовал только укалывающее оттягивание, ибо не мог в полной мере коснуться пола или чего-либо внутри комнаты: оно просто заполатно проходило сквозь меня, если я пытался едва выделяемым касанием надавить на линную стойкую материю и звучно удариться об неё, можно даже сказать, что я левитировал над твёрдостью грузно лоснящихся низвергающей грубостью копотных полов, и беспомощность перед совершаемым преступлением полностью помутила моё скомканное кручью впитывающих трупные вонь вод сознание: более я самостоятельно не мог ни двигаться, ни кричать, ни плакать: на одних лишь истёртых язвой телесного коленях я стоял, иногда случайно привскакивая из-за осязаемых только мелкостным станом нежелательного провалов сквозь первые несколько сантиметров ущемлённого обоими сторонами пола и содрогаясь разгорячённым, поражённым болезнью сотского поглощения лидероватого грабежа фаэтоновых нежных плёнок шиверовых неподконтролий лицом: мне нужно помочь, но я не могу: кажется, вдругорь пришлось ощутить жалость о несодеянном длиною в обыкновенном представлении пролетающую едва увиденной сталью спасающих от того хлопот, истязаяще обжигающую томящееся словно веками тело твоё злоречным сожалением и действительной остротой жизнь, кажется, эта длина уже повторялась или длится, впрочем, трусливость поможет мне завтра утром не ощущать той мучительной,

пыткой становящейся душным, лишённым неострой кислоты казематом необычности, по пробуждении сковывающей испещрённое порезами сухого горло и разбитое желудочками на отдалённо имеющие ветхий контакт плети сердце: эта трусость мне помогла, эта трусость – воплощение моего существа, безобразная нерешительность возникла инстинктом, но в тепличных условиях и при достаточной осмысленности целостного, одним своим монотонным одиночеством развивающего в человеке казистым гривуазом злостной неинтенциональности фуксового ужасное или прекрасное, он становится великим, мертвенно лежащим на обожжённых лезвиями своих реалий ареолы мои бременем: кажется, высунься я из окна, человек будет спасён, весь мир будет восхищён могучим подвигом, в существе являющим только одно простое, даже позволяющее боягузу жадному выделиться в подходящем моменте физическим действием, но я не могу: я не могу пересилить, да и, откровенно говоря, не хочу: оно не принесёт мне искреннего, представляющего мои истинные воли удовольствия: для меня не столь важно то, что я стану убийцей, сколько себялюбивая ответственность оставаться трусом: это единственная форманта моего худого разума, и перед ней я полностью беспомощен: я трус, кажется, я трус; иссыхающий пеплом остывших тонкими имярековыми пустотами слёз глаз мой заметил нечто гигантское сквозь небольшой промежуток между головой продолжающего чудовищно пульсировать своим бесконечием существа и оконной рамой, отчего тело моё непроизвольно подалось взглянуть на это гигантское существо: теперь кажется, что трепет перед находящимся близ меня – это только младенческие колебания пред жизнью, когда теперь предстала она во всей своей исполинской кошмарной всечасности незойствовавших границ: неизмеримо далеко для находящегося здесь за расцветшим необъятным полем больших построений горизонтом виднелись колоссальных размерных пределов фигуры разных высот, хотя ни одна не была ниже осевших дымкой горюнных погацинтовавших облаков: титанические гуманоидные образы были отдалённого щемящего цвета ротанга, а совершенно ровная плоть их покрыта неравнозначными полосами торфяного цвета, и только одно казалось в них обычным для таких существ: отсутствие головы, ибо каждое из тел справедливо отдалённо напоминать могущего существовать человека, да и изуродованным таким ангельским впечатлением адского преобразования фрачным, только несколько секунд ранее воплотившимся и после отягощения значительного ещё юным испугом воображением раскрасить их не стоило бы великого труда, да только отрешённо подступающая шумными высокими папучами к твоим умчальным фолиантам пролившихся шкапов изрядного содержания безглавость и видные уже при более детальном рассмотрении нечеловеческие отсутствия наподобие безногтевых, выпрямленных вычурно строго в этом ветренном шорохе яловых рёберных улетающих загосок сложенных нормалей пальцев, обозначенного небезлунным по рождению инакового,

обездоленного грозным смрадом наказанных выстрогов греха совершенства живота без пупка и ровного, будто отсылающего тебе к обманувшемуся ангельскому за обычным притворством нелюдского междуножья обращали к рациональному, невозможному развитию привычного человеку или даже схожих ему к такому: выенная силой шея, вероятно, была ровно застелена наслоившейся твёрдыми слоями непробиваемых амортизирующих идеальных волокон плотью и не выражала никаких оголяющих уже нежелательную для демонстрации страсть сосудов, хотя у некоторых и можно было увидеть некие торчащие плотными вчинениями трубки, но всё это стало в сознании моём страшно незначительным за их числом: края этой колонны были отдалённо видны, в ряду первом не менее десяти этих существ, и за подобным, казалось бы, несерьёзным количеством кроется страшная мощь таких прекрасно гигантских исполинов, видимо, одним своим шагом издающих столь великий звон трескающихся растеканий, что устрашающий гул стал доходить пока лёгкими, но уже разрывающими размягчившиеся встречей с чудовищным совершенством органы волнами до меня: думается, весь город одна такая явленность может сжечь одним шлейфом необременительного движения: взгляд мой вновь в дёргающемся рыдании опустился случайно до происходящего с двумя парнями и девушкой, и исступлённо порывающиеся крепкими байданами в изнывающем болью жаре этом слёзы мои высохли за кипящей в восстанавливающихся уже подобно расположившемуся белках кровью: более агрессор не пытался ударить своего противника: теперь он жевал своей хлипкой, изношенностью преображённой в рачитно изрытые облегающими все широты её подгнившими ямами обувью плоть растекающегося по дрожащим в скрипе этом безглавном стенам, произрастающей кверху кубовидными твержами рассыпчатой земле и самом источнике содеянного прыжками двух непричастно обритых власами ног: некрупный череп, кажется, уже шепетливо расколот на несколько неравномерных крупных острых, распавшихся элементами разорванного, принадлежащего гирей пред насыщением своим в качестве частого оружия ближнего боя ядра частей, вытекший сладко изливающимся ясашным гулким предупреждением человека вареньем с тянущимися плотными кусочками ежевичных гибких ниточек мозг частично находится на осевших теми же останками пятах, застряв подле порванных неприспособленным желном носков болтающейся влажной, ещё тёплой тушкой, остальными кусками расположившись возле окружённого жировой неспортивной прослойкой паха вместе с одним из отделившихся осколков разmozжённого вонючим тряпьем черепа: отдалённо напоминающая прежний вид голова трупа теперь похожа скорее на кашеобразное, изображённое скатывающимися книзу с черепной коробки толстыми липкими червями звени мюридового ниспадения к истинно земному месиво с редко выпирающими, застревающими под мелкими выбоинками кусочками чего-то плотного: сияющая блеском пропитавшей все ткани ближайшие крови одежда, что не

так уж и удивительно, не разорвана, а служит убежищем взболтанного кобью изуродованного торса: многие торчащие копьевидными гурасными трубками возликовавшей ясности рёбра выпирают из непротестно предоставленной тому футболки, тем не менее, на общую целостность элемента гардероба не повлияв: по всей видимости, издевающийся парень уже не один раз пробил свои стекающие шафрановым мучением ноги костями, так как из каждой шатающейся уже неподконтрольно мотающимися загамными остатками ноги вылетали разного постоянного диаметра густые кровавые струи, щедро расплёскивающие содержимое своего хозяина во все стороны, не забывая и о облитой бурдовым гноем девушке, ни разу не остановившейся в своём оглашённом сбегаящимися в сальные шумные кучки караморами истончившемся крике, до этого поддерживающем мой жалобно снующий в глубину сокрытых оркан плачь: тело почти полностью уже превратилось в подвижно растекающуюся массу с многочисленными незлегантными вкраплениями эластичных белёсых деталей, живой же парень обратился почти полностью в благородный дворцовый цвет из потери страшных объёмов крови, чарующего паутом следующего горя страха и, быть может, ещё чего-то, однако он не останавливался, начав по завершении работы рвать, засовывая её в крошечный для такой задачи кровотокающий рот, прочную одежду: с почти кутафным аккуратием раздев бывшего оппонента полностью, он несколько раз, предварительно ораловым ратником залезши на стоящую позади невысокую будку облачных оттенков, что каждый раз длилось не менее минуты из уже ощутимой, подбираемой звонким треском насыщенных щёлкающей, шлёпающейся сузёмами надрывных грешных влас жидкостью хрящей его слабости индивида, с концентрацией сил своих на исключительной слабости плоти под собой яро прыгнул на него всем отягощённым небезгрешием человеческого, развевающего объёмы раскатистых, скомканных в плотные, жиром скоростей этих невероятных и импульсов оплаканные белки антично-белого цвета воздушных гигантскими, режущими плотности вокруг кричащими болью петелами талового распада полосами телом, возможно, пытаюсь соединиться с его телесами в каждой описанной внешним колебанием уже спокойно плывущей трижальным, лишённым потенции ощутить человеческое страдание из изгнания ангельского в пригодном для одних стенаний существе, в зыбко расплывающейся по реальности воцаге стенаний демоном карминовой жидкости части, что получалось с переменным предопределённым, отрешённо оставленным от воли обозначить нрав свой христианский успехом: после третьего мощного прыжка количество вошедших в его плоть, отломившихся длинными иглами богоприсной крепости крыжных приятств вхождения порозовевших костей оппонента стало таковым, что уже никаких простых врачебных воздействий не хватило бы для поддержания его повисшей в земляном истинной стоусостью молчаливого подвига жизни, впрочем, он не слаженно вытаскивал только подражательно походившие на привычные ноги отвлекающие

кости, а будто одно коллекционировал их своей примиряющей естество общее имовитую жиром: после того, как он с третьей попытки неспешно встал, перед этим насадив чуть не в атлант ещё одну заострившуюся жирным копием лёгкую пористость, нога его начала случайно топтать расклеившиеся по плоти отсыревшей горем земли остатки завёрнутой в редкие узоры кожи и иногда сохранившихся выпавших сияющих органов, хотя получалось это уже с убогой результативностью: неоправданно подорванных обыкновенным телесным неспособием утлых текучих конечностей сил уже не хватало и на то, чтобы воспроизвести хоть пятую часть бывшего возбуждённого импульса: теперь он только нелепо разбрасывал вывалившийся длинной тяжёлой лентой, шипящий склизким гомоном увлажнённых шереширов кишечник и пытался отсоединить словно прилипший нежелательной привязью констриктор, поскользываясь на широких лужах изрытой изысканными, пролегающими спокойным шёпотом сквозь напалую материю червями неровностей крови и путаясь в остатках висящей под небесами небрежными плотными кашицами убегавшей воли человечности: слабо обвязав себя случайно непрочными покрывами с оборвавших собственные ограничения телесные многочисленными безресничными зеницами ниспадающих прелестей рук и ног и частью проползшего кверху ухитрившейся змеёю фрезового кишечника, он подался в сторону к застывшей в своём вопле девушке: вероятно, мысли его в этот момент, коли я предполагаю их обособленную от действия наличность или хотя бы немотивировку ощущаемого образа, окружали только две идеи: использовать девушку в качестве ловко пригодившегося, ещё способного целостью предметностей своих разбивать нежной гузновой тяжестью хрустящие деревянными длинными секущимися реечками кости и рвать натянутые на ненадлежащие тому из препятственности полного разделения тела места связки орудия потрошения и уничтожить источник этого отвратного, разъедающего всю внешнюю гармонию действия крика, к тому же и призывно привлекающего нежелательно опадающее недалёкое пошловатое внимание, хотя он, дважды излишне резво обернувшись и наклонив повисшую на оставшимся телом слабостью первородного голову, не обнаружил ни одну помеху своим могущественным планам, могущую быть призванной звенящими в ушах блатом тянущего ненасилия надлежащего массивными, заставляющими подёргиваться каждые несколько неприглядных оттого секунд шепелявыми воплями: он вытащил из ободранной ранами до тех же оголившихся ипритовым убиением свистящих дыр в мышцах ноги своей исключительной длины кость, кажется, открыв теперь сразу бедренную и большую подкожную вены пышным кровомётом возвышающихся пружинящих мятелей: у меня были сомнения и насчёт того, сможет ли он дойти до неё, но под становящийся всё более громким, сбивающим теперь издаваемые девушкой снулые звуки утихающих страхов гул от топота безголовых, непосильно тяжёлыми тёмными звенящими цепями трехового оглушения ограниченных в

излияниях своих воздушных гигантов его рука пять раз вонзила острую кость в тоненькую, гладко простеленную испуганным бессилием шею оторопевшей грозной отвратительной кровавой отрыжкой девушки: её я точно ещё мог спасти, но не спас: она умерла: нападатель тоже свалился в окончательном изнеможении, а влажные остатки поразительно быстро существующего ускорившимся окружением фебовых кругов трупа стали прибежищем для сочных пухлых подвижных личинок, наконец прилетевших незастенчивым роем отдельного существа, мух: разрезающий пространства глухой звон нарастал, надутые уже во всю длину жирного языка покрасневшие глаза с хлётским туповатым, обрамлённым рассечением пространства звуком лопнули, а снующее в комнате самостоятельным пульсом чрево истошно ревело харатанной хрупкостью скорых порывов несвершившихся слияний гигантов с поработившим уродливого, унаследовавшего их бурдовую плоть своим греховным уменьшением человека истлевшей крошечным камешком немощной, даже не подражающей уже этим могущественным, тогда ещё искупляющим грех ужасный мелкостью растерзавших современные земляности солнечных созданий миткалевой плоти властям стали харалуги земляным: я проснулся: сын спросил, что же мне такое снилось, раз заставило плакать фуксом облитой обыденностью такого взрослого мужчину: я неумело, ещё перебирая впечатления свои неприглядные не из пошлости, но по факту только нежелания приобщить собственное к человеческому в должном сострадании размышлении, предпочёл перевести тему, хотя сын это, очевидно, ощутил: больше он спрашивать про то не стал; как проснулся, мне пришлось ещё раз сходить в сползающий каплями отягощённой почерневшей крупницей сходящей жидкости душ: мало того, что сон оказался в обыкновенном чувственном эквиваленте весьма напряжённым и, очевидно, заставил взмокнуть не только неожиданно развернувшимися, пресыщенными кисетами слёзными каналами, так и температура сейчас, в три часа дня, ещё выше, чем при нашей непростой оттого игре, да и сын сказал, что за моё условное отсутствие он прошёл чрез эту процедуру уже дважды меж сеансами осложнённой таким непривычным влиянием позволяющей зато пройти сквозь цикл желательно-нежелательной искусственной поощримости лишний раз стихии работы: день продолжился, казалось, весьма обыкновенно: я быстро помылся, взбодрив свой заспанный, заставленный с тем отдельно напрягающей меня далёким зудом звенящей гноем мысли думой разум, должным образом доел приготовленный сыном совершенный салат, перед этим спросив, не хочет ли его творец данного происшествия, получив объяснённую улетучившейся большей частью ононого по воле преувеличенной в словах пестующей доброжелательностью несдержанности легитимность онного и утолив свой привычно появившийся во время сна буйный, опрощающий сознание и греховность твою самостоятельную голод: после удовлетворения вынуждающих к своему свершению потребностей я сел за погружённое некоторой небольшой частью в ещё неприятную светлоту

своего существа чтение: за обращённым к одному только крупного художественному произведению неконечным вниманием наступил обволакивающий ненавязчивой темнотой улицы и внутренности объявленных опустошённым тулом жилищ наших вечер, и сын сбил моё неторопливое, прервавшееся только спустя дочитанную страницу и вложенную закладку слушание, чем я и не был особо недоволен: пора ужинать: казалось, сон и вовсе позабылся за спокойным, обаятельно привлекающими ненеобычием благополучно выжившего убраса бытом и теплом, справедливости ради, даже изъясляющимися чуть сонливый дурман зычным жаром домашнего уюта: не хотелось более выходить или что-то делать, но для ужина сперва необходимо нечто приготовить: недолго побродив по обожжённой преломлёнными лучами кухне и остановившись забавно задумчивым взглядом на сыне, что терпеливо наблюдал за моими несложносоставными размышлениями, подобными думам великих учёных в страшные, разъедающие парадигму трудов своих кризисы или самые успешные, плавающие уверенность ещё паще мгновения, я определился: мы решили приготовить вегетарианский борщ: весьма неординарное решение для настоящих, смущённых желанием распределиться наисамым быстрым образом к пище условий, однако идея показалась нам, как, собственно, многое из относительно вычурных несвоевременных нововведений, абсолютно лишённой сглаживающих нас с налкотным неудобством изъянов: сын резво, почти без излишних усложняющих наши процессы размышлений сходил в магазин за небольшой, да за тем ещё оставляющей значительную свою часть после финальных штрихов белокочанной капустой, а я к тому моменту уже нарезал умеренными обликами овощи и добавил в разогревающуюся воду масло: первыми пошли оставляющие свои разноосновные соки переливающихся под тяжестью опадающих лучей заката сакмаков капуста и морковь, после этого мы закинули уже и потребовавшую обратить на чистку свою наиболее значительное время картошку и все побочные ингредиенты, включая острый перец и свекольную икру, которая была необходима для придания борщу необходимого цвета и соответствующего вкуса: эта инновация тоже была продуктом нашего общего, сдвигающего в целом понятие данного блюда несколько глумливым невежеством честной воли сэкономить время гения; думаю, не стоит лишний раз озвучивать иным, что мы в этом идиллически образованном опытными руками уверенных во всех пропорциях поваров мгновении допустили значительную ошибку при выборе блюда и количества добавленного перца: неизвестно, что за подлость стояла за этим феноменом, но вкус был сперва действительно восхитительным, однако вместе с ощущением чудовищной остроты через секунд двадцать после полного опустошения уже облитых готовыми порциями тарелок пришёл и нестерпимый, растворяющий иссушающиеся лыстехами изнемождённого бега, сквозь набухшие ализариновые желудки наши молниеносно проникший во все необходимые себе площади моего организма жар, хотя это при определённых условиях можно

было и стоически вытерпеть: самым страшным в этой неловкой, поджидавшей нас такое изрядное количество времени за вкушением долгожданного приготовления, сурово упавшей подготовленной нашими же нитями механизмами палицей ситуации было отключение воды: не только позволяющей пока хоть отдалённо взглянуть на неужасные потенции горячей, но всей вообще, и при всех этих трагических фактах нужно заметить, что воду ни в состоянии вмещающегося дальновидной формой льда, ни в чайнике, ни в холодильнике мы лишней раз не храним, предпочитая надеяться на недавно обновлённые фильтры обычного крана: молока и иных жидкостей не было тоже: пришлось со вспотевшими сгорбленными содрогающимися спинами, стирающими горечью телес плечевой пояс с подмышками, полыхающими алыми трудностями невыразительных уныний грудями и выражающими самые недовольно озадаченные эмоции лицами вместе буквально бежать до наиболее недалёкого магазина с водой: нам несказанно повезло, когда таковым оказался близлежащий небольшой круглосуточный несетевой магазинчик с обезумленными ценами и водой объёмом только менее полулитра: думается, необходимо было изменить маршрут в сторону другого, ещё вполне близкого, но наши истощённые чуть не вываливающимися из пор толстыми органическими послаблениями окровавленных от тяжести стелания лобзаний испариной тела не слушали себя и не смотрели в ограниченность находящегося ближе иного магазина кошелька: с красными, слезящимися пухлыми плёнками глазами под игривые улыбки молодых продавщиц мы купили десять таких маленьких бутылок, опустошив их в отдалении от вполне умирительного, но сейчас абсолютно неуместного интереса со стороны достойных стать мне друзьями незлобных девушек почти в одно мгновение, казалось даже, будто нас ухищрённо снимали во время происходящего, но это выделить в смутно размытых ограниченным восхищением появившейся наконец во рту влаги воспоминаниях мы уже не смогли: это было мучительно, но по прошествии жара во рту и на покровах тела очень весело, и почти весь оставшийся недолгий вечер мы провели за обходящимся по касательной лихоманкой шуточным обсуждением произошедшего и игрой в шашки, ибо за всю свою жизнь я так и не научился шахматам, в которых мой сын был выдающимся образом хорош: в целом, день был замечательным, однако что-то с момента пробуждения от того самого сна не давало мне допускающего неспешное проживание забавы с супом покоя, и колеблющая основы мои тревога эта воплотилась во время засыпания: я не хотел спать, но лёг всё равно одновременно с сыном, сперва вновь проматывая в поверхностно облекающей реальное в кислотворные естества произошедшее с нами, после непроизвольно нагнетая тяжелевшую неплезировым мглу внутри себя: этот сон что-то во мне пробудил, но я до сих пор не могу понять его природу: вероятно, это безумие слишком глубоко для внешнего, удовлетворяющегося бессмертием старика понимания: сегодня во мне нечто шепотливо

треснуло, нечто оборвало во мне одну из держащих на весу инаковую душу нитей, но я ещё этого не ощутил в полной мере, только отголосками слыша визги следствия девяти пагуб из своего утопленного тмой чрева: я призывно заснул, сминая мысли сонливостью и слабостью от долгого неприятного лежания необъединённым решением, моим уродством и отказом: пока что я победил, но победа эта столь недолговечна, что естество имеет пораженческую; из буявы своего крепкого сна я тихо встал теперь, что особенно меня удивило, раньше сына: сперва я успел еле разбудившимся сознанием похвалить себя, подвиги сна постепенно отходили на второй план, всё ярче освещая звук появившейся в проливающих её слышимым парадом жидкого шелеста трубах воды: её неожиданно и даже почти неуместно дали только теперь, когда демонический суп съеден, когда вспотевшие жирниковым пламенем наши тела благодаря открытому рассыпающимся по квартире жертвенным хладом морозильнику сумели поостыть, впрочем, я сейчас не ощущаю нежелательного негодования насчёт несколько сурово расположившихся нашими повисшими в то мгновение на тонкой, приближающейся каждую тягостную минуту к одуряюще радённой обаятелем скорой гибели жилке жизнями хатулом несодержательного могущества обстоятельств или неожиданного прерывания своего вполне удобного уму сна: давно хотелось относительно изолированными от моей воли шрастровыми бодростями противоестественной смелой резвости деяний проснуться пораньше: кажется, как раз удалось застать безмолвно рассекающий своими пока тонкими прекрасными оранжево-розовыми выделяющимися лучиками, подбегающий к молчаливому странствию одиноко обшитой тяжёлыми, но в высшей степени хрупкими бледновасильковыми цепями ночной безобидной доброй тьмы насыщающейся комнаты рассвет: янтарная по искажившим цвета пёстрым, разрезанным юшманом бокам величественная масса медлительно невероятным поглотительным темпом возвышалась над непроглядной синеватой мглой, и ненавязчивый струистый бронзовый переход к тёмно-синему небу обозначил некое величие над убывающей во власти собственной стихией: удивительна гордость просыпающегося при наличии альтернатив пробудиться совсем иным фряжским образом примерно в обед во время раннего, облегающего его смыкающимися грузными непочтительными сарями веками пробуждения: думается, в невеликих, отставленно изнеможённых одним фактом их связи со мной мышцах наливается сейчас самая могучая, невероятно выдающаяся для происходящего и прошедшего сила, и отражающая персиковый блик на шершавые, травмированные случайными ударами мебели полумягкие стены уплощённая поверхность сизого стола задаёт оттенок всей расцветающей розоватыми и красными обликами сладкими потными гигантскими онучами привычного комнате, так повелительно склоняющей меня к подвигам: только уже идя странно изошрённым спортивным шагом к ближайшему парку я понял, что поспал не более шести часов: возможно,

это и к лучшему, да и чувствую себя сейчас просто восхитительно, даже манерно посвистывая обувью лёгкими движениями всё же страннейшего, выделяющегося более любого узконаправленного упражнения небег бёдер: то не обозначает мою склонность к чему-либо: просто захотелось в противовес неестественному движению идти вприпрыжку, что и стало некой пассивной формой искажённого модификацией агрегационного цикла становления меня великим спортсменом шага: дошёл до парка я без музыки и прочих отвлекающих факторов, и после даже бег не был отягощён прерыванием искрящей шумом пустоты лесной звучной тишины: конечно, посажены здесь восхитительно плескающиеся под небесами земляного славного цикавого комеража окружающего дерева искусственно и, вероятнее всего, обошлись формально в треть годового государственного бюджета какого-нибудь небольшого городка, но не ощущать уединения с даже синтетически выброшенной в мои пяла вполне приглядным обычаем оплаченного внимательного труда природой в это восхитительное, уравнивающее меня наконец невероятно особенным родом утро я не могу: хватает и негромкого пения любопытно перелетающих с высокого темноватого, пробегающего пред моими спешащими пятнами дерева на лёгкие остренькие вердепомовые округлённые кустики птиц со звуком копошащихся возле местного небольшого пруда некрупных, лишённых привычной их сородичам полезной робости гирлового знака многоочитого внимания зверьков: бег я начал с нещадно травмирующей обычно асфальтированной тропинки, быстро перенёсся неловко перенаправленный резким уклончивым пугающим движением вектор на узкую грунтовую дорожку, далее которой покамест никого не видно: когда-то я уже бегал почти каждое утро без исключений, но значительно позже, отчего часто просто не мог полноценно заниматься своим иногда редуцированным в те времена непотребной предпочтительной млатьбой сустав делом: у всех разный темп, дистанции и способности, а тропа одна, причём столь неширокая, что не позволяет просто оббежать по той же комфортно принимающей обувь земле: приходилось или заставлять кого-то часто сменять поверхность для обращающегося к скользящей многосумно траве бега, или самому вставать на это место, нисколько мне не симпатизирующее своими особенностями: не уверен, но создаётся впечатление после подобных пробежек, что такая практика способна лишь навредить здоровью колеблющихся скорее из неудобства пред остальными ног: мысли мои этими заботами прошлого были периферийно затуманены позволяющей не отвлекаться на более значительные переживания сельницей едва ли с минуту, и я привычной расстановкой продолжил путь: иногда встречались пролетающие цветными плесканьями или одним ярким молчанием детские площадки и умиротворённо идущие скандинавской ходьбой улыбающиеся, иногда здоровающиеся с тобой бабушки, и одна даже размашисто помахала мне жизнерадостным добрым подмигиванием: один раз я увидел бегуна

на грунте, но темп его достаточно превосходил мой для отсутствия столкновения переменной границей и недостаточно был интенсивен для потенциального обгона по прошествии чудом объединившего меня с ним при таком противоречащем этому раскладе круга: кажется, он просто отдыхал перед приблизившей нас полувстречей: вероятно, в продолжающемся неторопливыми касаниями носков касающейся прилежно принимающей наши старания нетяжёлыми пенями благих согласий земли этой обуви движении однажды я увидел хвост резво перемещающейся пред шумами белки, но она, как только услышала звуки еле слышной быстрой поступи спортивных чёрно-белых кроссовок и рассыпающейся слегка вбок земли, быстро унеслась вверх по какому-то высокому, вросшему в мягкий зефир далёких облаков сенью опружных растеканий дереву: это не было невежливо с её стороны: в выдающейся свойственности такой микроструктуры я только сильнее умилился происходящему в немалом, призывающем входящих приятно развевающимися волями природных безлобых ухищрений парке: первый круг закончен: я ещё не запыхался, но уже почувствовал некий дискомфорт в начинающих вновь показывать несовершенство ранее уже проявившей неизвестные доселе лакуны техники и неплохого, но недостаточного выбранной скорости при подобной неподготовленности здоровья моих голеностопных суставах, по крайней мере, сейчас не хочется нагромождать упрощающее процессы телесных духмянистых ажитаций сознание возможными болезнями: немного сбавлю темп, а после ещё одного круга сделаю недолгий, продолжающий умеренно ослабленный шаг перерыв, потом – два завершающих: с мыслями этими я даже деликатнее стал рассматривать все детали чуть шумящего своей живостью яркого нефритового леса, кивнув улыбающейся даже едва заметной, образовавшейся при наклоне полупрозрачным жупелом передвигающейся невредно плоти складкой головой при встрече с поздоровавшейся иной бабушкой встречной: появился бродящий здесь уже без дополнительных приспособлений низкий седовласый дедушка ещё один в широкой, развевающей несильные вихри меж покрытых пятнышками потемневших пестрот кож одежде, почему-то предпочитающий асфальт земле, впрочем, его могущий быть ориентированным на прошедший приспособившийся опыт выбор мне только нещадно благоволит: второй круг завершен: перекрытые частично плесенью непозволения разудалого дыхания лёгкие мои сейчас значительно изголодались и вполне явственно требуют долгожданного уже восстановления необходимого божатого запаха, разбавленная увеличенным давлением кровь в ненарочно щемящих головное чувство висках пульсирует с повышенной силой, густые вены на извивающейся фуксом шее вздулись вместе с шевелящимися вместе с предплечьями медиальными, почему появляется апломбом одаряющее тебя легкое уверенное ощущение, что являешься ты спортивной фигурой не менее влиятельной, чем мастера спорта международного класса, но дурманивший импульс такой в

голове проходит достаточно быстро: вскоре ты вспоминаешь о своей привычной человеку немощи, болезненных симптомах из-за бега и сжигающем чувствовании редкой добычи в образованном выверенной иначе инородной массе животе от физического перенапряжения, обыкновенного волнения и недоедания: опять же, мучения я стараюсь не актуализировать, желанно вкушая свободу от осевших до того удобным грузиком нежной мокреди нагрузки и свежий утренний исключительный воздух, раскованно пахнущий будто долгим, избитым обиняком поразительного отсутствием принадлежности к этому месту вонючих, ненормально обличённых гаком вселенской вражды людей и природной девственной влажностью: в блаженном медленном упражняющемся шаге я неназойливо восстанавливал постепенно смягчающееся пухлыми облами пилигримовых естеств дыхание один прошедший ощутимо дольше круг, так и не встретив бабушку с аккуратно помогающими в опоре спортивными палочками: думать стало легче, обращённый уже трезвеннее к левантиновой нежности окружающего взор словно распространился на более широкое, генерализующее отбиванием обходимо мудрой клюшвой твердокоренного уверения пространство, а облезающие желанием вновь поступить скоростью на стравленную изнеженной ровностью землю ноги перестали болеть: я продолжил бег с прежней скоростью: ветер вновь приятно обдувал мои остывшие от скрепившего их чуть чистого пота глонувших здоровый мокрые локоны облегчённых волос, теперь имплицитно склоняющихся просторечным обыкновением назад и забавно подпрыгивающих каждые несколько метров, ставивших циклом сурового наступления заново: бежать стало легче: слегка предназначенная для дома постиранная футболка беззвучно отлипала и приковывалась к ясачно возвращающейся привычным гулом спине снова и снова в подражание укрепляющему соскальзыванию с галиотисовых мелких камней и бесцветных крошечных, отбивающихся значительными реакциями песчинок земли моих носков: я полностью отдался процессу, даже не ощутив завершение удовольственно ограничившего меня круга: суставы не болят: наверное, я смогу пробежать без ощутимых уже нестенанием трудностей ещё два круга: инертно пробежав половинку ещё одного в тянущем ранее шлёпающейся вязкой влагой горле стали слышны нотки сухого скрежета блонистого воздуха об обезвоженные полые части моих уstraшённых слегка таким будоражением внутренностей, что было неосмысленностью весьма ожидаемо: я не подумал, кажется, только об этом, во время дыхания теперь пытаюсь пользоваться исключительно раскрывающим широко расстающиеся с бочажной вязью ноздри носом, что получалось примерно в частотности одного к пяти, где большая очисленная цифра обозначала моё бессилие перед наваливающейся монструозным колоссом стихией и слабости, и в занятии этом, занимательном и смешном собственным умильным нелепием со стороны и для моих недолговечных попутчиков, пришлось начать последнее дополнительное гало: при осязании

этого воспалившиеся снова проступившим под тяжестью энтузии кислородом икры, квадрицепсы, бицепсы бедёр и все оставшиеся, подзабывшиеся уже мышцы начали прочувствовать возвратившуюся звонкими шлепками оземь о земь мощь и свои потаённые, изрыгающие последние накопления способности: я стал бежать так, как не бегал сегодня ни разу, хотя боль в мышцах лоскими постукиваниями сообщала о вовсе небольших, грязновато заканчивающихся запасах без того сильно ограниченных сил, которые я могу использовать: до самого последнего, испещряющего стопор организма моего строгого аккуратного шага я не сбавил осторожно контролируемую для соблюдения внутренних благонадёжных оков совершенных ограничений скорость, продолжая иногда изо всех сил и с головной или тупой физической в суставах болью учтиво бежать: разумеется, подобное было нежелательным после столь долгого, обстёгивающего взбудораженным ласковым отпуском доблием колешных неудобств быт перерыва, однако это меня не сильно интересовало: я был слишком воодушевлён заурядной идеей, и в согнутом, облокотившемся на ноги покрасневшем торсе дышала интенсивно циркулирующим воздухом восстановленных колгот моя честная вера в благополучное начало дня: я снова встал во весь стянутый слабой уставшей болью в спине рост, изрядно надул пышно лежащимся в сосудики мои кислородом грудь и комично посмотрел в уже светлую утреннюю, блаженно странствующую за сенью частого сна изумительную даль: кажется, в накрывшем вновь слоем прилипающей прозрачием стрежневой спешности оливково-коричневой редкой точечной грязи поту идти будет неудобно: я с обращением внимательного к деталям взора на еле колыхнувшиеся после моего крайнего похождения рядом материи иду обратно, параллельно восстанавливая аппетитно приятное глубокое дыхание: расставляя на своём тагане мысли только позитивно направленную в отношении к человеческим эмоциям прочную либивую посуду ристаньем желательной условности, я устремился меж ещё закрытого крупного спортивного комплекса и какого-то низкого безлюдного сооружения тусклой привлекательности: думалось, так пройду быстрее, но только обрёл я с тем крайне нежелательные виды: уже издалека, не придав тому особого значения, пришлось услышать гул из подростковых, еле сломленных отрезвлённым множеством своим страданием голосов: стоило подойти ближе, как кто-то издал внутри столпившихся детей болезненных писк вместе с явным немощным призывом о необходимейшей помощи: тогда обернулся, видимо, самый старший из них, уже далеко не потупивший пред жестокостью сомневающуюся дрожь мягкий жвавый подросток, как он вновь обратился к издающему эти крики существу в центре образованного давящим смрадом человеческого существа круга и резким неожиданным звучным ударом жирноватой неказистой, обезображенной нечеловеческим существом сформировавшегося ноги, по всей видимости, негуманно прекратил его изрядно пышущие ранее испуганным, плачущим в этом

адском становлении безвольных уродливых чудовищ писком мучения, убил величественного, честнейшего мученика и вытерпевшее это всё только ради призрачного луча неприглядной, откладывающей каждое мгновение счастливую непечаль редкой добротой проходящих рядом людей жизни бедное беспомощное, возвеличившееся в эту секунду над всеми достойными прощения отвратительными мразями выпадающих изо рта социальным становлением соплей милейшее честнейшее существо: он дал некий безусловный ленивый, с тем нервный знак, после которого все с удивлёнными зимогоровым титаном внешней опасности озираньями побежали прочь, и ускорил тогда я свой неистероидально гулко направленный к происходящему быстрый, изуродованный гневом воспыхающих подле меня лепестков кремнистого, облегающего гигантскими порывами стреженивого, зычно оплаканного пошлыми фимелами воспаряющих уродств телесных наваждений сокрытого от человека шестопёра яворых прочных мгновенных прорастаний горюнного отрицания существа самого каломельных испаряющихся брызг лайдаковой аккумуляции обезумевших станом определяемых оными громоздящим материю плотную тьветов фатвовых изнурений, глаголющих неспособностью предостеречь поражение хрущеватого преобразования стянутых таинств сцепленной сетями искристо размножающихся внутри своих шелюговых цепей краткосрочия жизненного при выбивании из собственного правдоподобия оставленных слабостей, прошедших по факту необразования воплощений их кудельных Адов сокровенных выделений духовных, плоти пламени ненависти шаг, тут же оказавшись подле него и мгновенно забыл про бездушных трусливых мучителей: дымьё облившего земляное кровью своею премилой животного было грязно и глубоко распорото, а выставленная торчащими бугорками сливовых, обитых жирненькими тёмными сосудами некрупных плодов репродуктивная система слегка выпирала былым сохранением баланса между поддержанием едва находящей в себе способность продолжать тянуть это неприглядное бремя жизни и отвратительными издевательствами: издевались над котом, причём виновностью его гладкою на асфальте даже рисовали еле позволяющие разобрать себя символы и надписи, вовсе небольшие, оставляющие за собой опухшие белёсым сосредоточием телес широкие срезы, подушечки были изуверски отрезаны и помещены в разорванные отходящими проволоками уже слившихся окровавленных граней крошечные ноздри, которые с дополнительными надрезами внутри опружно вмещали в себя почти все из ужасным образом отсоединённых, видны многочисленными заушанами округлённые телом раны на спине и следствия оставляющих за собой чёрную сечь оголившегося, приобретшего красновато-чёрные сальные натянутые хрупкие недвижные плёнки мяса поджогов: вероятно, издевались очень долго, если не со вчерашнего вечера: меня пять раз звеняще вырвало неистоматичным загрюмом сожаления, и каждый раз выходило всё меньше вываливающегося под конец уже густыми вонючими плевками желудочного сока из

и без того опустошённого утренним голодом пустополя, уже паразитично выедающего себя подвижным лоаозом и поглощающего всё пространство чрева вовнутрь из величайшего сокрушения о том, что я не смог предупредить это ужасное событие: плотные слёзы из плотно сомкнутых моих разжиженных глаз лились, кажется, с той же величайшей силой, что и во вчерашнем нетерпеливом сне: мне плохо, думать тяжело, а пронзающая в растрёпанных лопнувшими венами висках боль мешала осмыслить самую незначительную деталь своих действий: кот умер, голова его безобразной ширию размозжена, а мозг ещё несколькими, прошедшими после моего появления склизкими шагами простёрся в удаляющуюся скривлённым тоннелем сторону, куда убежали эти грязные уродцы: я не знал, что мне стоит делать, хотя возраст мой располагает ответственности и уверенности: здесь же я за не таким уж и сложным явлением оказался абсолютно беспомощен: такие происшествия не являются великой редкостью, но лицемерие их воплощения лично для меня превратилось в чудовищную, проливающуюся в лёгкие испаряющимся свинцом колготовых неладов адского непрощённого существа пытку: я всю жизнь был слаб перед животными: увеличенное поносным волнением сердце с толстомясыми от душевной рвущейся опали позвонками сокрушительно растягивалось от пробивающей обращённые тяжёлым металлом кости тяжести внутри себя, а холмистые бурные слёзы, как теперь кажется, преобладали на моей одежде над пышными, ещё не потерявшими звучную влагу пятнами благого пота: дышать невозможно, и только редкими выкрикиваниями небольшого объёма изуродованного смрадом приставленной колебанию вытянутых вперёд возбуждённых вый моих дрожи плотного воздуха удавалось лишиться издевательски пробивающегося сквозь горло грубыми иглами углекислого газа, маслянистый сухой ком в пасти моей слабОВОЛЬНОЙ не позволял проглотить скопившуюся туками реального слюну, из-за чего я неказисто выплёвывал её наружу: по всей видимости, зрелище я представил своими непроизвольно воспалёнными реакциями действительно отвратительное, по крайней мере, более приятное здоровому глазу, чем стекающие вязкой тошнотой по земляному нашему лики свершивших это над бедным котом: размашистые множественные кровавые отметины на мерзко освещённой взошедшим шмелиным солнцем земле подчёркивали возбуждённые даже несуразием пытателей хаотичности произошедшего: я не ищущ оправдания для себя: я склонился над частым, свершённым не по моей вине ужасным, но ещё позволяющим извне смело и разумно урегулировать потенции подобного от убежавших делом, но в голове моей томится только отвлекающее от иных устругом потопленных мыслей неизменное желание: я должен убить распространителя греха, я должен утопить его в кипящем подкоморием солнечном масле, я должен язвительно затыкать его тысячью крючковатых небольших шпажек, я должен аккуратно вставить в его яремную вену тонкий зафиксированный катетер и демонстрировать

ему на протяжении долгих, опробованных его абсолютным, уставленным пролежнями неподвижием молчаливых часов испуганное затухание текучей доземным инородным гадом жизни, я должен сжечь его маленькими, продемонстрированными ему тонкой нарезкой пред этим кусочками, я должен заразить его инфекцией и подкармливать её новыми несмертельными ядами, я должен посадить в него сотню гвинейский червей и годами давать любованию тому, как длинные, извивающиеся знобяниковыми баскями сопротивляющиеся нити выходят из его испещрённого многочисленными свежими язвами тела нескончаемыми белёсыми путами, я должен морить его голодом, удалить врезанные в глаза приросшими отвердевшим гноем подвижных белков имплантами зубы и давать изрезающий зарастающими рубцами напругами рот черствый хлеб единожды в неделю вместе с ежедневно выделяющимися из его ампутированной мною ноги воспалительными шафрановыми соками, я должен: я должен отомстить: месть эта больше не носит личный характер, я должен очистить от этого отвратительного греха человека: очистить его от человека, от жизни и этих омерзительных стремлений: ещё три часа я стоял на уже разодранных в кровь тонкой тканью коленях и истощно, захлёбываясь всё вновь прорезающимися урочищами проявленных страданий криками и выпрыгивающими из меня самыми последними рыжепёрыми клочками жизни жидкостями, рыдал над совсем небольшим трупом невиновной жертвы: кажется, этот кот был очень резвым: туловище его плотно, а лапы крепки: подобно агрессору из сна, руки я в жалких попытках соорудить из веток достойное подобие гробика порвал частыми, расклеивающимися недлинными сыртами крови и кожи язвами: местами отошедшими от пальцев обалёнными ногтями я выкопал относительно глубокую неширокую ямку в глубине того же небольшого искусственного леса, держа с тем лежащего на мне ангельской скорбью моих будущих, отстранённых от реального возмездия несуществующей пыткой над невиновным, над самым чистым на этом земном существом деяний кота на руках: из выправленных внизу моей выставленной при неловких попытках разделить материю их самовито гибкую плотью веточек и увлажнённых неумелым обращением листьев я соорудил похожую на маленькое, вмещающее лишь непритязательно поражённых утомой окончательности этого мира лежбище конструкцию и положил на неё кота, иногда продолжая уже без выкриков оплакивать его смерть, кисловато ощущая зудящую боль внутри поражённой горечью верхней части тела: в продолжающем светлыми красками озарять существо парка звенящем утреннем солнце я обнаружил блики своей обезображенной препонной слабости в приближающемся окончании кашля моего совершенного скорби: земли не хватило, отчего я облегчённой горем прихватил её немного поодаль, сделав небольшой, сложенный урочищным вниманием сожаления памятник из сочащихся прозрачными жидкостями веток тех же: елозой я встал и фуксом нервно посмеивался: я не мог

контролировать это: земля отдавала прохладным пахучим васильковым оттенком, будто обнимала стекающей тьмой за этим безрассудным действием: липкие, рубищем уставленные на рамена щупальца её близости надрывно обхватывали и вели к произвольно выставленному выходу, я не знал обратной от этого завернувшего меня одной только калистой обессиленностью места дороги: на выходе я уже не увидел крови в том же месте: я хочу убивать, но причина ещё слишком мелка: я не должен убивать: я стараюсь не думать об убийствах, столь мною за поражённым редкой радостью быта отвлечением желанных: я не сформировал внутри своего нутра изнуряющее, условно обставленное нормой естество третьеводного, оправдание аликвотному убийству: справедливости ради, он никогда не представляет собой фигуру определившуюся: определившийся с намерениями и необходимым он – это формально имеющий или нет признание военный, я же стараюсь погасить в себе отзвуки оборвавшихся нитей омерзительной, облепленной страданием по факту одной природы грехопадения жизни, и в притворстве том продолжаю двигаться с новой, приближающейся к обозначенному ещё в день последнего собеседования неулыбкой: возможно, теперь я был надорван окончательно: из-за чужого издевательства над кошкой кто-то будет жестоко наказан, кто-то выберет моей волею роль бедного, неоправданно ненегативного Христа своею безвласою чистотою озимновой девственной камчи мученика: я стараюсь не засыпать: я стараюсь не терять этого тяжёлого полша: в замысленных инертно выведенным за бархатный пятерик, оставленных семафоров горем размышлениях я дополз на двух обезображенностью уставших человеком ногах до своего дома: на лавочке призрачным, охваченным градом уродств окружного лыстом сидел дедушка, но он ничего не сказал, только нечеловечески добро улыбнувшись и необыкновенно странно закрыв окончательно оставляющие грешность неангельского человека глаза: я вошёл в прохладный тёмный подъезд с нависшей над вырастающей пешкетом лишений грудью головой: почти вся внешность моя была покрыта осевшей выплаканностью под плотностью общественного зуда кровью: надеюсь, сын ещё спит: с нагловатым лёгким скрипом приоткрывшаяся дверь полностью обнажила мою облитую очернёнными гигантскими мрачными сферами разрастающихся отвратительных совершенств, смертельных законченностей глазами невнутренность: я пробежал с прерывистым жалонёрным звуком отлипающих от пола влажных носков к освещённой солнцем кухне, позабыв закрыть еле демонстрирующую тонкой, не уместяющей воспалённые жаждой смерти зраки нелюбостязания щелью зеленоватый свет подъезда дверь: я выкинул покрытые одними доказательствами моего благородного помешательства одежды в мусор, вытер кровавые маслянистые пятна с блестящего светом насыщающейся в иных представлениях прекрасным звезды пола в квартире и внутри подъезда, не став уже спускаться

на образованную причудливым видением неболезненной генетической славы моей улицу: говорят, в обед должен быть дождь: я с непроизвольно натянувшимися вновь муругими кончиками неприглядных губ вошёл в душ, пытаюсь вывести вместе с засохшей коростой неизбежных неинтенциональных юродств кровью все переживания сегодняшнего утра: если сделать вид, будто я не встречался с трупом кота, утро было замечательным: эту представляющуюся действительной, уже эксплицитной причиной моей неболезни серафическую мысль под обжигающим разгорячёнными, не ошибающимися, но изначально лишёнными направления к одуряющей неизбежное онтологическое становление истине покровы душем я вбивал себе около часа, наконец обнаружив выставленный своеобразным запахом красный ожог на пожелтевшей лимфой разбессоветной груди и приглушив шумящий излишне долго поток очищенной от меня воды: кажется, утро действительно было хорошим: всё хорошо: у меня всё хорошо: сын, видимо, только недавно проснувшийся, хотел сходить в туалет, но встретился со мной и постулирующим благую ложь внешнего благополучия взбухшим ожогом: за неловкостью и пугающей комичностью произошедшего удалось замять болезненность моего выращенного набухшим отвратительным фурункулом сычёных откровений вида и состояния и оставшиеся отголоски глубоко спрятанного недовольства: сейчас десять часов утра: я продолжаю: существо: мы вновь поели того же супа, уже сумев совладать с темпом поедания и остротой и не переборщив с облегчающими участь такую жидкостями ради предупреждения себя о частой нужде в последующем, немного полежали за неосложнённым разговором, просмотрев одну серию сейчас изучаемого в прерываемой на забавные замечания о смысловых и простых технических безобидных лакунах манере нами сериала, неторопливо собрались и вышли из слегка придушенной невольным человеческим дыханием квартиры в прежним образом охлаждающий всё обособленное явление подъездный ветер: сегодня мы арендуем велосипеды: до ближайшей точки, где предоставляют такие услуги добросовестно, идти достаточно долго, почему мы и направились к постепенно приближающейся нашими неспешными, обрамлёнными уже разбушевавшимся полноценным весельем забытых неудобных вопросов могутным кротким краснобайством шагами автобусной остановке: думается, разум мой действительно уже пылко затуманился спокойной динамичностью и не ощущает былой, облегающей в молчаливую достыльную метаморфозу истинность страсти сожаления: в цветущих радужно разливающимся по тропинкам светом и улыбающимися сегодня особенно много людьми улицах один только я был скован некоторым великим метафизическим ограничением, за неблагонадёжием окружающего удовольствия доступным только моему изуродованному ненужной истиной взору: разговаривать с сыном я мог в необходимом темпе и без такой опьянённой невесёлой искренностью трезвости своей совести, ловко обходя его наблюдательный слог и не позволяя понять в полной мере, сколь

глубоко во мне насейчас засели пробивающие новыми, образовавшимися за новоявленной необходимостью свежего образа возрождающихся возможностей в силу начала возвеличивающего над обыкновением и тем крайне неприглядно описывающей меня омраком неестественной реальности метаморфозы железами осмиевые: в расплывчато бултыхающейся милыми полиелейными диалогами и прекрасными обездвиженностью обещаниями моя гулко горящая тёмным растекающимся пламенем боль возвышалась подполицевским зычным столбом берчатого опалого исполина: быть может, таким добрым и благополучным внешность окружающего кажется лишь за увеличившейся во мне примордчивым седяем истинного мглой, и только четыре дня назад я был по-настоящему, несколько иначе счастлив: мы послушно дождались в прерывающих стучащую фалалейными падениями опирающегося краснотала тишину репликах наш привычный крупный безлюдный автобус: при желании, нравственной лакуне или волею инертного влечения можно и не платить, по крайней мере, без столь скорых предметных встречных санкций: постоянный кондуктор на этом маршруте отсутствует, а водитель чаще занят дорогой и вовсе не следит за даже нагло демонстрирующими свою человеческую препону при взаимодействии с законом входящими: мы добросовестно оплатили и сели на свои любимые, преломляющие взоры спереди реальным отсутствием возможных людей места: в левой, расставляющей роли глядетеля внешнего полностью соблюдаемой закономерностью помощи обделённому ранее и ущемления в то же мгновение царствующего части автобуса напротив крупной, приспособленной к сероватому прохладному пластику карты с линией маршрута и перечислением остановок: кажется, и будучи в глубоком, опадающем фармазоновым нежеланием продолжать пополнение абстрактной нечеловеческой филы определённой идейной становости сие мы не сможем пропустить необходимое место, ибо каждое жаркое, обволакивающее наши страждущие бражником отдыхаемого многоделя лица лето уже на протяжении нескольких лет посредством этого прекрасного автобуса непрестанно добираемся до проката, однако некое ощущение относительной немноговажной власти над происходящим и даже скошенной вящестью реального уверенности подкрепляет обыкновенный приглядный комфорт от поездки, да и на этих местах ноги можно с упоминанием и излишней учтивости реального неестественного фатума вытянуть чуть дальше: мы проехали уже первую остановку, позволив друг другу большую честь отдать не могущему продолжаться потенциями самыми обозначенными диалогу, а в новинку обозначенным раскрывшимися негнилыми кокурами видам в окнах: негромко слышный стук смягчающих невеликие удары колёс о частые неровности и лёгкое, улыбающееся гулом тёплого воздуха приятное посвистывание изродного первичного втра создавали почти медитативную основу вязкой дымки нерасчленённого сознания и всю почву для будто специально подложенного мне навязчивым, оправдывающим случайно выпавшие

звонкие сюры поразительной, свойственной лишь мне удачей лизоблюдом сна: передающаяся от автобуса нежная вибрация расслабляла, а белёсые яркие, но чрезвычайно незвучно рассыпающиеся в множественные чистые, отдающие эхом невишних ран громкие солнечные лучи легко касались неготовых глаз и ненадолго еле ослепляли, словно безвредно напоминая о желательности недолгой, сквозь их подачу песнотворческой своими нетребами внетелесными дремоты: извергнувшие истончившейся силой веки постепенно укрывали мои высохшие с проведённого в парке времени сомонные глаза, да и не сильно хотелось противиться этому нежному, уже материнскому для меня в согласии с собственным нетрахливым порабощением чувству: отяжелевшие величайшей лёгкостью земных возможностей руки окончательно упали с мягко перебирающего выпавшей материей мои небольшие складочки на мозолистых отвердевших, выделяющихся при пожатии крупными пухлыми пучками натренированной дворнической, напоминающей забвение в топящий меня неторопливой нелюбостяжённой предсенью верного сон это деятельностью плоти руках сиденья и натянули чуть звенящую бугорками ненормального голову с отяжелившей погружённые в мрак слабости моей дельты шеей вперёд: родительская теплота из шутого обездоленного чрева стала застилать бодрящую осязаемую шумность и одержала искрящийся ртути пылью верх: я заснул: крупное, семяющее поверхностью в пологодинные мгновенные скорости рябое пятно канареечного цвета посередине, по бокам же находятся облитые своим случайным прахом отошедших конечностей природные осколки золотого и палевого, и ближе к низу моего относительно ещё обособленного существом обманутого приглядного взгляда обозначается несколько нелёгкий горчичный оттенок: оказывается, вид этот передавали слегка приоткрытые от неожиданного, обозначившего все подозрения о грозном, разрывающем свечах моего бытия вероятного неведомом чудовище страхом случайной непостоянности сна пробуждения, отвыкшие от вновь оправданной наблюдаемости глаза: сын вылез с опустившегося одиночеством места у чуть заляпанного, описанного порезанной местами резиной окна и идёт к выходу, я тоже с резким страхом неспрошенного подозрения о нежелательных провытеканиях моей отвергнутой бездельности подрываюсь и с продолжающим биться свайкой ответственного плотистого опыления опухшим сердцем пытаюсь в полуприсяде растереть избавленные от свежей незамысленности взора глаза, дабы хоть что-то увидеть: сын спросил, почему я так резко выставил свои телеса, и без иных пояснений удивлённо побежал незатейливой загадкой реального: несмотря на свою научную проницательность, в бытовом плане ему часто не хватает должной усидчивости: он не заметил моего весьма явственно являющего себя предажью доверия засыпания, за что после мягкого, даже особенно деликатного и из состояния объяснения моего уже множество лишних раз извинился: ничего страшного: сломленная неправильной позой во время примерно двадцатиминутного сна, всеядная в

поглощении чувства внутреннего шея давала о себе знать и требовала изрядной, основательно управляющей вниманием к здоровью аккуратием расстроенных класами выделения особенности движений разминки: по-смешному неуместно и второпях я всё-таки сумел пробудить свой обитый узорами золотозобого спокойствия организм и задать направление нашему непервому движению, вновь дружелюбно потрепав сына по чуть ещё склоняющейся из молчаливого чувства вины голове: отцовская неловкость и человеческая спешка, кажется, окончательно отделили меня от сегодняшнего уродливого, хотя и насыщенного почестью утра, напоминая теперь исключительно о неплохой, обвивающей неразряжёнными воздушными массами неупречной пробежке: в частых шутках и повторяющихся с обеих сторон почти методическим постоянством слабых подножках мы быстро дошли до безобидно обособленного от окружающего отдельным небольшим, едва вмещающим с иногда разнородным транспортом ещё и человека сооружением проката, уже издалека начав заискивающе рассматривать наших потенциальных на сегодняшний день спутников нехитрым бонтоном зоильствующего подкоморного взгляда: по всей видимости, мы сможем взять свои любимые, хотя и далеко не новые, встретившие нас вполне неожиданным приятством родственной неожиданности сычёных чувств велосипеда, на которых проехали мы уже достаточный, могущий иного и удивить километраж: внутри небольшой, выраженной гелиотисным валунчиком торфяной фижмы будки для работника и части ассортимента не было очереди: похоже, сегодня мы будем первыми клиентами: отдав ответственно подготовленный в точном расчёте чуть ранее залог после приветствования незнакомого нам сотрудника и немного подождав, пока он снимет цепи, мы проверили давно знакомых надёжным неспешным старением юдолевой нормали товарищей и, попрощавшись с уже привычно улыбающимся парнем, поехали: у нас не было определённого, заведомо обозначенного желания, почему мы просто сперва рассекали на омывающем нетяжёлыми ворсинками ответствовавших тёплых холодков дуновении своими ещё разгорячёнными чем-то новым телами: иногда кажется, словно ничего не может принести тебе простое, несколько приземляющее высокую думу удовольствие и облегчить кажущиеся окончательно изуродованными непособлением совершенства страдания, как хватает иногда одной только несложной пробежки или езды на дряхленьком спортивном транспорте: такое детское, разъедающее неприятной происходящему и естественному подражатию нерихтингом серали такового тула вбирания существенных различий меж цеколупным и расчленённым испытанием ангельским невечного заточения счастье застилает сейчас своими мощными, обирающими рамена мои, суженные облыгами лжи возможного, одеялами все покровы отрешённых от настоящего горестей: нам весело: думается, давно я так не выкрикивал подобным неприглядием внешней оценки хоть что-то: возможно, это из мешающего

разговаривать с сыном громкого, перебивающего слишком уж очевидно неяркую дишь спокойного голоса шума, но я склоняюсь к версии с выделяющим исключительно усилившиеся мощью внутреннего сентенции и честные предпочтения сознанием: действительно, крик сейчас не кажется чем-то вычурным или отвлекающим проходящих мимо людей: хочется припроизволить их к этому делу, но колеблющаяся пока свивальником убийства смелость ещё не достигла должной концентрации: мы проехали почти половину содержащего так любимый нами прокат района, часто приостанавливаясь на недерзновенно правильное в исполнении своём шахлатом питье, дабы восполнить стёкшую с нас во время этой интенсивной, да пробегающей абсолютно незаметным страдником тренировки влагу: в полном одиночестве, как я определил во время своих наблюдений ещё до усыновления, мне может быть провести комфортно не более четырёх дней: на пятый начинается якобы беспричинная долгосрочная, вытягивающая толстые жилы мои инородной перебякой выпрыгивающих кровавых сальностей паника, лишние неистерические монструозные выплески аккумулировавшихся бивнем, нерихтингом превращённых в скарёдные, могущественные с земным пути сил, страх перед не пугающими даже больных детей имовитыми, часто лепечущими пред слуховой праймой моею отяжелевшей миром тварью предметами и, главным образом, великие, выходящие из нутра твоего, стонущие глухими страданиями стенания: за великим нежеланием коснуться находящегося в метре от тебя небольшого куса извивающегося сутью своею порочною телес, лобызаящих аликвотного, простого хлеба ради остановки этой мучительной тяжбы внутри раздирающегося изнутри силою стога того же нутряного гигантского, различного с первичным человеческим червя живота приходится страдать долгими, расплывающимися в невыносимой боли иступленным бессознанием омертвевших знаков часами, вынашивая вытекающие едва не произвольно каждые десять минут густые, шепотливо стучающиеся о моё нетварное празднество розовеньких тихих низовок слёзы до тяжёлого решения прекратить предметом своим усложняющее иную осознанную грехом материю затворничество: нередко перед этим робко, благоговейно дрожишь, с приоткрытыми излишне покрасневшими опухшими пятами чувствуя быстренько стекающие по выпуклым, обезмышечленным рябым рёбрам с облегчённых безвласым безжирием тонких подмышек долгоязыые ручки безупречно прозрачного пота и дёргая из неспособности открыть дверь обвязанной толстыми, в голоде пресыщенными смрадом телес твоих безотрадных и шаплятых тёмно-баклажановыми сосудами головой, но чаще мне удавалось оградить себя от абсолютного, доводящего до таких редких излиятий одиночества: только за неделю перед усыновлением я не выходил не просто из квартиры, а из комнаты дольше трёх обутих бретёром держащего меня под забубённым мягким прелестным запахом ключниковым зеленоватым деревом омерзительного недель, предварительно, словно безрассудно одобряя

свои дальнейшие действия промелькнувшим невнимательностью допущением, запасши несколько самых дешёвых растворимых обедов и пять канистр с блестящей в тот момент светом завтрашнего воодушевления водой: первые дни я ещё мог выйти на кухню, отдавая смутно смешивающийся с условно необходимым деянием мысли отчёт своим бытам и позволяя проходящим мимо радостным людям, случайно иногда заглядывающим в обрезанное тьмою стенаний окно и порой даже загадочно и добросердечно махающим мне, видеть прелое вонючей негреховной утlostью сожаления уродство: позже я уже не мог выйти в иную комнату, дабы заварить лапшу: прямо в пакеты я наливал холодную воду, первое время даже вежливо и с прагматичным настроем на будущее ломав её, подготавливая рассыпающиеся позже слизанными крупичками хрущеватых, смешанных с плотью грязи моей комнаты чёрных песчинок приправы, хотя часто и обессиленно, жалко проливая худое содержимое на распространивший лишь пустотное бесчестие пол из оправданного природой сперва ограниченных, пока имеющих вектором своим таланы ледащих отказов от нененормального способностей неудобства использования такой посуды: спустя неделю я ел лишённые опухшего влажного блага лавреатового адекватия, сломавшиеся разнородными длинностями молниевых строгостей твёрдые кусочки напряжённого приготовлением своим определённым теста со специями, потом перестал в ленивом распадении моём же ломать и без того вмещающееся разрывающими рот склоками режущих твёрдых пудромантелей сошедшей плоти содержимое, в конце концов десятичасьями жуя в состоянии уже приближенную к моему безвременному естеству дрожи и закрытую, облизанную густотой упаковку: затемнившуюся мглою моих пресыщений негреховных лёгкую воду же я пил в приготовленных заранее стойкими эквивалентами нераспадения стаканов только поначалу, когда мог решиться достать некий инструмент для деяний извне обозначенной хоть скорой разгарчивостью будущности некоторой, да в последние дни я, укладывая относительно крупные сосуды открытым священным глажением изуверски оставленного изначально пятна тавранчукового в томящемся долге мира этого горлышком набок и чуть кверху, имитировал сразу несколькими канистрами выставленные атрибутом содержания хоть мелкого животного поилки и, нажимая на выбранный по её еле плюхающимся потоками фотоновых колебаний нутра моего краям бутыль, выливал уже потерявшую приятный вкус мутноватую жидкость в ловящий то окровавленной сухостью рот: закончились эти три наволоченные кисловатым гаком высокие, достигающие ширью собственной себя же за кипенью пространственных брад безвласых огорожи подполицы человеческой недели великим припадком, будь мой сосед более благоразумным али спесивым, давно бы лежало уставшее болью стенаний своих проранов оборвавшейся аспарагусовой фасции тело во внешнем беспросветном заточении: конечно, относительная невозможность условного функционирования обозначенными

критериями вне взаимодействия с социальным видится почти пошловатой, лишённой места в моей системе нуждой, однако на этом и строилось вынужденное, облепленное одной надеждой сохранить изуродованное конечие должного, вероятно, всё же ранее претерпеть сокращением зендановой кострубатой, вбирающей осколки стравленных на пята мои болезней темницы уничтожение негационного субстрата висение на такой тонкой, готовой ранее оборваться в любой момент и наконец отказавшаяся от шаткой, отпадающей в силу существа моего за кунштюки дозволенного бабром лобзанья опоры цитрусовой жилке: именно иной, хотя и несчастый слог приносит сейчас такое долгожданное, первозданное в искажившемся отрицании иных основ органов моих удовольствие: я с сыном разъезжаю: я с сыном разъезжаем: я и сын разъезжаю вполне ловко воплощённой нашими скромленными усилиями змейкой, с каждой встречей продолжая говорить последующее слово из известного нам уже давно благодаря забытому источнику несмешного анекдота: сын проиграл, на несколько омывающих лица наши тёплым ласканьем горьковатой, плюхающейся на сухой асфальт жирными расползающимися слизнями слюной обходящих приличные полости греховных длинных языков ветра секунд расслабившись, отвлекшись и не сумев закончить: мы поехали в белёсом, отсекающем колкие серебристые отражения длинных, укреплённых волею нашей умелости спиц свете на набережную с долгими, рассекающимися длинными подлеводными путями низлетающим прощающимся стёгом велодорожками: там непроизвольно говорливые рты наши умолкли, больше внимания уделяя красоте плескающейся меж частых искристых рёбер невысоких, бирюзовых в своих переливах нередких волн углублённой вдаль реки и городских старых, семенящих выдающимися шиверами в берегах этих размытых сооружений: здесь я гулял ещё ребёнком, но без велосипеда: это место запомнилось мне отчего-то особенно: на щеках проступили тонкие, граничащие мою жизнь наконец финалием отоло-генетическим светлые струйки последних, сохранившихся детской честностью слёз, которые случайно заметил сын: он только едва улыбнулся, привстал на летящем взрослым гулким остужием велосипеде, ускорился и потребовал догнать его: я, за смехом разбросав горгогатным небрежием к последнему прекрасному во сне капелью плоть звучных, ударившихся оземь эхом возродившегося нечеловеческим колосса слёз, принял вызов: дважды мы причленяли велосипеды к обшарпанным вонью навислых невидимых трупиков следящих за мною неизвестных существ фонарным столбам, дабы быстро пообедать в находящихся мимо наших весьма строгих маршрутов кафе и продолжить ещё чуть напоминающий о допустимом после перекуса меж занятиями спортом голоде путь свой: мы ощущали сильную, проливающуюся подлыжной болью тяжесть в непрерывно тянущих этот долгий приятный путь ногам, но никто в подобном дурмане и не думал останавливаться: стоило нам после очередного полдника выехать за границу принявшего птичьим свистом и мглой освободившейся от строений

теплоты города, как сын заметил, что сдавать велосипеды нам нужно уже через час: такую дерзкую ловушку от судьбы я не ожидал, с застывшим, раскрывающим опухшие от этого факта надорванные глаза удивлённым лицом ещё с десять тягостных секунд продумывая, сколько ехать километров и сколько это займёт времени: после нехитрых, даже майоратом вселенских событий обозначенных простых расчётов оказалось, что мы стоим на опасном, подстерёгшем нас прощеваем беззаботных мгновений перепутье угрозы не успеть: мы с выдающейся внимательностью ко всем потенциям сократить во временном эквиваленте оставшуюся тропу быстро помчались, и облегающиеся нежными, лежащими на покрытые скорее нервной испариной лбы локонами уже краснеющего, умыкающего дополнительные лёгкости неба испуганные спины наши вежливо, без излишней лести хвалили сегодняшний день меж прекрасных, падающих пред нашими взорами благим очарованием сени земляного пейзажей, крикливых веселящихся детей и высоких, разрывающих плоть должного безгрешия сильных деревьев, что нельзя было сказать об уже действительно отравленных сложностью внезапной задачи ногах: последние десять минут езды дались особенно тяжело, однако по окончании небрежно обмазанной сухостью поражённых неуважением органов поездки я нисколько не пожалел о такой тренировке: думается теперь, она не сломила меня, а только деликатно подтолкнула к обозначенному ею возможным за незнанием свершённого надрыва совершенствованию: в стекающем душным жаром приоткрывшихся окошек неременой телесного напряжения автобуса с зычной слюной и плотным храпом спал за меня уже сын: повезло, что ехали мы вновь одни, хотя иногда и появляется иррациональная печаль за очевидно выдуманный образ двууродно опечаленных по малому количеству пассажиров водителей: пред нашей остановкой я почти подобным его невежественно возбуждённому в моей памяти невниманию абстрактным, уже сознательным влечением вызвать некоторую реакцию образом разыграл сына тем, что мы не успели, что оба проспали, и с минуту он ехал с теми же вырожденными аlostью удивлённой крепии глазами, что представлял я во время получения информации о нужде в подло подкравшейся спешке, но сильно затягивать с этим не стал: в конце теперь значительно менее напряжённый, чем был бы он при обычном обстоятельстве, сын с едкой силой похлопал меня по плечу и добродушно рассмеялся: дошли мы обратно без происшествий и за усталостью без насыщенных восхищением взоров, возле натянутого иллюзорной дымкой приворотникового тумана подъездного козырька нас поджидал словно впервые увиденный дедушка, недолго говорящий с нами перед входом, впрочем, мы не были против и даже сами проявляли будто напоминающие о совсем маловажных в границях его метаморфозы светских инициативах, окончив короткий разговор эхом отдающего в подъезде нерахманностью смеха: завершили отягощённый мягкой пеленой бессилия пахнувший вечер мы смиренным просмотром всё того же сериала: перед сном сын с

доброжелательной лёгкостью спросил, отчего же я утром был в том порядке: я сказал, что хоронил мёртвого кота после отвратительных подростковых издевательств над ним: в словах моих звучала оплетающее иступлённое безумие выдуманным коштом урочного смрада скорбь, но ни нотки прежней истеричности: сын поблагодарил за честность: резво захватывающее меня садковатой язвой хрущеватых разрывов чувство тяжести в нижней части тела почти мгновенно ввело в предсонные, безвредно издевающиеся пониманием моей болезни сыном усиленные галлюцинации: кажется, я даже поблагодарил вчерашний сон за свои справедливые, нацеленные моему, как кажется, возможному ещё становлению испытания, растворяясь в вязкой дремоте уже настоящего: растворяясь нежной телесной, стекающей воспоминаниями о детской впечатлительности юродом слабости пред чужим, но не своею греховностью пленом в белом, очищенном теперь обезображенной догматовой репутацией тихом пространстве: я заснул: начало дня обозначило себя весьма обыкновенным, частым явлением: проснулся я не первым, а сын, снова с серьёзным видом щёлкая по обременяющим его гений трудом клавишам, находится сейчас не на занятиях: он пожелал доброго утра без каких-либо сигналов с моей стороны о пробуждении: кажется, я выдал себя ещё до появления повода: тяжело воспринимающими размывающуюся удивительным, словно и непривычным в последние дни отсутствием обыкновенных сонных видений реальность глазами была свершена почтительная попытка увидеть плоды работы сына, однако внешность окружающего была столь плотно заплетена в окатность некисейной твёрдости, что уже с большим трудом удавалось определить четверть необходимого ещё, стремящегося к внимательному одобрению рассмотрения экрана, хотя с ролью своей я в некотором смысле и справился: пора умыться: за утренними процедурами не было замечено ничего незаурядного, отчего нависшей над благополучностью утра опухолью образовалось сомнение в долговечности нетронутого пока вонючим злоречием судьбы счастья: изнуряющие влагой киннамоновой горечи сомнения я постарался отбросить, наслаждаясь своей чуть не врачебной опрятностью и с лёгким напевом пройдя случайно в испаряющуюся предметностью своею за случайной теплотой преломлённых стеклом лучей кухню, поначалу пожелав просто посмотреть в приоткрывающее внешнее стоически астрастной прочной мазницей окно и после обнаружив в выделяющей облачными преселенцевыми барвинковыми парами приятный морозец холодильной камере долгожданно встреченный йогурт, не сбивающий удовольствие напряжённого глаза даже неприятным смешением вкуса с зубной пастой: я старался выжать из происходящего все вероятные предметные страсти, но не мог игнорировать сухого факта: в ещё открытом мною уже менее интенсивно вываливающимся паром пищащем холодильнике почти не осталось еды, и пустоту эту, слегка воняющую не то испещрённым омраком старости чесноком, не то оставленным несколько лет назад на пару дней легендарным испорченным

супом, восполняли только визуально кусок оставленного миром испорченной терракотовой гатю хлеба в сохранившей невеликий объём упаковке, пару зубчиков исхудавшего вселенской болью чеснока в нижних отделениях и несколько некрупных, тоже изнеможённых гладом приправ, одиноко и призывно каждый раз стоящих сбоку вечными титанами зоильствующим ожиданием, и неприглядный вид этот заставил ещё несколько раз закрыть и открыть дверцу чуть тяжело размыкающего гордые врата свои холодильника в сомнении пред правдоподобностью столь жалкого, вынуждающего напрячься самым нежелательным ожирением ранее обеспеченной питанием лени кардиса: видимо, недавний суп истощил все наши скромные ресурсы: я показательно пафосно закрыл холодильник, выкинул ещё вмещающую в себя небольшое пространство сладковатой, зничьевым волевым строгим отказом направленной в завершающим образом надорвавшее моё райское спокойствие отказывающей сперва оболочкой выпитого переполненностью мусорное ведро материи упаковку от вкушаемого йогурта и меланхоличным сретением с бытом присел для составления списка необходимых для приобретения продуктов: вскоре мне стало неудобно, и пришлось сесть уже на облегчающий почему-то тяжбу нахождения на привычном человеку запутный пол: буквально под скрывающим иную внешность столом на весу я стал записывать планы на ближайшую, в сознании моём ещё полностью обыкновенную неделю и вытекающие из этого нужды, определяя необходимые продукты: занятие это в некоторой степени начато в таких условиях из нежелания делать то совместно с сыном: из соображений о своей большей зарплате он часто игнорирует мою наивную гордость родителя ещё формально малолетнего ребёнка и без моего ведома покупает все нужные, часто вытекающие с границ моих возможностей стреженем неучтывого внимания продукты: сегодня я обойду его, замаскировав ухищрённое опережением дело прогулкой: каждый элемент плана внутри моего перестроившегося под диссоциальную исполнительность ума тщательно спланирован, и теперь стоит только воплотить этот обвязанный плотью тугового, одиноко бредущего в извилинах сального желтоватого леса осеребрённым крюком варнака никелевого таланта проект в реальность: список был завершён удивительно быстро, хотя и количество позиций в нём едва ли не рекордное для меня: свёрток я маленьким, гениально сложенным квадратиком поместил в гениально определённое идеальным укрытие меж трусами и штанами: в идеальной уверенности своей я не давал и толику вероятности появления в нём бреши: в этот раз я точно обыграю опьянённого победами сына: в нарочито обыденной походке изъясляющей только привычное спокойствие мимикой я неназойливо спросил вновь насчёт успеха в работе занятого нежелательного коллегу по обогащению холодильника: кажется, он не заподозрил ничего странного, и в неторопливой, безулыбчатой ухмылкой плывущей обособленным ливреем походке я придвинулся к выходу, только в обувании сказав о своих внезапно

выделенных планах, словно добавив этим некоторую промежуточную нормальность сказанному: кажется, он не подозревает о моих хитроумных планах: я быстро вышел и специально излишне аккуратно сомкнутыми спортивными персями захлопнул дверь: вероятно, произошедшее было внешне столь нормальным, что за происходящей в великой динамичности пустынниковым гаком бурей внутри своих чутко реагирующих на факт каждого движения соперника дум не ощущено стало продолжительным ни минуты от содеянного: возможно, на чувство это повлияла и сонливая, пробегающая сквозь внешнее строптивым свываем усталость, которую я скорее по-актёрски надумал себе, дабы объяснить отклонение от нормального осязания времени: в холодном, розоватом своими акопровыми влияниями подъезде я понял, что ждут меня ещё более интенсивные упражнения уже иного толка внутри магазина или магазинов, продолжив со смело поднятым вверх для поддержания и здесь привычного выражения ровным подбородком: меня ждёт великий подвиг: около и внутри нашего дома я так и не встретил дедушку: путь мой был не столь долгим: необходимо было пройти всего половину небольшого района степенным антретным шагом, и предо мной предстанет жирным боталом большой, в иное время значительно отягощённый нахождением иных людей и не только магазин с невысокими ценами и едва ли не всем в ассортименте, что только можно из подобного рода законно и даже не очень купить: наиболее доступных дорог к нему имеется сразу несколько, отчего я уже не помню, когда шёл в последний раз именно весьма диковинной из обычной непривычки дорогой этой меж узких, возвышающихся ясным распутством детского улиц, скрывающих любоначалием внутренние нетайности парадных, кричащих яростью безлюдной тишины детских площадок: мимо проходили чаще занятые, редкой сединой уже проставившие напоказ свой возраст люди, видимо, спешащие на начинающуюся не ранее одиннадцати работу или ранний обед: удивительным для летнего каникулярного дня образом детей не было видно вовсе, и только двое ребят со стуком о принадлежащий пешеходам бетон мельтешили самокатами подле меня: сегодняшняя погода показалась мне странной, хотя не уверен я, что дело в полной мере содержалось в окружающих условиях: сквозь антрацитовую оболочку виделись чуть ли не все находящиеся возле меня перелётливыми испарениями заполошные ландшафты, обособленные талагайным невежием предметы и отвлечённые страстью люди: за яркой, обрамляющей направление взгляда мутноватым в обозначаемости шестокрылом солнечной дымкой, думается, в некоторой степени лишь мешающей мне непосредственно увидеть необходимый объект, и всегда рябым вкраплением выделялась некая цинковая дошлая атмосфера отдалённого, и прочувствовать вне исконного переживания, вероятно, это было бы чрезвычайно тяжело: возвышающаяся требой инородного пепельность искрила из всего, и логичным было предположить, что возвышалась петляющая набухающими нелинейными наростами, коростоподобными

татъбами лишь в самых неожиданных тому положениях ниточками масса наверх, беззастенчиво представляя собой гигантский, мертвенно пульсирующий местами звучным шёпотом притягательного норота ком стекающей влажным обескровленным худым наполнением тёмной плоти, но ничего подобного я не наблюдал: солнце находилось на своём месте, да виды всё же притаивались от меня своей несокрушённой обманчивой натурой, будто они планомерно что-то скрывали от меня для большего аккуратия: свершённой недостачи я так и осознал, только продолжая уже чуть более нервно наступать на свои ощущающиеся вострушечьими колкостями кроссовки: теперь приходилось чувствовать каждое колебание своего неподконтрольно извивающегося под заведомо определённым давлением милоти своей тела, истероидально происходящее от суженных остротой атрофировавшихся под нодьей тяжкой ответственности нервов кончиков самостоятельно поддёргивающихся указательных пальцев до неловко переваливающих мои ожиревшие напряжением удобной полати бёдра ног, и в осмыслении этом они только чаще стали слабостью своею запинаться, уже и несколько приостановив желание продолжать изрезанную неожиданными испытаниями дорогу, однако пошловатый азарт переиграть сына овладел мною окончательно: я сумею перебраться чрез эти тернистые залежи воспалившихся существом земляного и моим несоответствием ему в непощении ловушек и дойти до магазина: за мыслями прочими пришлось плотинистым сожалением удивиться: вероятно, я действительно очень давно не ходил этой дорогой: теперь мне необходимо пройти в узкую щель между одинаковых, перпендикулярно расположенных друг к другу каменистой сероватой неоднородной кромкой домов: я претиной несовпадения уже реального с реальным опешил, при этом в полной мере понимая, что ничего страшного не произошло, и хуже был бы вариант событий, в которых предпочтение пало на нынешний путь уже после появления немалого количества продуктов в моём заранее подготовленном рюкзаке объёма едва не походного: это было одной из могущих выдать мой сокрытый телос многих подробностей выхода деталью, однако уже слишком поздно: даже благодаря вызову такси сын вряд ли успел бы купить всё быстрее меня, если только он не решит в обнаружении опустошённого холодильника совершить доставку онных: этот вариант устрашающим мгновением показался мне чрезвычайно ужасным, и интенсивно чуть громко топающими повиликой рождённой в великом ограничении способности пятками я перебрался через несколько дорожек внутреннего небольшого парка четырёх пятиэтажных домов, откуда было два уже просторных обыкновенных, делящих с тем и автомобильную дорогу выхода, и оба из них для меня релевантны выбранной цели, ибо равноудалены от находящегося очень близко магазина: внимание моё перебил вычурный неприятный запах, только при сильном желании в котором можно было разглядеть нечто безучастно приятное: только периферией вшивотных бученистых вниманий отвлечённый взгляд непроизвольно устремился к происходящему

справа от меня: примерно в пяти метрах, на чуть возвышенном несколькими ступеньками первом ярусе детской площадки, три человека устроились сидя на условных стенках неназванного доблию находящихся подле нагорья и одной из ступенек следующего уровня: один, думается, прикрывал их собственным телом со стороны основных ступенек, с той стороны, откуда я сейчас направил свой воспалившийся теперь новым страхом вновь увидеть неприглядное, обличающее человеческое естество взгляд с мешающей, рассеянной гирловою грозною струёю серой оболочкой, причём функцию свою прикрывающий выполнял очень своеобразно, позволяя мне и в относительно быстром шаге рассмотреть наполненную мутноватой, принявшей верхним натяжением несколько еле видных отсюда крупниц зеленоватой плавающей пыльцы водой, неровно обрезанную и овсянную густым, втягивающимся при отдалении рук и выпрямляющемся торсе одного из соучредителей дымом менее крупной бутылки: голоса их выдавали еле проявленную мною неуверенность насчёт выбранной локации, и они, по всей видимости, заметили прилипшую на их деяниях деликатной, едва дающей жесты существа куделиной голову с передвигающимся, заставляющим уже изрядно повернуться ради хоть незначительного уделения честного внимания, почему теперь я словно за физиологической неспособностью продолжать обозначенный путь вновь устремился к дороге левой арки, и не знал я, почему переубедившиеся власами окружного ноги мои предпочли этот путь, но от такого изменения выбора я не ощущал ничего выдающего в неблагоприятном спектре, он казался мне объяснимым, телом: они с удивлёнными невозможностью их произошедшего определения глазами лопающихся белёсостей, которые я тогда ещё успел ухватить мимолётным слабым взором, начали фуксом громко перешёптываться, хотя их колодническое недовольство слышать, смею предположить, могли и сидящие на балконах всех первых этажей находящихся возле меня добродушными перстами агрегационного расположения четырёх домой, так интимно сковывающих все способности заточённых здесь случайно появившемся тримунтаном существ, и восклицали они агрессивно насчёт такого выбора и нетерпения двух из этого сообщества гедонистически настроенных бобылей: разгорелся полноценный спор в уже объявленный неограниченной громкостью голос весь, прекратившийся только с недоумения троих по поводу решения последнего ненадрывно всосать сейчас продукт своих стараний меж этой розни: через несколько секунд они уже начали с употреблением явно обценной лексики говорить, что при привлечении внимания так поступать нельзя, отчего направленные к ним сокрытыми малицами зашумевшие взгляды только усилились, и они тут же сделали вид, будто никак не относятся к произнесённому, словно они никого не знают и вообще мертвы, коли теперь пред распыляющимся ещё вонючим дымком не двигаются и не говорят: они действительно застыли, как я понял из удивлённых их недомыслием слов

куривших где-то в тёмном закоулке ради непривлечения внимания подростков: я даже развернулся: они правда притворились обездвиженными, в полной мере ощущая себя теперь ради честной скрытности не то распухшим под переёмом природного деревом, не то частью гулко звянувшей мгновенным опустошением площадки: пришлось вернуться к своему вектору в поражении искреннегостного телесного смекалкой этих юных смельчаков, и во время раздающегося одними неуверенными шагами пересечения арка на весь небольшой парк раздался оглушительный, отвлѣкший и уже отдалившегося меня чистый, первородный в собственном откровении смех, повлекший за собой еще три хохочущий жалонѣрствующим вниманием голоса: видимо, не выдержали преломления гематозэнцефалического барьера и своего вполне незаурядного положения: надеюсь, после этого они перестанут продолжать свои путешествия к располагающимся здесь уродливо внимательным дворам, если уж они хотя бы сейчас не у своих: облик они представляли достаточно безобидный и даже умиляющий, тем не менее не отягощающий их греховные инертным поражением пред страстью нечеловечным пододоньем несовершенного помыслы и образ жизни: не разглядеть в этом смехе отдалѣнно ужасное и согласиться на подобное времяпровождение – уже свершения искажѣнного такырой неблагой нищеты внутренней существа, и даже с последующим отказом выбор будет наседать над тобой голодным, плюющим оборванными жилами ненеобходимой повети оводом, с хлюпающими вдоль плоскостей близлежащих знобяником вырождающегося слюнями ждущего твоего остановления, разумеется, рано или поздно наступающего, и известняково-оливково-коричневый овод этот никогда не бросит тебя отвергнутой гривуазностью, хотя о нём и можно позабыть или переключиться на что-то другое, однако в минуты отчаявшихся порванными вязигами плачей ты коснёшься его и самостоятельно поделишься своей плотью ради остановки пробуждѣнного сладкой кислотой горького шума одиночества: тогда размывшийся сальным глумом истовых прекрасий овод и звонко разбухнет, звонко облизав системности, рождающиеся лыстом повторяющихся вредных испарений кажущихся адекватных, потом небрежно разорванными пластиковыми седаями молярами разгрызая опрощающиеся иступлѣнной категоричностью когнитивные способности и воспалѣнные тяжеловесным смрадным, лобызающим костности твои шепелявые гноем лёгкие, на самый конец оставив последние, выровнявшиеся млинным плоскостием излучины, когда процесс озобления смыслов уже нельзя будет остановить, ибо последующие стадии обозначают только лежачего больного, величайшего маргинала в самом пошловатом, отражающем лишь реакцию поверхностно думающего значении или мѣртового: для такого молодого, искушѣнного весельем индивида, кажется, только один итог станет возможным, коли он не сможет прихлопнуть нависшее дружественным вниманием усупое туповатое насекомое, точнее, прихлопнуть его можно было только на стадиях, которые

человек этот называл несерьёзными, насыщенными самой безобидной праздностью, теперь же едва ли он когда-нибудь сумеет это существо мучительно избить, жестоко зарезать копотью собственных сожалений, неожиданно застрелить камнем всесодетельного прощения или негуманно утопить: оно уже никогда не исчезнет, в очередных твоих, только игривых с того авгуристого сказания по поводу движений его убийствах просто перевоплощаясь во что-то другое: возможно, ты сумеешь превратить этого овода в безобидную, умильно складывающую свои грациозные конечности ёрой невесёлого времени антилопу или только изредка тревожащую тебя требованием накормить пухленькую гладкую пушистую красивую кошку, но самодостаточным человеком ты не станешь более никогда, в любом своём экстремально направленном к заданной ранее границе увлечении находя подобие того ощущения: конечно, столь односложные речи могут быть, как думают держатели воспалённых каменистыми кульями новых рождений оводов или пока незаметно петляющих в этом смиренном пространстве мушек, разгромлены относительно частыми случаями, когда человека всё же удавалось спасти от нависшей над ним кормящейся дежи существа, но проблема в том только, что очень редкий человек может в полной мере определить свои возможности рационально или хотя бы некой формулой, той или иной субъективностью земляного, телесного, плотистого, греховного, естественного, реального, динамичного, не затрагивая своё дисциплинированное существо: часто таких людей номинируют великими умами, однако они просто не так опошлили своё сознание, чтобы считать непрерывный отдых, наглый паразитизм и уродливое самолюбование нормальными практиками, отчего продуктивность выполнения задач волшебным образом выходит на будто выставяющую прирождённое выдающееся, едва ли позволяющее наблюдателю задуматься о собственной деятельностной неблагодой мелкости качество иную ступень: многие обладают некоторым преломлением, может, мешающим даже способному человеку воплощать хоть нещадно незначительную крупицу задуманного в жизнь, да в этом сожалении нельзя обнаружить ничего универсально стоящего после содеянного: человек просто сдался, не став истязать себя и приняв низость могущей в воплощении и превратиться в нечто невероятного масштаба прекрасное цели, как, впрочем, поступает абсолютное большинство людей: я уже дошёл до борошном рассыпающегося ветхостью предметных несовершенств привычного магазина недолжных реденьких вкраплений обсидиановых оттенков, с продолжающим звучать отрывистым, зеньчугом скатывающимся к колебаниям самым сокровенным гулом в моей голове сомнением насчёт того, додумался ли сын заказать еду самостоятельно, проходя сквозь автоматически открывающиеся вываливающимися, сбивающим со спортивного волнения высоким звуком двери продолжая ещё определять некоторой логотипической абстракцией вторичного путника трутня, но тут предо мной словно визионерским опытом возник кишащий своей смрадной

обаполой, пестерью скомканной образом бесполох несовершенств иных плотью гермафродит: видение это было мгновенным, не позволившим маммоной вобрать чувство обозначенное, и крошечные складки на уродливом, пролегающем под станом общего теле его ещё не успели червивыми острыми пластинками вьестся в мою напряженную до этого опадью излишнего память: вероятно, можно интегрировать в своё существо нечто нечеловеческое, даже противящееся неангельской сути испытующей природы и Бога: путь такой требует особенных, изрядно отрешающих от первичных установок условий и превращает человека в приглядное облику греховного чудовище, искажая не рациональное в нём, а девиантную субъективность: так привлекательная мягкость способна воплотиться в величайшем омерзении, и только с опустошёнными жизнью немогливыми сосудами удастся исказить их первородный грех, предместно переворачивая человеческий вид как зиждательское и методу сознания: такое удастся, кажется, только с тем, кто как раз и противостоит податливому, произвольно пришедшему в испарину мира нашего заданным условием шмелю аккуратно зовущего снизу воплем страданческих стенаний стонов воображённого цвета глицинии: я беру трескающуюся звуком крутящихся непрочных серых колёсиков тележку и, стараясь незаметно провернуть содеянное ловким покупателем, вытаскиваю из вооружившегося множественными пространствами кармана список необходимых продуктов, и тут же старающееся успокоить себя сознание моё было чудовищно взбудоражено ценой сомнительно являющих потенциальное качество долгожданной прелестью яиц по акции: всего за ничтожные для моего упорядочившего стоимости самые неприземлённые для меня космоса тридцать рублей я могу облагородить свою покупательскую корзину на целых десять единиц некогда могущих родиться бестужных цыплят: сразу две хрустящие своими оболочками упаковки ощутимой объёмности я мощной уверенной рукой кладу подобием поезда украшающую остатки своих трясущихся подвижий тележку, второй раз начиная свой путь с поражающей возбуждённым розовеньем стойкостью и шкляной готовностью к увеличившимся непобедимыми титанами вооружённых ядописцевым создателем пожелтевших обманом вострушечьего призыва ценников корпораций ценам: гипербулическим хозяином своего дома серьёзно нахмуренными лбами я осматривал не только расположившиеся самостоятельной волею здесь продукты, но и мягкие, сглаженные гулимоной сердечковой непечали лица, кажется, неприятно удивлённых этим фактом покупателей: будь у меня было время, я бы извинился, сейчас безжалостно преследуя почти каждый вне исключения ряд среди полок сырной продукции, сразу пробежавшись только затуманенным хрущатой надеждой сколоченного шпицрутенном строения прекрасного взором сквозь стенды с детскими, стоимостью своею превышающими мои возможности при самых незабвенных лютю пошлого благополучия прогнозах игрушками и самыми разнообразными книгами: вероятно, среди тех печатных изданий могли

копошиться редкие примеры достойных в моих весьма субъективных, не обязывающих при-
слушиваться к ним и уж точно отказываться от иного критерия произведений, однако
репутация продаваемых здесь книг была сильно подкорректирована рядом в моих
представлениях вызывающих некоторое сомнение безусловным вихрем передвигающихся
особенностей авторов: впрочем, люди, не столь заинтересованные даже в придавленном
кружалом признания скорее дурном желательности получить оттого удовольствие научном
анализе произведений или систематизации литературы с предположением сегментов
достаточно бедной художественной или любой иной ценности, могут и не разглядеть в том
несправедливого апломба надменно глядящего на подобную данность проходящего, отчего
подобные книги всё же имеют своего часто достаточно уникального мыслью покупателя: я
выбрал дешёвое, обнаруженное мною оставленным миром номадом с самых дальних
расположений молоко для относительно редких в нашем рационе сухих завтраков, любимые
сыном подорожавшие шоколадные сырки, пачку оливкового, на деле же мною несколько
ущемлённого в праве нахождения на столе, однако за пристрастием сына выбранного мною
сейчас майонеза без определённой идеи, куда бы материю такую направить, упакованный
самым обыкновенным, почти архитипическим, заставляющим внимательным взглядом путать
его с иными образом финский сыр для пока абстрактных чебуреков с сыром, которые мы
планируем приготовить уже не менее всё тянущего бесконечным сухим толчком распутных
неспособностей отвлечься от привычных или изрядно приятных занятий месяца в качестве
научно-кулинарного эксперимента, и ещё относительно массивный объём мелких, в руке моей
сдвигающих пальцы колючим неудобством еле порванной тулы объектов, в сознании моём
затмившихся новыми, воспалёнными энтузиазмом несмрадных вольностей задачами:
облокотившись о едва приподнявшийся оттого продуктовый подвод я с входящей в мои
укреплённые опадающими власами ноздри горячей, обжигающей металлическую материю
вокруг сиюминутной дерзкой ковкой струёй цвета персидского синего, исходящего от
мчащихся с близкой световой скорости обезображенных искажением пространства иридиевых
колёс плотного дыма проношусь сквозь нужные и нет мне отделы, бодро вспоминая
допущенную фанзой разрушенной плоти укрытия привычного ошибку, мгновенно
останавливаясь и возвращаясь к нужной полке: в темпе таком провёл я в магазине, видимо, не
менее тридцати минут, хотя и всё благоволило чуть ли не мгновенной развязке этого
подготовленного заранее события: страшно даже представить, сколько бы пришлось
находиться здесь, будь я более серьёзным по отношению к извивающемуся лёгкостью
заурядного становления делу: кажется, несмотря на очевидность моего водевильного вида,
некоторые наблюдающие меня покупатели абсолютно точно видели в первую очередь
разрывающие привычные тела нагбенного естество обыкновения ответственность и

усердие, однако едва ли я разделял бы их мнение, увидев катящего тележку взрослого мужчину с большей частью тела ниже уровня привычно расположенных в стоячем положении стройностями пешеломной выверенности рёбер только за вожденной приятной иллюзией повышенной динамичности: я пробиваю последний нужный элемент моей корзины посредством стоящих отдельно устройств для по каким-то причинам не имеющих ценник обеднённых продуктов и иду к шипящей гласом пробегающих нервным первенством покупателей кассе: вполне вероятно, что вид моей передвигающейся постукивающей ловкостью корзины ужаснёт любого стоящего позади незатейливой незадумчивостью стланного народа человека: горку на ней можно было бы поместить в отдельную, чуть ли не заполненную на целую половинчатость свою значительную другую, почему пришлось ощутить всё-таки облегающее ненадёжным станичником колебание числительное предволевым решением самостоятельно взобраться на величественную горку грандиозной обязанности, вставившим меня в иной неуловченный ступор: теперь необходимо было поспевать за движущейся достаточно быстрым опытным ловом лентой и разложить все товары, что стало для меня воплощением застывшего пред этим моментом крошечного, ниспадом воскрешённого новым гаком благозвучия кипящего ужаса, который я не перебарывал, но чему честным отказом от жизненного старался противостоять, долгие в восхищении внутреннего вопля минуты раскладывая продолжающиеся плестись самоназванным приятством троегранного волнения продукты и отчаянно понимая, что теперь я обременён их перемещением в уже разложенные подле падающих испепеляющими временные существа расположенного здесь циановыми метеоритами товаров, но пока томящиеся нераскрытием собственным под всё продолжающимися опадать тяжбой келейного единства пакеты и способствующий пока одному только излишнему потению рюкзак слились воедино с нутром намерений моих неграничных: навалившийся плотный, разминающийся истинностью своих поротеновых лжей перекрещивающейся метаморфозой сугроб неожиданных сложностей заставил холерически спешить, проявляя с тем ещё и вежливость во время выкатывания утяжелившейся грузом моих срывающихся физической немощью, стравленных обличем солнечных безобидных лучей катунов страданий тележки к её принимающим подобную весть с одной только молчаливой дружественной улыбкой собратьям: за тем всего лишь две ловкие профессиональные руки сумели с могучим страхом задержать стоящих за мной людей совладать с этим непростым, хтонически остужающим адские испарения негреховной вмешательности в окружении каурого бесстыжного вырождения делом, и во время озвучивания подуставшей столь интенсивным, вычурным и для подобной деятельности делом кассиршей стоимости мой слог вырывался пошло вдёрнутой в небеса мученически добитого облыганием народным прогресса ракетой или дряхлой, да

выраженной шедевром личностных стараний двухколёсной тачкой, на подскакивающих буграх возвышающейся яростной, раздражающей возвышения нетронутой лёгкой перхоты воспалениями дерзкой бурей, обозначая осведомлённость насчёт каждой необходимой для произнесения со стороны работника фразы, показывая уже наполовину заполненную должной плотностью коллекцию фишек свою для получения новых, использовав вынутую молниеносным, начатым ещё в отдалённых моим прагматичным взором столетиях движением карту магазина и оплатив именно предоставляющим небольшую, еле заметную за изрядно увеличенной стоимостью содержания карты непроцентную скидку банком: если б был спорт по покупкам, думается, никакой гроссмейстер меня сегодня не смог за даже неприятной подготовленностью к будущим расспросам обойти, и стоило с довольной ухмылкой деликатно приподнять, поблагодарив неготового к ответам на свои вопросы кассира за выполнение своего долга, надрезающие плоти, отвердевшие тренировками рук пакеты и насаженный на мои допрежными многочисленными пошевнями уложенные стройными мышцами неограниченной предметной власти рамена рюкзак волевым движением, как я, пройдя с дрожащими от вчерашних, почему-то забытых мною во время насыщенной другими мыслями дороги сюда занятий хрумкающими коленями несколько метров, встал: оказалось, я взвалил на себя слишком значительную ношу: подобно перевозящему во время неприглядно осложняющего быт рожином привыкшего к нелегкости дела неожиданно подставляющие своего давнишнего, доверяющего собственным сынкам неигривой откровенностью турманом потенциальных нелепостей владетеля вещи человеку, приходилось оставлять один всё же шевелящийся произвольной помощью пакет или рюкзак на первом месте, потом с вычурно переваливающимися из непосильной нагрузки туловищами подходя с другим на второе: так я все четыре пакета и свой рюкзак сумел не без подмоги отзывчивых, уставших привычным неприглядным невниманием на окружающее мимопроходящих вытащить на уже облагороженную светлыми отблесками хазовых опасений улицу: я за продолжавшейся после отпуска, принадлежащей мне по праву материи слежкой по поводу жадного самовладения ею вызвал такси, поскрипывая слегка крошащимися своеобразным свежаватым акрополевым вкусом молярами и прищуриваясь при попытке тем самым разглядеть в чётко очерченных, не допускающих иного представления пикселях меньшую стоимость: очевидно, сегодня я потратил непосильно давящую на меня будущей нищетой сумму, зато полностью компенсирующую моральный ущерб во время прошлых проигрышей сыну: в приятной тишине обливающегося неволнительным небезделием нетяжеловесного размысла отдыха, рекреативно упрощающего чешущиеся кисловатым таганом напряжения мои неспешного ожидания я иногда бессмысленно пододвигал плюхающиеся ближе к уже опасно звучащей гулом тяжеловесной скорости тюки отсечённой шизостью манящей возможности дороге и

надкусывал внутренние, обрезанные притуплёнными клыками, выросшими на себе тиновыми текстурными неограниченного неприятия бугорками розовой орхидеи, стороны щеки: я изрядно вспотел и был, кажется, непригляден, однако меня это нисколько не волновало: труд мой имел определённую, без рассмотрения дела с пакетами абсолютно чётко обозначенную изначально строгим умом цель, и перестать преследовать её я не мог: расположившееся прямо к наиболее удобному положению такси приехало быстро, да и водитель помог поместить удивившие своею вычурной тяжёлостью пакеты в весьма просторный багажник: во время приятной недолгой поездки обдуваемые ветряными непостоянными плевками оставшегося в земляном дуновения упавшие мокрые, за стенанием приобретшие оттенок хвойной, обросшей насыщенным цветом пухлой тычины локоны вновь трепались об уши и покрасневшие невольным ожиданием после свершившейся тревоги щёки: я слегка подостыл и расслабился, с тем трезво приготовившись к подъёму этого добра на наш этаж: водитель подъехал задом прямо к подъезду, даже, вероятно, несколько дерзнув внедриться на неположенную территорию: во время поездки он ощутил мою фуксом вымученную неготовность к разговору из обозначенной внешней вялостью измладных, да охваченных мраком вырвавшегося чудовища светочем петельных воплей журавель усталости и не стал обременять своим чисто практическим, могущим быть урезанным слогом, что я тоже оценил, сразу поставив в выдавленном ещё и дополнительным напряжением всех других сил своих за задействованием спрятавшегося препной инакодеятельного телефона приложении ему высокую оценку: предстояло преодолеть последнюю, должную объясниться наконец со мною выводом решений оставленного в голодном одиночестве сына сложность: удивительно умиротворёнными несколькими секундами я, героически возложив согнутые прохудившейся остовом своим неновым клунькой руки на скатывающий их постепенно пояс, разглядывал привычно обременённый необходимостью интегрироваться в него и свершить ещё что-то подъезд, вкушая скорые трудности, как неожиданно возник слева меня дедушка, начавший говорить о готовности помочь и даже попытавшийся взять уж точно перевешивающий его оставленные, вероятно, даже не болезнью, а ещё позволяющим преодолеть нечто значительное простым возрастом способности пакет: доброта его умилила меня, наделила мастабой, свыкшейся с форменным концентратом собственного величия силой, однако от предлагаемого я дружелюбно отказался, с новой мотивированностью схватив испещряющие ладони пышущими грязными дойными разливами широчайших разделений пакеты, надев взмокший телесами моими рюкзак на уставшие уже весом налегающей громоздящимся звоном тяжести, разрывающимися засаленными натянувшимися сухожилиями, тоннами бурлящего гноем цосна футболки плечи и с благодарной улыбкой прощаясь с моим ранее потенциальным, существующим уже давно будто в вовсе инаковой, лишённой опошляющей

естество живительной динамики возможности неблагодарного реальности помощником: я преодолел первый этаж на одном дыхании, после поэтапно поднимая уже по два пакета за пять ступеней: при схилившейся готовностью служить смелости перед действием его осуществление стало абсолютно лишённым былой предсказуемой сложности, и дверь я открыл облитой скромно напыщенными толстыми светлыми, передвигающимися пиявками сосудами держащей обрубавшие перста материи матери рукой, дабы впечатлить своим монструозным, новоявленным иссиня-графитовым безмолвным гигантом нагромождающегося лёгкого шума явлением: кажется, будь сейчас на пороге ожиревшие приятным запахом кули от доставки продуктов или приготовленной еды, происходящее напомнило бы скорее страшной трагичности сюжет, однако стоило мне переступить чрез неширокий увал дома, как сын, воодушевлённо поприветствовав, ещё смотря в цветущий на лице его радужкой опадающих свечений монитор и заканчивая работу, сказал, что я очень вовремя, ведь он проголодался, ведь он хотел бы поесть фруктов: вероятно, примерно две трети одного из моих пакетов полностью наполнены были свежими, исключительно любимыми нами, готовыми на преступление благородными ковами сладостными плодами: далее день обозначился восхитительным, побуждающим наконец снять с себя путы бывшего ужаса пестрядивого, неразрывно скрепляющего плоти потенциальных возможностей самыми долговечными, скрупулами возвеличенными знаменательным, преломляющим шабалку безначалия в деревянной, изрезанной слезящимся кисловатым, проникающим в поражённые непрерыванием трехавые сковы совершенного домёка нестанового изящие плоскостных ограниченностей запахом металлом крупной бруснице единством цепями плетения образом, и общими усилиями мы разобрались с уже разложенными самым мудрым, свершённым и в бытовом граничье неприкасаемым негативной критике шедевром подходом продуктами и давно навалившимся в отвлекающей занятости безвонным втамежем прошленного лада желанием поесть: почти всё последующее, пробежавшее вполне быстро вечернее время было проведено за готовкой привыкших к нашим властям незаурядных салатов и чебуреков с сыром: эксперимент в лучшем своём воплощении оправдал самые скептические, опробованные одышливой влагой неуверенности в человеческом ожидания, и только едва умещающееся в планы неблагих резальтий замечание одно мы могли упомянуть по прошествии этого сытного жирного, вкушающегося в наши избитые сальными полезностями молниеносно летящим в излитые вонючим, выбивающимся вонне особой вычурностью соком желудка пигаргом ужина: наверное, стоило комбинировать сразу несколько видов сыра, отчего мы достигли бы невероятно разнообразного, ещё более серебристого гладкостью своих подыгрывающих всеобщему предпочтению манер вкуса, хотя и с одним только финским смоглось приблизиться к новому, оставившему старый обособленным вторичным прилогом

стоустого косноязычия пику нашего кулинарного мастерства, и мы, расслабленные всеми значительным упорством своим и пробирающим разрезающими размягчённые твёрдостью призорного падения мышцы молниями голодом, стали лениво убираться в загрязнённой часто каплями осевшего суховатыми лужицами липких разводов солнечно-жёлтого в огранке плоти воздушностей нелёгких масла и нечастыми, но очень неожиданными щепотками рассыпающейся ветхой пылью осевшей и осевших на человеке страданий муки или соли кухне, зато по завершении несложной работы крупная тарелка с ещё большим количеством готовых, даже местами пишущих еле видными, сокрушающимися под влечением хлада окружного телесного облачками чебуреков призывно обрадовала наши едва отвыкшие от привлечения глаза, и мы сели смотреть давно заставленный нашим вниманием фильм, но за столь сурово нагромождённым на переваривании вновь незаметно лёгших в нас материй хитростными тынами истинных непослаблений вниманием организма просмотром, очевидно, далеко не из условно недолжного качества произведения мы несколько раз засыпали, в конечном счёте решив досмотреть уже завтра и удобным прилеганием к прохладной, удивительно удивляющей каждый раз телесием своим неизрядным постели расположившись на своих кроватях: в уже сомкнувшихся волей проглядывающего сквозь останавливающуюся вздёрнутыми сосудами правдивого иллюзория юром иного, отличного от установленной парадигмы могущественно необычного существа реальность сна прозрачных веках я пожелал сыну спокойной ночи, однако он уже линно спал, как, впрочем, и я; осталось преодолеть только три ступени, конец уже очень близок: повторяя эти возникшие противоречивыми плотностями присударевого внезапно аматёрых гласностей, исконного во мне остова слова в обозначенной так просто из одной привычной бедности языковой голове, я бодро распахнул изуродованные нарастающимися кверху отвердевшими остриями расположенных шизыми шепелявыми звонкостями принципиального девства чуть более честного в воле исконного существительного плотностей буграми глаза: я бессонно проснулся: сын вновь работает за состоящим в идеальном приглядии внешних незапылённостей компьютером, но не это сейчас будоражило мой оставленный уже точно обыкновённым наблюдателем если не ужасного, то больного, самого неприглядного в запойменном гаке чехглых стенаний моих, что уже срослись с правдою излишне возящимся грязевым, облегчающим зефиры натянутых слабостью норотов неспособности далее изрезать плоть внешнюю внутренним, отказавшимся теперь окончательно от признания собственной вины в этом неузарядном в плане отсутствия неестественного искажения пошловатой обыкновенной психике за превосходящим обособляющий тебя вполне себе достойной прощения небожественных редких пешкетов глас почти натурального ужасом истинного преднамеренного, в полной мере осознанное неспособностью простить иное существо в лице общего, трескающегося изнутри

неправильностью осязания глухого пьрта извращения простом деле согласиём построением: произнесённые про себя слова отдавались в моем трезвом восприятии дурманящей, пытающей невозможностью принять смрад собственный гноющейся болью, словно то угроза наступающей окончательной решимостью изначально изуродованного смерти, обозначающая мою даровитость ещё каким-то влиянием на ситуацию, и подбивающаяся за тем и семенящим в металлическом блеске человеческой немощи эхом озабоченного излишнего давёжа невнимательность, как мне простовато показалось, была бы фатальной: без обозначения признаков своего пробуждения я вновь закрыл пята, возжелав восполнить пропавшие иступлённой негацией истинной, не спрятанной под аристократическим признанием абстракции в виде неприглядия мрази своей знания: видимо, эта фраза прозвучала в сегодняшнем, отдающем вонью стравленного сухостью скорого превращения загуменя сие, что я понял по слишком ярко визуализированному возникшим в голове сразу после пробуждения размыслом немоего образу: была ещё предпринята попытка вновь впасть в отчаянно подражающий былому естеству правящий истиной дурман, однако тщетность прежде направленного на вполне предметное влияние желания этого обозначилась вычурно проявившейся во мне бодростью сычёной прелести неверной, излишней в проявлении подобного неприятия любви к себе предельно неуместно, и я с внимательной расчётливостью постарался повлиять хоть как-то на свою огороженную иллюзорностью фантазией и память: откровенно говоря, моя пробужденческая инфантильность не позволяла в полной мере рационально подойти к тычиной восставшему под плотнейшими, проникающими своим степенным складчатым могуществом нединамичной греховной сутолочи корнями сталистого обманчивого осочья вопросу: думается, едва ли и несколько раз в жизни удалось с таким пылом и очевидным отсутствием потенциала формой размытых совсем уж отдалённой материей опорных точек сна возместить в сознании только что пропавшие явленностью невозможия неметафизической боли, инкрустировавшего прорастающий бесконечными верёвочными гибкими путами цикломеного искристия камень перерождающегося непривычкой к наказанию величайшего страдания элементы: я почти навязчиво сильно сжимаю обставленные колючей коркой согнувшейся выпучившимися очернённым блеском гигантских развевающихся рубищ глазнапами выи веки и стараюсь без внимания появившимся редьковым, размывающим пространственность инородную пятнам взоров углубиться умом в сонную темноту ради забавного мимикрирования под ночные, уже явно отделившиеся несряденью с настоящим условия, и неожиданно я стал ослабленными пылью Морфея воспенными больными суставами удлинившихся монструозным марьяжем пальцев разрывать едва истончившуюся пелену нынешних воспоминаний, и тусклая, еле разборчивая картина из бессвязных сочетаний соединённых оттолью отошедшего образов слов,

влиятельных поверхностных впечатлений и шартрезовых трехавых форм наконец словесных полуфонетических тактильных отзвуков стала обретать осмысленный системным квоуканьем вид: сон начался близ нашего города: я изливающимся добрыми, тепло выпрыгивающими длинными тысячными роями пименных подслащений гравитации буродовыми червями чревом своим кровотоющим был пронзён толстым, отходящим жирными, выпрямившимися длинными ветвями занозами высушенных опасий колом, хотя и длина его была сокрыта безмерной загадкой от меня, ибо трясущееся инертностью одуряющей бездумием боли лицо обращалось к облагороженной алыми искрами тухловатой, кочками поражённой земле: я постарался стигматизировать происходящее, по крайней мере, так я, вероятно, мыслил во сне, где каждая идея отражает не действительно возможный ход моего рассуждения, а скорее символичное обозначение проставленного язвами событийного куафёрства феномена некоторого: там я посчитал ситуацию не столь пугающей остолбенением кишкоотводного оркана, сколько требующей нахождения выхода из неё, и с реалистично вываливающимися клубами свернувшейся воняющей крови я старался сперва полностью прислониться к холодной тёмной земле с новаторски бездельной идеей об особенной форме нанизывающего моё колышущееся значительными ветрами тело, усыпанного линиями врождённых в небольшую глубину вертикалий кола, при которой я мог бы освободиться от оков в относительно уже неинтенсифицированном приближении к источнику условно выбранной с реденьких тонких верхов чрезвычайно сложных покровов проблемы, и будь я существом, вместо ослабленных человечием тонких, могущих покрошиться лёгким дуновением выброшенной потемой вливающихся глубоких окружений тяжести рук раскидывающим заострёнными высотой должного стенания бурами, думается, такое отношение к происходящему явилось относительно разумным при учёте возможности выжить со столь гигантской, паразитирующей лихобыльным безумием на умности былой травмой, но я представлял собой весьма заурядное человеческое существо, при этом даже ощущающее трущую вонзающимися разрывающими нервность обыкновенную прочнейшими рикшами занозами высоту каждую этого деревянного гиганта, но долгожданная, испытующе отдаляющаяся каждый раз блюющим накопленной ради серафимовского умерщвления порошком болью паяцем смерть меня всё не настигала, и станущие кусать сжатую в полотно градирное плоть мою и откладывая туда лобызавые друг друга, раздирающие тонкости иные слюной личинки насекомые стали слишком сильно нагромождать мою нервность в относительно спокойном перед этим проведением времени за слежкой переливания тёмно-синих и разнообразных светлых выдающихся бликов по поверхности чуть ли не чёрных цикавых непоступательных бугорков и местами выступающих верхом впадин словно вскопанной гулом отрешения греховного земли: шафрановые хрущеватые полосы виднелись

иногда вырастающими ко мне острыми, вырезающими облачность ниспадающего кремнистая листьями столпами, тут же испаряющимися тревожащимися грязными поверхностями наволги неявленной полусферами цвета песчаника: думать об этом уже не было желания: нужно было сбежать от шуршащих в сосудах моих наступающими стучающимися вольфрамовыми острыми шестерёнками титанически сломленного вечностью жарника насекомых: пытался я и отталкиваться в уподоблении неловко выкрученным неумелостью отжиманиям, и взбираться вверх, но всегда ограниченность вымученной безволием подготовки моей не позволяла добиться достаточного результата, хотя справляться с большинством неприятно вмешивающихся в моё тело ючными шершнями это помогало, и в попытках тех неудачных пришлось понять: я нахожусь в очень крупной своей шириной и небольшой высотой копани: мысль эта посетила меня далеко не сразу: ноги ударами ослабленных лишённостью шлёпнувшейся неровным листом абрикосового щербета кожи суставов колен даже прикладывали усилие к разламыванию воспалённого неограниченной властью кола, но ничего не вело за собой пользы, однако семенящая истеричной тяжёлой рвотой кровь бесконечным ручьём продолжала проливаться подо мной уже ощутимо глубокими, оставляющими существо снизу блыканием расположенных плотий лужами, и ради сохранения уровня выше жидкости своих обрадованных властью телес пришлось опираться на удлинившиеся выбранной позицией окружающего несмертельною силою пальцы напрягшихся готовящимися лафитами отвердевших искусств ног и рук: копань не похожа была на простую природную ямку, ибо вся её поверхность представляла чуть не полностью плоскую, искусственно выверенную к краям землю одного уровня, но и в природе панельности появились чуть подражающие недолжной темрявости сомнения, ибо она вообще не изъясляла желания впитывать облепляющую углубление будто естественным нагромождением выбрасывающейся големостью излишнего слизи кровь, и в приближении к носу даже с самым отдалённым от почвы возможным расстоянием я понял ужасающую хоть меня природу этого неправдоподобно естественного сооружения: не знаю только, чего ради вырытая яма была сделана столь неглубокой, ведь возможности моего тела, кажется, были или инерциально безграничными, или высота как раз и обозначала расчётный условный предел: сперва выкапывается ров с обязательно одноуровневым дном, после изнутри он покрывается особым герметичным веществом, внешне напоминающим обычную влажную лесную землю, в середине или сбоку, что, кажется, не сильно важно, вживается забобней небезобразного кол, а на него уже насаживается выделяющее колоссальные объёмы жидкой крови существо: вероятно, благодаря такому производству можно было бы оптимизировать расположение иным образом множество не только медицинских, но и бытовых задач: перерабатывать из безмала бесконечного источника жидкости кровь можно было бы и в питьевую или

техническую воду, используя остальные компоненты уже в не менее важных целях иных, возможно, и более прибыльных, так как фильтрация будет всё же дороже использования природных водоёмов, без того хорошо справляющихся со своей выгравированной аматёром вселенской негативной инновации задачей: выразить хотелось лишь, что продукты тела моего можно использовать безотходно и с немалой выгодой, и раз уж нужно найти потенциальную причину предпочтения воды из онного, справедливо предположить о своём нахождении в непригодном для бурения с целью получения воды скважины и слишком далёком от остальных вместилищ жидкостей месте, хотя и в современных, сильно обособленных, кажется, от нынешнего положения вешалами инородных, безограниченных точноно принципов реалиях представить это достаточно непросто: не думается, что условленное строгостью политических небогунных предпочтений использование артезианских африканских вод было бы более иррациональным из-за скорого истощения и климатических условий решением, оттого даже тяжело представить потенциальное место своего нахождения, и в неконечно определённых грохотом бессмыслия поверхностных думах этих я стал окончательно затапливаться плюющим уже едва различимыми по краям пузырьками вязких, обнятых густотой леодровых внутренних шипений турусского помещения в спектры светличного влияния и самого тёмного, обрадованного остроколкостью порывающих ветви страдания в теле твоём теперь ненемощном ограничения расщеплений существом в собственной же крови, да и конечности мои более не смогли продолжать изживать визжащее невыносимой обыкновенным, лишённым ошибочно бесконечно духа некошным адовым признанием вселенской божественной неошибочной особенности выявленного страдниковым пышием облитой красочьем вырывающейся с утолщённых массивностью инакового мыта мытарового мытного мытания мытательственного помытованных мытий вен жировых образований воли человеком боли стенание, и проще мне стало просто еле не замертво в развёрстой возможности упасть, хотя при особом желании ещё смогло вдохнуть немного проникающего тяжёлыми, скривляющими выдавленные барочными множественными хрупкими узорами хрящики каналы мои мясистыми воздуха, ибо площадь поверхности была исключительно велика: в проигрыше пред становящейся столпом несколько синтетического сааза траковых повторяющихся песен стихией я коснулся своим изнеможённым остальным усталым лицом этого подобия вымученной выгоды земли и закрыл схлапывающиеся бумажным звоном заросшие власами глаза, уже представив внутри сна свою онтологически предрасположившуюся к ним прилукой будущего смерть и то, насколько эти ощущения были бы правдоподобны, но стравленные сухостью ненеувлажнённого града кравчего величия веки открывались слабыми потоками отяжелевшей весами значительными крови: я не умер: видимо, подобная участь в реальности бы и ожидала большинство условно бессмертных

телесием существ: их бы просто использовали в качестве сырья в ловком обходе законов или в тупом развитии ущемления посредством не самых убедительных исторических или даже пошловато философичных, достойных в учении, да к сфере такой абсолютно непривычных фактов, к реальности едва ли имеющих отношение своей вполне полезной абстрактностью, что и должен воплощать в работе естественный тактик, ибо почти всегда деятель такого грязного подлого труда оперирует тем, что нельзя пощупать или почувствовать в обставленном духмянистой реальностью отошедших зловоний времени, только в пользу своих неприглядных разбойничьих целей, честный же человек подобным быть не может, хоть иногда они и выполняют такие же функции и занимают похожие посты: бывают и идеологи, и политические художники, и просто хорошие люди, ситуационно стремящиеся к улучшению жизни населения, однако едва ли такие фигуры известны многим в подобном ключе за кричащим окружающими апломбом пражёного модника: вероятно, я размашисто расплываюсь в давно переставших развеивать полосы оставшегося во мне воздуха невысоких спокойных волнах этих уже не первый час, наблюдая только отдалённо напоминающие о своём действительном, прорастающем селадоновым глуповатым, не столкнувшимся на пути своём с иными проблемами, якобы роль которых восстановил он в остов существа собственного, навязчивым виде еле заметными чертами, почти полностью затемнёнными гранатовыми и рубиновыми непрыгающими тенями, и смирился я уже с этой участью, даже надеясь в последние полчаса выплыть из ненетуго сдерживающего меня сейчас скорее ввязанным в плоть непейзановского молчаливого спокойствия невымученной тишины обособленных стонов проникновением кола за счёт прибавляющейся высоты моей увышающейся позиции, но тут я услышал шипящий громкий звук всасывающейся воронкою подлыжной надежды жидкости, в которой я плыву, звук вытекающей, звенящей страстью материального прибавления крови, и только десять секунд прошло, как нечто в земле будто распахнуло свои окончательно облачившиеся поглощением бывшей моей материи крупные давящие рты, и вся руда за считанные, пробежавшие безмолвным сомневающимся сожалением гривуазных мечт секунды пролилась сквозь дно этой монструозной копани: с тщетное мгновение я еще находился в крошечных, оттопыренных еле удерживающей меня имовитой виселицей палочках из острого столба, быстро и грубо вновь плюхнувшись оземь: лицо моё, как мне показалось, теперь изуродовано и влиянием раздавленных широкими рассечениями мышц, но взглянуть удавалось только на оставленный плывущим к инородному шматком кровавый след, и земля словно была первородным образом обнажена тогда, и немедленно лишилась она любого привычного алого следа, а смрад же от гигантских, обильно вызволенных в инаковое кошмаром мучительнейших, сперва некричащих терпений объёмов кровав всё ещё ощущался особо явственно отовсюду, и предположение моё было таково:

сперва выкопанная, возможно, и предположительной системностью сущностных общих увлечённостей природных яма получилась значительно больше: обита она была прочным форменным металлом или искусно выложенным камнем, после пришлось оставить полое пространство глубокой трубкой уже в настоящей земле, ведущей к некой лаборатории, мощным фильтрам или заводам, следующим же слоем стала гигантская губка для отсеивания насекомых, песка и прочего, причём никто не говорит, что она обязана быть односоставной и простой, в этом веществе и содержатся сейчас тормознувшие своё движение, окрашенные кровью небольшие, выбранные новостью моего раннего непребывания здесь онученным подготовием элементы извне, проявляющие свою семенящую в ворсинки узких ноздрей стенью первичного уродства вонь подобно целому колоссальному резервуару, и последним материалом стала как раз эта землеподобная бутафория, которую должен был отделять от губки гибкий, раскрывающийся внешним и внутренним сокрытием природной естественности механизм, кажется, полностью выкладываемая навесу, то есть быть ей необходимо ещё и чрезвычайно прочной: бутафория служит обтекаемыми проводами пробивающейся здесь в том числе наиболее желательными формами крови, просто проходящей сквозь неё к условленной выполняющим тысящинное влияние колового губке, и вполне вероятно, что почва даже слегка отталкивает от себя к нижним и боковым пространствам чуть не магнитным полем кровь, ведь никаких следов вовсе нельзя было увидеть на ней, и тем понятнее стал факт, что не ощущалось изменения внешнерасположенных привычных песчинок: можно рассмотреть испещрающее только уверенным кострубносгораемым впитыванием, но не неточным колебание, и в кровавом, держащем ещё плоть мою бассейне удавалось, очевидно, взглянуть на неизменную прилуку просто сквозь призму жидкой, расплавляющейся будущими статностями громоздящихся покаместным невозможием лунностей линзы, но не это теперь имеет важность, а образовавшийся в моей голове за время инертного, реагирующего лишь на внешние опружины плавания план: по всей кажущейся очевидности, единственный логичный выход отсюда: сокрытый пока от не могущих оглядеть зад своих телес свернувшимся позвоночником из его продырявленного капанья точечного бученья полного паралича глаз моих наконечник кола, хотя только в продукции самого глупого и с тем в некотором роде выдающегося инженера возможна была бы такая сложная конструкция, с которой можно незамысловатым, опирающимся на одни только расчёты и полную невозможность претерпеть в механизме этом предметно повлиявшей на устройство лакуны образом сбежать: вполне вероятно, что сверху эта деревянная, причём предпочтение подобного материала до сих пор для меня абсолютно неясно, неполая труба замыкается крупным, уверенно продуманным балсамом бесстрашия моих стенателей ограждением, однако не готов я уже сейчас сдавать только начавшие торжественно предполагать спасение свои позиции и оставаться здесь,

ожидая нового повторения цикла, до удачной случайности, когда кровь вновь выльется за неопределённо обозначенные мною в той условной модели границы гигантского бассейна идентифицирующими готовность выливания новой партии своим или, вероятно, даже губчатым размыканием полости подле реальной поверхности: я, вновь аккуратно рассматривая все подающиеся сюда отголоски земного медового света, единственно обозначающего мою относительную, на деле только плескающуюся необычием вычурной силы двоеданцеового системного упущения близость к свободе, встал на склонившиеся опробованной бутафорией ноги в неестественном, ещё более болезненном, изламывающем сомнения размещении и попытался выпрыгнуть хоть немного, да удалось только диагональной изрубленной кокорой поскользнуться и образовать ещё одно светящееся на слабом солнце, пока восстанавливающееся только соком стекающих наличий жирное мясистое малиновое пятно: кажется, болезненных, страшно обнажающих пределы внимания бессмертия на подобную физичность весьма простенькими страданиями скорее количественных попыток попыток этих было более тысячи, да и пробовать получалось лишь в отсутствии наливающихся высоких слоёв крови: в противном же случае я просто привычным образом уплывал к уже беспрекословно влияющему соскальзыванию неумело состязающихся с моими изначальными, будто за эти шансы улучшенными навыками центру с тем и слишком быстро наполняющегося прекословием язвенно гогочущего радостным волнением сибарита сосуда, долго и бессмысленно качаясь на воле так необыкновенно легко сдерживающих бессмертное волн: вероятно, прождал я многие сотни таких циклов, в конечном счёте сумев совладать со стихией своего травмированного и разрушающим сознание гулким стенанием тела и впервые немощно подпрыгнув примерно на десять сантиметров: в жизни, разумеется, это проносилось еле ощутимыми мгновениями, но во сне я провёл за тренировками в условленном эквиваленте динамики реального не менее мучающих тупой, ноющей, семенящей, искрящейся, взрывной, содрогающейся и величайшей болями десяти лет, с началом каждого цикла с десять минут прыгая снова и снова и с последующим временем просто отдыхая без знаменующегося отсутствующим сейчас искажением личностно-генетических начал непрерывного сознательного полуприсутствия хоботных неприглядий моих отдыхом засыпания: наконец, теперь я прыгал до самого высочайшего, твёрдостью надорвавшего кости мои раскрошившимся ограничением невозможности выпрыгнуть из него обычным обрыванием одной поправляющейся стороны исключительно инакового конца ценностной ориентации испытательного бытийного вязкого чаруса сооружения, чувствуя расплавленным сочащейся кровью мешком спиной ту самую сдерживающуюся плоскость: оказалось, высота выходящего уже за глубину вываливающего расшивно плюхающиеся смиренным потоком ловящей крупности свои омалюдные бессодержательные паутинки

кровавые сгустки мои лишь на свою продуманно обозначенную сильно ниже верхов свободных половину рва кола превышала примерно двадцать метров, отчего и прыжки мои теперь соответствовали той величине: внизу всё оказалось весьма странно: трубки, о которых я только предполагал в качестве подслонных механизмов, были представлены множеством глубоких, сокрывающих тьму непроглядную, завывающих звоном однородия отверстий, выстроенных в одном ряду внешнего металлического цвета и, скорее всего, содержания, за углубившимся в края ямы рядом простиралась бескрайняя безинтересная, обособленная от иного пустыня, по крайней мере, до сих пор я не увидел ничего, кроме своего плескающегося наполнением и выливанием кровавого бассейна, дополнительных, повторяющих собратьев яменных, окружающих краешки уставленных сиречностью нескончаемой подстраховки отверстий и песка с интересно повторяющимися подобные мне движения прыгающими непривычными прочными насекомыми: даже ни одного растения я не встретил за возрождённой чем-то совершенно неземным, повторяющейся каждые месяцы рождением своим поверхностью бутафорской земли: ещё с сотню циклов я пытался пробить плоскость спиной, но понял, что теперь нужно развить свою силу до ещё менее напоминающих способности человека монструозных, раздавливающих скуку мою пока достижениями ещё прозелитовых навыков: теперь нужно было уметь использовать в роли вполне удобной, позволяющей за укреплением силы продуктивнее проводить время плоскости гладко сдерживающую кольцом необъяснимых кожанов проклятого невозможия кровь, окончательно перестать отдыхать и повышать свою ударную, развивающуюся под параллелью новых сложностей мощь: на это ушло около ста лет: вероятно, пришлось сильно преувеличить, ибо внутри неестественных реалий сна едва ли удавалось трезво взглянуть на обставленные седёлками реальной иллюзии вещи, и не сильно удивлюсь я, если надуманный мой век времени окажется неделей или тысячелетием: меня это не так сильно интересовало: более хотелось достичь спортивного, вышедшего за границы личностного идеала результата и пробить уже эту трескающуюся надрывно надменным долгоожиданным хрустом плоскость: примечательно, что потенции выбить кол или сломить бутафорию я даже не обозначал осуществимыми и в значительно укреплённых наиболее непродуктивным путём силах: если трещины в верхней плоскости пошли ещё в первые мои серьёзные удары, то даже с нынешней силой я не могу поколебать твёрдость кола или целостность искусственной почвы ближними, только случайно попадающими в необходимое ударами: амортизирующая и тем ослабевающая мощь моих округами оставляющих внешние подобия воздушных пешеломных слабостей прыжков, хотя и делающая расстояние между опорой и целью меньше кровь только что отлила и освободила мне твёрдую, гулким эхом отзванивающую при щемящих материю прыжках плоть: не знаю, различны ли в реалиях сна навыки скорости прыжка и условной

ударной мощи при нём, но развивал я их точно отдельно, теперь достигнув великих успехов во всех излитых множественными моклыми дратвами продуктивного ограничения направлениях трёх: давними, обрадованными расщеплением дормезов моих содранных временами я, полностью оголённый, привычным образом резко опускаю кровавые, удивительно прочные внешностью своею пытошной ноги содранными пятками книзу, а затем и всей мощной, белёсою крошечными, едва ещё продирающимися сквозь туман бурдовых излияний ливных неединств палистами скошенной ударами стопы, сгибаю налитые выпрыгивающими многочисленными ржами сосудами, ожиревшие плюхнувшимися сливовыми прохуdivшимися искорками поверхностью ноги в разрывающихся и с тем уминающихся окружей лютю неветрогоновой бессмертной неопасливости, шипящих собственными излияниями коленях, с глухим шипением вдыхая разряжённый впившимся в твои лопающиеся тела только укреплением плоскости достылых мгновением сомкнутых острейшими складками медвяных жестокостей воздух, сжимаю плюхающиеся порванными связками от моей силы, заросшие чуть третичной, столь иной, что испаряется от неподобия оно не то в страхе, не то в неспособности двоичного субстанционального проникновения в продырявленную мною данность, плотью руки и выстреливаю выдающим сильнейшую, жантилево продравшую жёсткость общих ногтей моих безвласых ударную волну прыжком: кажется, лучше я ещё не прыгал: спрятанный внутри надёжного бессмертного кокона рёбер глас мой развернулся и тоже ударил хрустящим громом гигантское, столь долго содержащее меня неуютным болезненным испытанием тщетно скрывающегося нежеланием думать о нём весьма завораживающей целью стенания сооружение: неизвестное мне количество времени я ничего не осязал, хотя знал, что существую: видимо, мозг мой размозжило, и время это понадобилось его восстановлению: думается, теперь я понял, зачем кол делался из дерева: чем-то он притягивал меня, не давая всё же отсоединиться боком, просто выдавив рёбра и срегенерировав потом их уже в освобождённом состоянии, что я в опьянённом страданием фантазии представлял многие тысячи раз: я выбрался единственно возможным образом, если его с большой оговоркой справедливо назвать возможным: я встаю на снова отросшие без переломов и травм, удивлённые третичностью своею ноги: удивительно, но как-то они сохраняют своё умолкающее о верхних шатких слоях моих быстро отрастающих усиленным будированием прошедшего слабостей общее благополучие после столь травмоопасных прыжков: упрощая до материй арифметических, вероятно, некоторые неизменные бессмертные, сильно отличные от третичных клетки способны воплощать мышцы и все остальные составляющие тела в адаптирующихся посредством частых срывающих повторений веществах большего, включающего фантомный опыт иной субстракции сложносоставия: набухшая силой спина моя стала значительно прочнее, хотя восстанавливать

её приходилось едва ли не из того же состояния, что и мозг: я постепенно встаю: всё тело моё девственно нетронуто теперь абсолютным здоровьем и наго, и теперь удаётся увидеть весь остальной вид: распростёртым долгожданным пейзажем оказалась чудовищно пугающая бескровием моей отсутственности посредством пытки динамика: вокруг этого, кажется, давно заброшенного бассейна видна одна только иссохшая испытно однояковым однозначием пустыня: никаких деревьев, сооружений или людей с животными: одни крошечные привычные насекомые возвышались лишёнными необходимости тесниться суродными владыками этого мира, и они, думается, использовали продукты моих стенаний в самой обыкновенной, предельным образом утилитарной роли еды: значит, где-то есть пока воображаемые мною длинными разливами низлетающих роскошных пошлых водомётов поилки или обставленный первозданно определёнными сгинувшими создателями узорами пруд из крови: значит, вокруг не только пустыня, по крайней мере, теорию эту я натягивал в чувствующем всё ближе смрад отсутственного вкуса голода сознании до последнего: даже понимая, что плодиться эти самые насекомые, на которых я зазря обращал меньше всего внимания и которых вовсе не могу теперь никак классифицировать, могут в большой глубине, куда и возможны быть направленными стоки моей сливающейся до того гневным оскорблением обмысленного произвольным неуважения моих горестей плоти, а сомкнутая вероятной случайностью наших связанных только отдалённой случайностью дробящей жирные кожистые плёнки связи столкновений жизнь их или в начале своего пути, или почти полностью может состоять из перемещения с глубин на солнечную пространственность, даже полноценного подобия земным процессам не дающую в силу, видимо, полного отсутствия ночи, отчего здесь и неприсутствует испаряющаяся от меня одного отошедшим синклитом узывных прав иных влага: в момент сознания того пришла в голову идея, согласно которой и бассейн со всей его сложно структурой, и сам я могли быть монументальным следствием вырождающих часть видов превращением в отдельные сегменты этой конструкции эволюционных инстинктов некоторых или всех нуждающихся в источниках воды насекомых, что могли создать меня и в одной только форменности искусственной бесконечной машины по выбрасыванию осеменяющей новыми рожденьями земляное самоотрадным каплуном генетических излияний крови: это уже не так важно: предо мной возвышаются обломки той самой, как оказалось, двухметровой в толщину жёсткой, отравленной трещинами моих дерзновенных, противляющихся должности вселенной этой третичностью духа проникновений плоскости, высокий, только сейчас перестающий выплёвывать с краёв своих ниточки сошедшей руды блестящий столб и молчаливо смотрящие на меня остатки этого уродливого, полностью обитого рудой моею цвета блошиного брюшка механизма: ощутив всю спорину своих былых, направленных привычным для ещё человека, возвышающим за

влечением неприглядную абстракцию образом трудов тщетных, я уже не видел ничего хорошего в некогда истязавшей мой разум шепотливо дёргающимся по притягивающимся рваными скрыпом неметаллической иступлённости отростками органам толстым жаканом боли: даже есть предположение, что за высеченной непривычно бездельной темнотой отсутствия событий мне придётся вернуться сюда, дабы вновь истязать свои плоти ради хоть каких-то изменений в волевых слабостях: я направился в дрожью моих потеющих покрасневших могучих тел пробирающую вероятность отсутствия там чего-то иного неизвестность, оставив все пережитые мучения фалалейным забытьём позади и больше не чувствуя за отсутствием некогда безвременно ноющей колкими нескончаемыми штырями боли ничего приятного: если теперь задуматься, тогда суммарная моя невыносимая боль была значительно меньше той, что я теперь испытываю в прохождении этих бесконечных, снующих по изрезанному плюхающимися на извивающийся тяжёлыми шиверами диристыми иглами расплывающимся шельпяком помешательству моему пустынь: я стал кислородным ярыжкой, более ни на что не способным: я лишь безинтенционально шёл и рыдал, снова и снова сожалея о так тяжко содеянном, но уже не мог вернуться: думается, давно ушли бесконечными плоскими повторениями однообразия те места от меня, ибо в опьяняющем опустошении внутреннего дыхания я прошёл в разы дольше, нежели потребовалось для обуздания пробивной мощи уже сливающихся гладкостью с подлыжно мельтешащим светом ног своих: теперь я осел изливисто невозможной реализации всего скрытого потенциала насытившимся приседанием посреди кромешно жгущей солнечной пустоты глазеестым ничтожеством собственного: уже множество оборотов моих шагов на этой гигантской, фиксирующей присутствие еле различимыми, сбившимися моими пятнами повиликовым бессмыслием крошками планете я не видел насекомых: вероятно, моим утаившим правду решением была определена их гибель, ибо сформировавшие бассейн слабые существа давно смягчились и были уничтожены за нескончаемым голодом, и сейчас только я существовал на этой опустошённой недоученным тираном тверди: кажется, и механизм уже не выдаёт себя занесёнными песками стёршихся деталей: я абсолютно один, я лишён выхода и крова, я бессмертен и существую лишь ради создания пищи сгинувшим мором моего владения тороватого существам: в сдвигающем предельности мои неопределённые поветью сливающихся мыслей безумии пришлось прыгать вновь и вновь, уже иногда подлетая и к условному, здесь отдающему зелёно-морскими цветами космосу, каждый раз пугаясь новой гибели своей обособленной и останавливаясь, однако спустя бесчисленные века безостановочных, приспособивших и тончайшие кожные плоти к позволяющей безвредным движением разлить некрупную гору скаредом болезненного бесчувствия крепости прыжков я полностью потерял над своим условно обозначающимся таковым разумом контроль,

совершил надрывно уничтоживший небольшую часть планеты подавленным своеобразием свершённого обездоленного куафёрства полных разрушений материи рывок в полную силу: ещё на десятой своего пути он позволил легко преодолеть границы гравитации опустошённой мною планеты, и в этой десятой части я увидел рассеявшийся распылением толстой, безмолвным краешком только отдалившейся от центра уничтожения дымки механизм и даже захотел вернуться туда, полностью понимая непотенциальную бесполезность этого: теперь я нахожусь невероятно далеко от этого места, иногда даже в лишь иногда подконтрольном приближающем взлёте в запомнившуюся по иным звёздам сторону планомерно теряя планету из вида: теперь я занимался только тем, что при возможности смотрел на неё и вспоминал с грустной, разливающейся округлым шлейфом вящих натяжений слезой о прошедших приключениях, о былых приятнейших мучениях: со временем и она испарилась из обзора моего, и смотрел я теперь чаще на своё приговорившее к нескончаемому, воплощающему меня уже неодушевлённостью третичных разделений заточничеству уродливое тело, призывно разламывая его, отслаивая по маленьким, уже врастающим в сиюминутно продлевающуюся новоначальным гадким совершенством волокнам, и в продлившемся страшные множества тысячелетий пыточном обучении этом понял я упрощённо обыкновенную на деле единицу своего создания каждую и даже причину бессмертия, тут же попытавшись его безысходно обезвредить: с тем мгновением я оказался вновь в некоторой усиленной гравитации, кажется, на иной планете или небольшом спутнике, за чем я в дурмане новых изучений уже совсем не наблюдал: шафрановой поверхностью грифельного цвета распростёрся весь пошловатый горизонт видимого и нет: инстинкты говорили мне почему-то продолжать отвлекающие от моего первозданного дела дреколями необходимого прыжки, чему я и следовал с теперь густо ломавшимися каждый раз полностью склизкими остаточностями абшидных довольств ногами: впервые с моих первых попыток это свершилось: кажется, из-за усилившейся гравитации: теперь я мог прыгнуть на одни только десять метров: со временем сумелось и на сто, и на километр с уже вновь отвердевшими выставленным остриём ляписовых радиаций жиром, принимающими всё такой же вид ногами с той только разницей, что и намёка на вполне обыденно обозначенные некогда волосы того расположения более не было: по прошествии высоты в сотню километров я неожиданно оказался на другой поверхности, словно преодолев невидимую плёнку и обозначив новые, выдавленные подобной игрой напоминания о глупости в и моих перволетних скитаний по прошлой планете с неразрыванием своего чрева ради кормления ещё бегающих поодаль вяхиревыми удивлениями насекомых задачи: я продолжил жадным вгрызанием в единственно обстоятельствуемое прыгать, хоть так занимая своё искалеченное всеведеньем сознание: заметил я, что высота каждого нового, отчего-то никак не удивляющего вычурностью ограниченного и без того тонкостью немой

леторосли станových характеристик положения уровня обозначается квадратом предыдущего, и теперь миллиарды километров удавалось преодолеть на лишённой номера из моего нежелания более считать и мыслить степени, и некоторый монструозно выбравшийся быстропёростью обязанного голос, наконец, всё же произнёс то про три ступеней, но тогда я проснулся: с завершением вспоминания сна я резко открыл сковавшиеся нечувством естественного глаза, словно сон этот переживал не в памятном, привычном оному доисходном пересказе, а в полноценном, реальность воплотившем времени, и решил, что лучше мне поспать ещё немного, дабы забыть все подробности того жутко изнемогающего ажитацией проваливающего и тебя ко дну гулимонных инертностей сна: кажется, сознание было умнее меня, раз решило скрыть обнажающие лишнюю саму по себе истину знания: я вновь крепко заснул, так и не будучи одаренным вниманием работающего сына: теперь мне ничего не снилось, и проснулся я уже в шаткой, давящей на сжавшиеся скомканным долгом гужеедом лёгкие опоре на другой бок и с устремлённым в стену, обросшим диковатым жасминовым взглядом: пора начинать новый день: разобраться с самостоятельно возбуждённым в голове кауrom аварийных владетелей содомом пришлось уже по ходу дела: я пошёл делать свои утренние гигиенические процедуры, перед этим отвлёкшись на привычно светящуюся осторожным подпочием кухню, потрепав завтракающего сына по занятому держанием столовых приборов в том числе своим пошатнувшимся влиянием плечу: в агонии дурманящего неосязанием настоящего бодрствования я, думается, слишком интенсивно тёр смягчившейся пробившимся алой кошмой временем щёткой зубы, в конечном счёте отплюнув небольшой квадратный сантиметр неяркой, разливисто отвлекающей иными сторонами крови: кажется, нужно заканчивать: сон всё ещё отчётливо кипящим в моём разуме холодным маслом выжигал новые подробности, о которых я старался не думать: уже эта частотность отказов от собственных, давно обособившихся от достойных принятию представлением себя безвинным ангелом знаний становится комичной, ибо проигнорировать своё состояние за отвлечением к нехупавым в подобном расстройстве бытовым делам и обставленным резкостью пошлых сокрытий от сына правды радостям становится всё тяжелее: даже душ почти не помог, и в загруженной деловитости я только быстро ополоснул обрамлённое грязью именно собственной плоти своё тело: главная проблема содержалась не во сне, а в моём исказившемся восприятии: по всей видимости, новые детали пугали не своим ужасающим существом, а просто напоминанием о сне: он виделся мне чем-то в высшей, кошмой выеденной востростью неначинающих насекомых степенности удручающим, и я решил его незадачливо проигнорировать, непривычной задумчивостью долго сидя на своём недорогом, да закрайкой совершенства оставленном любыми внешностями унитаза в одежде: уже давно я преодолел условный возраст ребёночества, но континентальные отголоски былых привычек

ещё нежаты в моей выбритой жирными густыми слоями антично-белой лимфоме зажившими еле доносящейся до моих сознаний квовкой имплантами: я сидел, дабы создать иллюзию своего здорового, ещё не отошедшего от принципиальностей привычного динамичного реального гужеедства рассудка, дабы за испытными привычными апломбами только изобразить, и в одном этом факте уже можно было разглядеть выставленные лоснящимися тонкими нитями мареновых белёсий корни моей проблемы: моей девиацией не был обнаружен испускающий осыпающиеся позже гузнами отравляющих естественные обычаи булавновыходящих мелкопёростью станового дефекаций жиденские пары выход ни один, причём то не всегда должна быть работа с нанятым для того условностью пашенковых увлечённостей человеком: часто это или принятие своей относительно неблагородной ускорняческой природы, или обыкновенное канареечное увлечение чем-то, или обозначенные таковыми скорее из определений лишь касательных окружий смыслов радикальные методы ведения своей воплотившейся данным стенанием неподконтрольным жизни в целом, или ещё множество звучащих едва ли не в сознании каждого безобидного жителя способов облегчает участь часто сталкиваемых своею множественностью с фаброй ограниченного людей, но я же просто отказался от своей девиации: отказался, собственно, от себя, однако то не всегда плохо, ведь часто истина человеческой мрази в корне ужасает, хотя бывают и отличные случаи: впрочем, случаи столь неоднородны, что систематизация их очерченных сваливающейся, склеенной одним практическим осмыслением утретенных правд конструкцией путеводителей, скорее всего, была бы в своей великой откровенности принципиально ненаучной, но меня это не сильно отвлекало: интересовала в полной мере одна только собственная девиация, и уродство это я словно смог за дефенократичным обвинением своего же преодолеть на значительное время: предположительно, именно мой случай требует работы с влияниями извне, ибо другого выхода из защиты окружающих меня людей я самостоятельно достичь не могу: мой случай слишком запущен, и то прекрасно понимаю я, всё ещё продолжая доброй, отказывающейся от лечения из нежелания деформировать свой выдавленный непродуктивной минимизацией ужасающих, перелётливыми цианами фалалеющих над благостью своею самой неприглядной страданий комфорт прародительницей третичного убежать от правды: общее в нас, что мы в конечном счёте заставим онтологическим неспособием к мятельным праздностям необходимо выверенного с иногда даже искренней, лишённой апломбического, содрогающего простанство окружное скоростью коленного гигантского понта кутузковым граничием существ плавления превозложением к предпочтению не тратить время своих родных и не только звонко стенать, и исход такой просто не предполагается за своей оскорблённой ничтожием недалёковидностью, ибо с подобным знанием сразу же пошли бы мы в плоскости иных кондуитно честных простых характеров: вероятно, такие мысли были справедливы с

неделю назад: теперь я и не допускаю эффективности от сильнейших воздействий гугнивого акрополевого эмпирического: колебание от преображённой деформацией истинности начал моих вполне обыкновенных за только тем незамеченным хрупкостью третичных ядер зарюмных убийств ненависти человека пропало уже абсолютно, и стоит ожидать бездушного, лишённого в генетической неэксплицитной неимплицитности имманентных спинозовских субстратов необходимых неотвержений позжей риторичности срыва на подвернувшегося близ тебя явлением людского, и единственным, на что я могу перебирающим сквозь поглаживающую пялом слившихся в земляное рамен смерть шатуном надеяться, стала значительная дистанция в этот момент между мной и сыном: я встаю и притворно смываю обленившуюся на моих обожжённых градами людской семенящей греховности власах воду: я снова неправдиво очистился, хотя и приблизился немного к отставленному покамест полностью сознательно от меня на выстроенную точными, да невероятно скромными, оплакивающими тщетность каркасных оснований разметками долу срыву: через три дня нужно будет уехать в другой город, по крайней мере, инертным воплем незаметно погулять в галантерейно образованном риском иных одиночестве, вероятно, как и в просаженные мимолётно выскочившими острыми, проникающими сквозь каждую нестрога упитанную нозьями выраженных туловищ спорами годы моей благостно изолированной неблагодой молодости, в которой решение не смотреть на человеческий, изнемогающий уже тогда в осязании уставленного на обособленность иных ледащих скачений необычия грех помогало, отдаляло меня от похоти истязать тогда ещё ощущаемую таковой братскую, истребляющую собственность нетритичным правилом немногочитых нефизических стоустий плоть: я принял уже, что честностью не верю теперь и в этот метод: последний раз, когда практиковал отдалённым тугостью неинородного гулом напоминающее такое воздействие, пришлось пройти через усыновление, дабы сохранить громоздящуюся неочевидной торокой лишь простеньким изыском покрывающиеся гладом отрыжечьих невоплощённостей утаиваемых тонкостей внешности отрезвлённость: изнуряющих сперва конкретно аккумуляцию истинного окончания эпикурейских, генетически вымученных аскез подобных я принимать уже не волен, а чувство греха шипяще налилось в захлёбывающееся мякишами вытекающих миазмов грло куда сильнее: значит, за пошловатым восстановлением неспособного мне потребовался бы примерно невозможно насыщаемый вечным голодом и отказом телесного существа визионерский год абсолютного, думается, во снах моих и достигнутого, да в продолжении обрывающихся ухарью выделённостей криков отвергнутого точно в форме непотенции сна моего этих одиночества: может, с совершеннолетним сыном то ещё было бы возможно, однако мой отставленный неконечием границы обязательного в воспалении уже центростремительных, отпадших и от давнего чувства материального

свершенства, и от саксаулом навязанного самим собою неготовия к тому единств совсем ребёнок: я прекрасно понимал, что сын проживёт без меня ещё лучшей, быстро адаптировавшейся ко всем этим незначительным, специально навязанным мною иллюзорному чарусу выдуманной, первостепенно выразившейся во мне сложности неспособности тонкостям жизнью, но представление обрадованной нервическим страхом домшкоута оточенного разлуки на целый год мне даётся с одними только горькими, распыляющими брызжущим гигантскими, вылетающими за поверхности материального ограничения орканами ядом слезами, и в этом, кажется, можно было найти лакуну в системе моего отрадно спешащего к завершению иных номинаций безумия, но я до него не додумался: я просто откровенно выставивший и смехотворной простоты порок, и примитивнейшую несообразительность глупец, хотя и считал себя всю жизнь гораздо условно обученнее и тварнее большинства из стенающих свою гладко испаряющую тяжесть кожных натяжений обувь о грешную их куртажно извиняющими предо мною каждый незамеченный мною же шагами, обставленную природной естественностью землю неполоротых, да всё жалких должностью испытания людей: гамсуновский проект противоречия содержится в рефлексии его страданий и неспособности состояться в данной пошловатой, да тем омываемой её сложнеее внутреннее поддержание системности: Галаад своей выборкой выстроил претензию неоригинальную, зато вполне применимую при описании падения общественного религиозного архетипа с теми же опошленными не идеей, а одним только запретом рядовыми чиновниками весьма достойным описанием слабохарактерного, местами более деликатными формулировками и образующего относительно адекватную мысль, что кажется наиболее удачным, реминисценцию, думается, случайную на религиозное чувство выросшего в постнеклассической культуре распущенного порскатьем инородных завлечений человека: у хлоргексидина вяжущий вкус: может, Ласло и не стоило кастрировать и кидать собакам: только слегка опьянев, человеческое, изрезанное рожденьями прекрасий совершенных существо может представить из себя еще большую мразь, чем оно являлось поныне: литературный ацентризм, кажется, и воплощается в лучший, если не учитывать: сваренные в новостях бегемоты до, хотя и сам момент убийства можно считать неким преображением читателя в мертвеца с последующим посмертным наблюдением за действиями близких и рождённых этим поколением, столь пошловатым турманом пролетающих по надрывающейся плоти формирующихся внутренними растяжениями растяжек белёсых слабостей неприспособленности яшашного глагола, убийства – это чуть менее структурированная процессуальность смертности конечной предпочтению ощутить себя в утрюмо обставленном филологическим нарочитым недомыслием художественной операционности блаженстве рвотных, окровавленных партитивностью отвердевших длинных пряжений масс, оборвавшей кладку славуности первичных редакционных последствий

скудоумия и возвышенного оправданием еле не прямолинейного подпадения разврата, впрочем, писать об этом не так уж и пагудобтно, и если в гладе случайно нашёл он жизнью вне стенок только недостойную описаний, вождельно обманутую тем немногословность, то они решили это запечатлеть, хотя и сам он называл получившийся опыт далеко не самым совершенным в одурманенном преемственности уже отдалённых от этой категории мрежей осложнённого литературном плане, однако за таким опытом малоизвестных можно рассмотреть и скрытые интенции бесталанной произвольности тех, что свойственно почти всем деятелям в эпизоды набухающего чреватным посинением обронного выбивания плотностей остроконечных кризиса; ценность бегемотов в демонстрации формирования риторики их, хотя я к ней и тяготеею только особенным, требующим значительное пояснение образом: та любовь всегда имеет исконную природу достаточно невольничью, хотя и местами неоднозначно обрушенную собственностью, впрочем, объясниться может подобное одним только историческим этапом в обозначенном нами таковым за неназыванием падористых благ оставляющего условия, что было подстегнуто пышной неправдой обобщаемой эпохой и его чрезвычайно упрощённо ставшей таковой в стилистических построениях незаинтересованных нищетой: Эдварда, Илаяли, Камилла – все они стояли выше персонажа, и зычную, заросшую власом травянистых вердепомовостей обрывистую прореху эту он не восполнял: победности деформации был подвергнут и сам создания предвосхититель, став частью этого насыщенного маслянистым, терзающимся воспалением подгородного известия супом омерзения, и оттого это стало самым честным из самых известных полуосознанных тчивых выставлений всех трёх его: во вкусе он только представил свои стенания, в естестве полноценно сформировал образ женщины, а в победности ощутил неотвратимое влияние этого образа на себе с прекрасным художественным обрамлением и дуалистичной опростованностью нединамичной женщины: безумие производителя при перескакивании особенно усложнено триклиниумом утреннего смыслового опийства: он не мог писать в изоляции от прямых и самых пошлых реминисценций на себя и даже своё создательство: часто проще даже не справлять кончину, полностью предав неосмысленно обособившееся твоею рукой пестряной короткими, к носовой области проросшими едва ли не на взаимных несогласованностях, к оставшимся же плотностям оставленными иногда лишь единично выскакивающими ложеснами будущих рождеств зубьями цвета зелёного мха твари забвению существо умершего ради собственного нежелательного спокойствия: даже Джон Торсон ощущал несостоятельность фашизма: и нельзя ослабленным временем предызбицинным лавкрафтовым взором не заметить не просто разумные, но и физические особенности представителей отдельных, географически только кратким мгновением отделённых от тпруши, тянущихся поодаль обозначенностей населенных пунктов: будь то опухшая у едва ли не каждого второго носителя околоточного

неравномерной язвой неплановых вырождений нехульного смирения рука или вздымленная паволочной тонкостью проглядывающих искрящимися остриём нелинейного рельефами глициновых тощих отвердевших сосудов правая щека у всех жителей деревни: и нельзя было более обманываться: меня здесь ненавидели, и частью этой семьи я никогда не был, только в жалких, кривдовым тысячерней разломов мимикрирующих под неприглядную трехавую нормальность своих независимо вещесебных восприятий потугах имитируя тот же надрывно прерывающийся смиренным принятием отцовского, даже едва обдуманного в его неоценении меня достаточно ненизведным отдалённым событием оскорбления смех, что неуместным отвлечением перекликался меж ними: удар головой об острый, бесшумно отдавший плотию свои моему новому, косном упавшему на почти безграничное могущество нежеланием то принять в оскорблении любимого сына своего же обличью сограждане гарнитура только отрезвило меня: излишне большая, челюсть надорвавшая небольшим сметением вбок человекоподобная рыба с уже откусанным, шлёпающимся по впитывающим пыльцу поднявшейся крови водам корытничьим слизнем языком жалкой методой интересуется черепахой, которой надлежало съесть её: из неспособности людей справляться со своими задачами самостоятельно и из достойного лишь молчаливого, допускающего после неудачи убеждений только ожидания долгожданного конца пьяности таляжной сожаления желания властвовать нередко приходилось выполнять так называемую помощь, то есть с безсентенцией молчаливой добровольности нежеланно растрчивать собственный, за время вкушаемый уникально проникающими в кров иссохшего нестраданием породителя идеями ресурс на дело, которое в моём осуществлении стало бы куда более длинным, приходилось заниматься действительно интересующим меня только в абсолютном, исконною человечностью противящемся острогом желаемых потенций одиночестве и в жертве своего без того эхом отягощённого свычкой сычёного гибкия сна: неофитова радикальность меня в действительном, искренне художественном в своей абсолютной невозможности инакового шатрового сущностного цветения состоянии никогда не интересовала: поздний ревматоидный артрит у проходящей бабушки посмертной, звонко стекающей в долину развращённого неиспарением обратного некрещального призора выращивающихся трудом прихолнутившегося неестественного вибрирующего раздражения зажориной введёт её восстающее воскресением данного тело в непрекращающуюся суровостом временного динамику: ничтожность кнутовской диссоциации в отсутствии привычно понимаемого под данной словоформой стыда, и в этом же его облечённый непониманием окружного успех: не хочется смотреть на говорящих: не причислять себя к участвующим в омерзительном, испещрённом нищелюбивостью реального происходящем: покрасневшая жирными, стекающими неподвижностью иногдашней допровинным пиявковидными рубцами

фуриозовая культя его обрывалась в предплечье похожими на клацающую соком телесных растяжений крупную клешню двумя отростками: лёгкие сжимаются грязным тяжёлым запахом свежего, содрогающегося обезглавленной журушкой орканых непрониновенностей врождённого мяса крупной, ещё гулко смотрящей на кого-то недоумевающими мёртвыми глазами конструкции порывистого выведения несоответствием естественной дичи: предательство родины грехом в современности является столь же кьеркегоровски явным, как и свершённое в любви, ибо мотивировками обоих не являются животные стенание вырывающегося сафирностью блестящего греха и раздающаяся гоголеватым треском подсакивающая слабость, ничего помимо того условленного плохим не имея в виду из извращённого нынешнего воплощения тех жалких остатков оной: и пятью талерами была далеко не проверка, но переход к женскому греху, к Эдварде, испытательнице, не дающей честности благого, обособленного страстью треволненных основ человеческих выхода, и оттого только за притворством могла быть возвращена в ней любовь, однако в любом случае обнажённая изнывающими былой напряжённостью множественных сокрытых ответствований прозрачными суставчиками и розоватыми, подлетающими под шумных грохотом орудия веселящимися диадимочками утраченных неценённых свершенств рясачками левая лодыжка была бы прострелена, ибо таково существо смердящего золотистой корочкой размывающихся радужной дымкой голимостей греха, и шальная пуля вышла именно из дула убийцы Евы, Томаса Глана, Эзопа и Пана: неприятный и знакомый с детства, но вызывающий противоречивое пристрастие любочестным телесным привыканием резкий запах сожжённого на противокомариной спирали, обуглившегося палочного рассыпающегося комара: бедность была более очевидна в покидании Христиании, и главная печаль его в отсутствии Бога: я выхожу из стекающего пространствами органными и стенными опружностью себяческих остановленностей туалета: сын подмечает, что я был там очень долго и что он уже закончил, после того даже прозрительно поев, дела: сегодня мы будем готовить, а вечером немного погуляем; абие было принято решение приготовить окрошку: если точнее, то ещё при составлении списка необходимых продуктов пришлось помыслить о столь односторонней намереньем иной раз не напрягать собственные, ослабленные воспоминанием о том мышечные жантильности в якобы случайно навязанной желанности без того очевидным и недалёковидным взглядом на содержимое редко богунно встречающего тебя иной раз большим трёхлитровым, ранее вовсе не образующимся будто здесь омигранным бочонком кваса холодильника воплощения идее, дабы лишний раз потом не ходить в магазин: я только предложил сыну это блюдо, а он обыкновенным для себя понимающим средством согласился: после не позволяющего пройти сразу обоим и физически, и из монотонно оглашаемой клуньком вечного застоя вежливости, заставляющей каждый раз уступать только

что начавшему самостоятельно предлагать представленный самым явным, но с тем отречённейшим от интенциональной честности его удобством проход субъекту, неловкого столкновения мы всё-таки двойным некомфортным протискиванием направились в пространство кухни: оба мы предпочли сделать заготовку для окрошки без колбасы, отчего приготовление не должно было занять так уж много на деле же обрадованного одними только минутами сэкономленного времени: сын занялся недостаточно свежей, да грудёнистой привычкой осыпающейся, лежащей на деревянную, впитывающую мелкими потемневшими прожилками пузырьчатые вкрапления келейных диффузных отстранений доску искорной кислотной влагой зеленью, а я варкой катающихся незамысловатыми лещугами переставляющихся под кружащимися хриплым дыханием препониического вхождения ветрами пространств яиц и нарезкой излишне измягчённых примятой старостью горюнных очевидий огурцов, коли их невозможно называть той же рассыпающейся честной ягнёй зеленью: процесс проходил удивительно быстро и для своего нехитрого, простотой обрызгивающего волнительные низовки распланированных необходимий состава, и вдвоём мы справились уже через будто излишне даже упрощённых нескольких минут, в разговорах продолжая начавшийся ещё с планирования непогрешимых обязательств диалог вновь о чём-то бытовом с нехитрыми вкраплениями собственных, относительно уникальных и нестремлением образовать инаковое мыслей по поводу неких научных или развлекательных явлений: стучающиеся влиянием подталкивающих их колчими обязательствами зародыши приготовились, и пришлось совсем ненадолго прерваться, ибо именно я в тот момент разглагольствовал в весьма распространённой лёгкой манере: яйца теперь находились в холодной воде, и снова у нас было несколько минут для обмена некрупными монологичными репликами или часто сменяемыми предложениями: метафизичность кубоа, смею предположить, куда проще и приземлённее самого грамматического этапа: странно, но теперь начал говорить сын, хотя я того искренним генетическим предположением не ожидал, и ещё вычурнее было его лицо, на котором я сейчас невольно сконцентрировался: сын всегда казался мне владельцем правильных, обозначаемых окружающим петелом громогласных необдуманностей иногда и приятного толка черт лица, но сейчас он словно становился другим, отличным самой закономерностью избранного становления вырожденных мною и остальными холюзных правил чивой поверхности человеком, и с выпученными, привычно вдавленными, да теперь напряжёнными бондарским вниманием белками мареноватых глазами я смотрел на его изменяющийся теперь монструозной краткой неязыкового заострённый вытянутый нос и сворачивающиеся в еле свисающую вниз короткую хлипкую, пошлостью телесного хрустящую невозможием истинного трубочку одну ноздри: глаза будто освободились от тяжёлых оков всё же нависших грудостью металлических полотен

значительно поодаль век и шуршащими чуть заметным шёпотом полькёрского дыхания зрачками покрыли примерно половину своей напыщенной гладием глада глорианового поверхности, остальную часть заполнивши рябыми витиеватыми узорами и выпирающими тёмными полосками осеребрённой должности сосудами, обитые свечением внешнего волосы его некогда густой вьющейся прыщевой боры начали, показывая болезненные бугры на оставленном кожистым незатейливым взлётом рельефном черепе, выпадать, вырывающийся скомкавшейся лизгом объяснимого труда ширью лоб уменьшался, в конечном итоге полностью свернув ужасающим непривычкой кукольного прорастания физиологию лица моего всё стоявшего остановленным слогом сына, а на обретающем оттенки прерывающихся черноватых пятен, околенико изменяющемся подбородке и повернувшихся на девяносто изрезающих плоскость рачительных болевых терпений градусов губах начали проявляться жирные, текучие без внешнего горьниvistого грандиозного воздействия сольфериновые волдыри, аккуратным обнижением стекающие к выросшему вперёд на обитый голодным непониманием инертных нормальностей дециметр крестообразному кадыку: кажется, люди так не должны выглядеть, хотя для меня сейчас разграничивать столь абстрактные фигуры тяжело: сын уже добро повышенным голосом спросил, почему я, столь пристально смотря на него, продолжаю молчать: я ответил что-то несвязное, отведя лишённый созвёдностей принятия собственного взгляд и вернув его к лицу его: теперь оно в прежнем виде: когда появляются галлюцинации, я плохо себя контролирую: нужно приложить чуть больше усилий: пора очистить яйца и нарезать их в получившийся пока немногочисленной ингредиентностью салат: усилиями двух способных людей это удалось совершить едва не в считанные фуксовым марсиковым вдохом секунды, да и мытьё оказавшейся в раковине несложным прилипанием посуды с очисткой выбивающимся методом собравшего на себя грязи неприглядных уместностей гарнитура не заняли много времени, мы уже сидим за кухонным, некоторым граничим только приближающим наши единства терпеливые столом в торопливом вожделении обеда: мой опустошённый переливающимися плесканьями позаилменного сока желудок иногда повторяющимися недолгими тяжёлыми звуками своими давал знать о пропущенном завтраке и, думается, даже об излишне возбуждённых духом излишнего влияния нервных клетках: смешивать пригодные для себя искомые соотношения мы выбрали самостоятельно, отчего на столе ещё красуется в дневном, приглушённом слегка пропускающими сквозь незаметно выделяющиеся крошечные квадратики связанных плетений шторами свете комично крупная бутылка тройного штофа мерлового кваса, крупная, стянувшаяся морщинами сытости пачка майонеза и просыпающаяся каждый раз неприглядной исступлённостью обязательного соль: пройдя через недолгий ритуал подбора необходимого вкуса, мы пожелали друг другу приятного аппетита и приступили за еду:

удивительное сочетание непретенциозного вкуса с весьма изысканным необычным фактом смешением, кажется, противоречащих друг другу продуктов прекрасно образует собою весьма совершенную форму, хотя за тем принадлежности к сезону я не ощущаю, просто довольствуясь весьма необычным, в абстрактности самого осмысления моего, напуговично порывающегося благим освобождением вкуса: хуже всего было, что пострадал башмак, и кость свою грыз я с разочаровывающим бедной недостатчей элементом одежды алым, прокатывающимся неделикатными плевками и продуманными мазками шлейфом: башмаком моим станут недавно купленные продукты: я не знаю, о чём я думаю: в желательным образом приостанавливающих поедание озвученных мыслях мы с довольными лицами привычно поблагодарили друг друга: самостоятельно мои взявшиеся за мытьё посуды, слегка ослабленные истончившиеся руки позволили сыну отойти к гостинной и отдохнуть: завершил я все дела достаточно быстро, в комнате увидев уже спящего напряжённостью, решившего направить к себе все силы прещенческих могуществ желудка ребёнка: кажется, это и не так удивительно, учитывая, сколько он сегодня работал и спал: вероятно, я нахожусь в полностью антагонистичном положении, но всё же ложусь на принявший меня отталкивающим неудобством диван и с приложенным literalным напряжением засыпаю: я не хочу спать, но таким образом может быть сокращено время моего сознательного бодрствования, несколько отдалив ужасное: заснуть было очень тяжело, но спустя нарочито лишённый мыслей мучительных час попыток отстранившийся разум мой вошёл в управленно отставший отрицанием оратий моих сон: лакричный и сигнальный чёрные цвета накрывающей повети затмили сознательно опустошённые цитрой возрождающегося взоры: я открываю сбитые глухостью колкого усталости глаза, и предо мною возникает сын, спустя несколько секунд уже начавший извиняться за вызванное отвлечением моё пробуждение: пята его были уставшие и грустные: возможно, он понимает, что со мной происходит: я вновь, уже неизвестную тысячу повторения раз выбегая из этой нужды улыбчивым, недоверительным сакмой моего обтелесненного явства обманом, свёл всё к шутке, только опьянённым непониманием посмотрев на время и оправдательно сказав, что даже с учётом долгого засыпания мне удалось провалиться в простиравшийся мимолётным наитием неизбежного сон на целые полтора часа, и сын немного повеселел, не без нарисованного преувеличения собственной непечали рассказав, что сейчас делал завтрашнюю работу и что с неизвестно откуда взявшейся продуктивностью почти завершил запланированное грёздом действительно гигантского, видимо, уже чуть привыкшего к ласке внимательного усердия труда: я похвалил его и сказал, что мы можем снова легко поесть и погулять: он с радостными, искренними честием, уже раздавленными светом долгожданного и объяснённого глазами принялся за работу, а я вновь в одежде сел на закрытый сверху унитаз, имитируя существующую мысль и продолжая только

отдалять своё существо, продлять изрытое неконтролем сознание: спрятавшись ещё более очевидно потенцией антретного сомкнутого нахождения, чем под хоть покрывающим тебя граничищем ограниченной жаром остановленной реальности теплоты одеялом, суть моя подобающе тормозилась в замедленном дыхании: иссиня деформировалась девиация, но уже не такими грузными, примирившимися с победой темпами: через полчаса я нехотя смял громко шелестящую пред тем вержитисем визионерски документальной фантомной иллюзии мягкую, гладкостью ложающуюся в тоннели слабостных углублений туалетную бумагу, неестественно долго смывая воду и с редкими, столь же очевидными кадью нарочитого разрыва постукиваниями показывая, что некоторое время я существовал в том же пространстве: на углу я встретил сына, гордо воскликнувшего о конце своей лёгостно осложнённой сладостным бременем рекорда работы: видимо, уже показавшей себя в должном качестве проранового забавного нещадия к себе скоростью сегодняшней деятельности он был искренним восторгом удивлён, демонстрируя это еле не ярче моего: теперь мы снова подготовили всё для визионерски утончённого иной троегранной материальностью приёма привычной пищи, смешав уже вдвое меньше крошки со стремлением употребить ещё разнообразно осложняющую нашу вторую за сегодняшние продолжительные, недеятельностные мне и чрезвычайно продуктивные лутошливому сыну времена совместную трапезу: я предпочёл разнообразно внедряющиеся в мои неразборчиво одаривающиеся инертной волей ума жизни овощи, а сын — сладкое нечто с проявляющим слегка желтоватую глубоковидную пору одним помидором: не знаю, рекомендуется ли сочетание это для поддержания здоровья желудка, но он ещё достаточно молод и безболезнен, потому и такие щедрые шкляные разрешения в моих методах воспитания время от времени гулко торжествуют: за посуду теперь уверенной должностью, могущей и в моём лице закрыть на незакономерность помутнившиеся добротой стишистого невопросия глаза очереди взялся сын, и осталось мне только одеваться: вероятно, он справился с этой задачей и быстрее меня: уже через шесть минут и время, необходимое мне для одного настоящего, потребовавшего вовсе небольшое ожидание похода в туалет, мы проходили сквозь небольшой, преломляющийся только лёгкой внутренней дрожью неспособности пристать к той гулко прерывающей твои исконные, отринутые за жирной грудой неуслышанного вверженным резко нежеланием ума слабости лепности порожек в непривычно обдуваемый контрастно играющей входящими в квартиру, отяжелёнными каломелью непривычки опаловыми дымками теплотой подъезд: странно, но сегодня температура внутри него даже выше, чем дома: во время спуска по лестнице ощущался отталкивающий, уже будто прошедший сквозь пеганую пелену отдалённого до того имплицитными зельными выделениями запах кисловатого, подгибающего колени проходящих чрез этот шумный ворот, метаемогося

сегодня здесь внеквартирного воздуха гниения, вероятно, из-за давно испорченной в подъезде еды для кошек, хотя и источник словно находился в: в другом: да за тем не прикованном к внутренностям помещений вне этого: допровинного перевала месте: мы вышли на вкусно пахнущую разрывающимся растерзанным пышным горном цветением вечернюю светлую улицу и воодушевлённо направились к беззаветно опростившемуся кострубоватой несложностью долга магазину, в котором мы недавно покупали в немалых количествах воду после острого, сиюминутным изныванием обратившего наши отвергнутые гладом наставления борща, с тем беседуя чаще на тему сегодняшней удачи сына: ему всегда очень нравилось безапломбно делиться своими успехами, и постепенно разговор перетёк в уместное рассмотрение его завтрашнего посещения школы: за таким нелёгким трудом он успел соскучиться по часто далёким от него незарюмым осязанием опровергаемого третичным ровесникам, но всё же определённым образом восполняющим необходимость слышать созданные связками примерно своего возраста наскирдные, нужные именно притягивающему порой категорически невысокие материи здоровью звуки: тема эта широкого развития не обнаружила, ибо мы быстро приблизились к небольшому, возвышению металлическим отделяющему пространство его от нашего серо-зелёной ганзой обязанностей магазину, сотрудницы которого нас, предположительно, помнят: несколько раз они безобидно перешепнулись между собой, мило хихикая и махая нам молодыми, гибко соединёнными в аккуратном колебании нежных женских складок бледноватой, неболезненной худощавостью проглядывания переливающихся в нашу сторону косточек ладони пальцами мягкими руками, и сын даже слегка подтолкнул меня, но я с серьёзным, излишне нахмуренным комичностью неготовности идти на ввергнутый ошибочным несоответствием моим заранее установленным идеалам контакт лицом отказался от такого предложения: только теперь я позволил себе под влиянием молчаливого, отбросившего внимательно наступающую на выбеленную угаданной, да с тем всё же страшно отдалённой от меня нормой дорожку механически установленным мироедом знания возилку аффекта ненависти уже невозвышенной вспомнить, что эти существа являются моими врагами в той же мере, что и мужчины: я не могу смотреть на них и искажающиеся моим же сознанием каурые, щёлкающие длинными, раздирающими собственную болезненно светлую желтоватую плоть зубьями инородных животных неестественностей, выпученных на обленившееся присутствием другой материи расстояние метра маски без человеческого отвращения: ушли мы в надуманно страшной тишине: думается, я немного испортил сыну настроение, однако печаль от этого уже не так сильно нарушала порядок внутри истерзанной абсолютным уже чувством неконтроля и над простейшей спесивой обидчивостью головы моей, и притормозившимся взглядом он необычно ощутил некое несоответствие моему прошлому, за молчанием хоть

отнекивающемуся приятной, гуновым осязанием вины обозначающей путь для будущего совершенства, исправления скороговоркой образу: я не смог ничего сказать в ответ на это, хотя то и было бы хоть нестранным: недопонимания не произошло: я правда тот же, что и сейчас, и в повторении такой ситуации вновь не уверен, что не разбил бы едва побледневшими от страха красивыми, облепленными душистой, необходимой содрать себя прерывистым щёлканьем отходящих мясистых, хлюпающих кровавыми бликами на впитавшей длинные, туповатобьющие разрывами толстых, тяжело поддающихся плескающейся жирными, разливающими лужицы подле ног моих водомётами деформации тканей и укусывающих материи эти недвижимыми ножнами костей осколки разбившегося всклянъ стекла плоти клочков кожей телами витрину: моя тысячкилограммовая масса: я плохо себя контролирую: я должен держать себя в руках, продолжая существо рядом с сыном: после я лишь буду в одиночестве гулять днями до самого конца отпуска: за работой и сможется в физическом изнеможении удовлетворить свою пышущую ядовитой, встроившей в себя множественные толстые сальные крюки клюшвой слезу на человека: со мной вновь всё хорошо, и сын продолжает разговор насчёт некой фантастической теории социального, удивительным образом в потенциальном чертеже должной быть похожей на старый, непредставлением напоминающий чрезвычайно усложнённую, по одному тому факту достойную хвалы структуру башмак: в полной мере визионизировать это я так и не сумел, всё-таки отдав должное его богатому воображению, возможно, несмотря на благую детскость ума, неким уровнем уступающую звенящей в ушах, подавляемой падающим кровом на длинные широкие иглы жателем природной стихийности: находящаяся спереди нас изнывающая тропа в момент этот словно начала горкой правильной градацией с пиком в правой стороне стекать к переливающемуся свечением розовато-ядовитозелёных блесков небу, преодолевая чудесным образом повторяющиеся прозрачные зеньчуговые пространства сверху, и с тем весь окружающий нас мир стал свершённым холерическим посулом окропляющегося формирующимся остриями кверху мутным потом тела сворачиваться, и только стоило выпученными неотставленной плотностью трижальных пружинностей глазами акцентировать внимание на высшей точке бледного, конечностями сегментными впивающегося в глубину собственную незабвенную климакса, как всё вернулось обратно, а сын так и не заметил моего вычурного, обособленного болезнью, утопленного мясом небольшого става устремления: я продолжил спокойный шаг и поддержание необычных, созданных изысканными яростями искренне внутреннего идей сына: иногда хватает одних только недолгих, приятно обнимающих мышечным тонусом непрещенческих хвалёностей должного прогулок, нарочито пафосные поездки же часто одно претят восприятию опробованного совсем другой задачей времени и своего ползущего орошёнными дреколями брызжущим ранами слизнем долга: постепенно гуляние стало опьянять своей

разговорчивой положительной леностью впивающейся граничиями воли жары, и мы зашли за новым мороженым: в магазине с игривыми юными продавщицами даже не хотелось мне ничего отставленной связкой с иноческим переёмом покупкой есть или, прикрывая внутренности обжигающего честностью моих сокровенных, шевелящихся в одном только направлении уже зефирных крил рта неловко лизать, за сим купил рожок я токмо сыну, и сейчас меня съедало изнутри отдалённое неудачей желание укусить обёрнутое влажной упаковкой распадающегося идеала мороженое с печеньем, и прелесть эта безобидного, так и настигшего косячатостью необходимого рундука меня поглотила без шанса отказаться от появившейся неосознанным давёжом страсти: мы обнаружили в новом районе столь же мелкого сооружения уже приземлившийся отдельным величием предстательности магазинчик с ещё более завышенными ценами, будто сознательно отказываясь от полностью отставленных от желания обогащаться не на приходящих ночью подвыпивших, готовых вовсе на любую, таким образом и составляющую основные статьи доходов несколько хитрящего с законом очевидно простым, защищённым кем-то извне яркой пылью своею гейнсборовскою дымокуром магазинчика стоимостъ людях выгод при наблюдении сетевых олигополистов, впрочем, мы и не тратили больших денег средоточием на том: сын взял то же, что и я: сливочный, скомканный рыхлыми, тлеющими под жаром потных, покрытых еле пахнущей улицей прозрачной очернённостью рук порами пломбир меж двумя мягкими бисквитными печеньями, так сокрушительно связывающими мои рецепторы при каждом долгожданном укусе: прение прекрасия этой продукции стало ядром для насыщенных восхищённым блажом согласия своей блаженной утопленности разговоров в следующие болтливые двадцать минут: чало, наши критически направленные с небольшой смешинкой взоры успели обсудить уже каждую единицу разглядываемых детальной краской якобы мусийных сложностей заборов, и с громким, окончательно отвлекающим от ничтожества моего пешеломного смехом мы проходились гордыми, при возможности ласкающими станичной смелостью или робкой приветливостью настроенных товарищей ревизорами по всем качественным уличным котам, привитым игривым собакам с клипсами и редко появляющимся возле городских, особенно изрядно делящихся посетительскими яствами парков белкам, но больше мы обсуждали нечто отставленное от кажущейся определившимся развитием плескающегося рыжепёрого левантинового вектора темы: изысканно смятую случайно сложенным к плоскости нижней уголке шляпу на проходящем мимо в современных реалиях своеобразном денди, вычурную, привлекающую своею изысканной необычностью обувь на денниценски выставяющих напоказ самое неприглядное в себе подростках и экзотичные причёски на едва ли понимающих поводы наших сокрыто обсуждаемых в самой тщательной тайне от могущих и возмутиться оттого невопиянственных объектов вежливого культурологического обсуждения

вниманий четырёхлетних детей с модными, искрящими уверенно выставленные тяжёлыми бренными кнастерами взоры свои скорее на проходящих родителями, и было это всё простыми издевательствами, если б при обнаружении встречного интереса не болтали бы мы с владельцами этих необычных элементов вполне трезво определённой внешности, в случае с детьми чаще беседа всё же с иногда оскорбляющимися после опровергнутыми нами самым вежливым образом думами о потенциальном нашем смехе над их беззаботно петляющим в безопасной, близкой предсением дали ребёнком родителями: такое диалогически векторное в неопределённое, только выдавливающееся витиеватыми остаточностями инертных рассматриваний русло путешествие нас почти безумным образом развеселило, и даже стал я независимо удивляться своей словно вычурной чёрствости в магазине, ибо те девушки едва ли рознились с этими весёлыми прохожими, да только их отличную от моей способность к ведению разговора я, кажется, использовал особенно в стремлении не представить себя подобным буйному уличному глупцу или агрессивному шутнику посредством выделяющейся связнён с прежде так мною ненавистным реальным вежливости: вероятно, важным теперь казались именно образовавшиеся великолепиям как раз собеседников формальности, которых я прежде всячески избегал, и оттого всё пышнее ощущался набухающий в моём остановившемся на осязании внутреннего скрытого неприятия этого чреве спелый, сочащийся безобидным жменем нетвёрдых плотностей лишь вместе со своим свидетелем, с моей любимой, самой честной неспособностью любить жертвой гнойник: сын, очевидно, делал это лишь из осознания весёлости прохожих и желания сделать инертно счастливыми наибольшее количество людей: в сравнении с моим отдалившимся от подобной честности невелеречивых патолок только вычурного приятного чувства осязанием он казался святым в позднем свете летнего, оголяющего тебя до розоватых переплетений застуженной одеянием медленно накапливающей нужную жертвенность копанки плоти неединственного нахождения солнца, и подался он своей облегчённой безгрешием левой ногой, предельно ко мне приближённой, ненарывом оттолкнувшейся почти с положившегося уже на его кон надёжности носка, вперёд, как позади и чуть правее послышался оглушающий изрядным выражением остроколких выбивающихся естеств становьем звук едва не падения обёрнутого, думается, пухлым крупным одеялом, скромного относительной бесшумностью гигантского разновеса: внимание наше, как и множества проходящих мимо вмещающего нас добродушно помогающими ухарами места, привлёк этот звук и с тем неожиданно вспугнул: оказалось, то был прыгнувший с огороженной краями только тонкими, доходящими в постройке своей незамысловатой всего до колена среднему мужчине металлическими, местами оборвавшимися под целокупной стилизацией шаткости всего строения в целом полосами крыши серого, поблекшего грязью и ржавыми, выдвинутыми только хламовидным наполнением севдахом

обделёнными крупными предметами балконами девятиэтажного дома человек в, видимо, предварительно подготовленном устами бескровного неразрыва плотностей своих и за подобной нагрузкой, ужасно прочном сизом, словно обклеенном длинными путами широкого скотча мешке, дабы никому, сведя условленные ужасными счёты с жизнью предельно молча и безболезненно единственно подошедшим под такие категории в бегло обдумывающем должной приоритетностью как раз и пошловато испещрённые всё продолжающими выкрикивать нежелательными, отвлекающими от необходимого усложняющими деталями воплощения, а не причинности разуме условием, не усложнить жизнь излишним мусором своих проливающихся обычно распростертыми вдоль ближайших длинных, закручивающих органы порой и в самом неожиданном явлении выводка из иногда лишённых подобной тяжбы случаев метров нетягами бледно-розовых, при особенном расположении и предметов падении вываливающихся непредвиденными нецелостями лючного выделения потрохов: в прочитанном всеми находящимися здесь людьми одним смелым, странной необыкновенностью сориентировавшимся быстро в этом остановленном колчаном нашего же заточения потоке пульсирующих сальных вен на моих пошатывающихся, но ещё несущих тело нелюбопытным невозможным отвлечься от этого почечуйного остановления жизненной, так неожиданно искажённой ужасом подошедшей к нашему развлечению смердящей солоноватой смерти процессии окружной ногам молодым парнем, решившимся вытащить просящий то надписью на своей и видной с внешней стороны мешка благодаря прозрачной, соединяющей бесцветием отсутственности этой материи находящихся снаружи людей с удивительно безгразно упавшим уже лишней, обличённой ненужным подстрахованностью или особенным, мною не прочитанным в подозрении того значимым ритуалом телом плёнке с замочком обратной стороне лист, причём подобных по всей площади напоминающего иллюзорием смерти лишь вне того омерзительно раскрывшего свежие, прилипшие толстыми лепёшками к словно издевательски обнажающей ранее кажущийся мучительно заточённым надеждой невзрачия вид плене этой щеки с открытыми, вылетевшими искажёнными массами аловатыми глазами взыскующего неединства окошка мешка было, возможно, с пять штук, дабы при падении хотя бы одно сохранилось: на них одним и тем же рукописным текстом было написано об осязании необходимого произойти и о подтверждениях даже в сохранившейся по указанному расположению форме видео того, что желание исходило именно от него, со всеми устными, уже более подробными нетинистыми убеждениями и желанием, дабы родные знали правду и не обманывались мыслями о его обнажённых уже делах: происходящее меня действительно заинтересовало отстранившимся кажущейся теперь пред последующим взглядом неприглядной виперой чувством в чистом виде недолжного, ненормального, и холодным, уже пошло привыкшим красноталовым

адекватием к изуродованной враждебным лоском надменно воспрянувшей в умах наблюдателей нечеловеческой реляционной зрелищности смерти данности этой ужасной взглядом хотелось бы увидеть большее после приезда полиции и скорой, но тут я отставшим от гниющего уродства своего утомого интересом остановился на лице сына: оно было ещё менее приятным, чем в моей сегодняшней скорой галлюцинации, и в отчаянном оскале он молча проливал дошедшие уже до впитывающего проглядывающей жирными этими искренними сожалениями футболкой живота слёзные струи дымчатой возвышенной расплывчатости: я медленно отвёл его, пытаясь неубедительным сомнением успокоить и в итоге вызвав такси: там он продолжал плакать сначала с лёгкими, сперва едва доносящимися до шевелившего только случайно играющей при иных неожиданностях правой густой бровью водителя всхлипами, а позже — осознанной, разрывающей глухим воем всё вспотевшее проникающими в одно только настроение душными слабыми фанзами ветрами пространство истерикой рыдая во весь крупный, освобождённо принимающий наши слабости салон, и однажды, казалось, привыкший к тому водитель от громкости проступившего резвым заострённым урманом крика такого даже чуть не сдвинул машину к летящему навстречу, невнимательно приблизившемуся к полосе нашей гигантскому грузовику, с прикусом большой нижней коричневатой губы сощурившись и сумев всё же совладать с ситуацией: мы приехали, сын после ещё часа сопровождаемого моими аккуратными, иногда отстранявшимися в периоды притихшей истерики объятиями плача заснул с розоватыми, володетельством довольно неожиданно обнажённого страха поражёнными глазами, прорезанными частой бесформенной крапиной перебивчивых с белёсыми пятнами мухояровых рисунков алыми щеками, пробившимися на небольшое, уже не визионерски переформировавшееся моим колеблемым, в мгновения эти только уродливо ставущим о молчаливом, сокрытым за стреженем неуспехов размышлений о данности этого приглядного неудобства подобного положения умом время девственными неглубокими морщинами от устоявшейся случайной, в мыслях моих словно удивительным воплем моркотного порицаемой ересью гримасы в неспособности контролировать себя и редкие, приглушённые бывшим комом в хрипящем лайдаке безделового горле покашливания уже внутри сна: свершено преступление, да только при виде его скатывающихся тягучей, не могущей свернуться волевым, даже приглядно антагонистичным невероятным усилиям желающего только прекратить неразмыканную, стенающую изрядным существом своим честным тяжбу усилием густоватостью неподконтрольных страданий я не испытывал ни честной жалости, ни даже дружеского желания помочь: одно только стремление поскорее избавиться от безличного надоедливости звука своими рациональными действиями возвышалось над моим обнесённым плотностью нежелаемых ошибок, раздирающих позор несвершённого при всех тех громоздких, уверенно воплощающихся первое время гулом

кристаллически звонких надрывных множественных изабелловых криков пылающего даже не трусостью, но жалким, вновь лопающимся пышным нутром твоим изрезанного былыми колоссальными неудачами фатвы неоправданного брусничного чрева трута обещанных молвах неуверенностей кровом: я лёг через час, заполнив в опустившейся излишней, словно снова вежливо намекающей на потенцию уже давно потерявшего в моей мысли отходящую от единственного пути к метаморфозе конечной любую ценность времяпрепровождения массой темноте время своим притворством на неприглядно возвышающем бездумную, вырванную длинными безвласыми спортивными нозьями албастью волю унитаза, хотя едва ли сын вообще был способен следить за мной в том глубоком, сопящем розоватым дымом останавливающихся переживаний сне: я заснул сразу: снов я не видел, в чём был абсолютно по пробуждении уверен; кажется, наступает недолгая ремиссия: оказавшись утром в тихом одиночестве, я не обременяю своё существо мыслями о человеке: я просто продолжаю совершать свои привычные утренние дела: я без лишней спешки иду в туалет, я долго чищу иногда побаливающие искристой тошнотой, подорвавшей устои первичного луки, жевательные зубы, я окончательно в лёгком, смыкающем глас свой щебетливо шепчущий искусственном свете умываюсь и смотрю в запачканное некрупными капельками брызнувшей блёклой серо-зелёной пузырчатой пасты зеркало: последнее время на языке моём густится плотный, знакомо былой привычкой насевший сфероидной сочностью плескающихся кровавых жвавых фонтанов желтоватый налёт: думается, нужно внимательнее следить за своим здоровьем: я сажусь на мягкий, текстурой щекочуший мои отставленные ожиданием внимания диван, с чуть неприятным скрипом, добродушно встречающим меня своими поглощающими неестественно выдавленные фуксовыми тренировками на работе колчи объятиями, и смотрю в отблёскивающий утреннее, вновь и вновь уродующее скрип половичного воздуха солнце пол: когда-то мы клали его вместе с сыном: опыта у меня почти не имелось, да и совсем юный коллега только следовал моим же руководствам, отчего результат должен был стать экспериментально неудачным, но с задачей мы справились очень хорошо, теперь её продукт позволял мне незатейливо очистить свою мысль от чужого, изнывающего восхищением обратного греха: с час я только и делал, что смотрел на снова знаменующий начало окончательного превращения, знаменующий собственной терпеливой, методично выдавленной севдахом сегодняшних мясистых, омерзительно перестраивающий обратным образом человеческое великолепие излияний здесь кладкой мой конец пол, точнее, изображал это действие, пытаясь затормозить происходящее в моей уже иллюзорными, размывающимися в бесцветной густой плёнке таловых шаткостей дланных развеяний куафёрской временной деятельности образами обличающей ту становую действительность голове: нужно обойти все подъезды: необходимо себя чем-нибудь занять: чем-нибудь чрезвычайно непростым, долгим,

чем-то, что заставит лишний раз стыдливо думать о мнении уже униженных мною этими наглыми мгновениями последовательными окружающих о себе и тем перебьёт акцент, разумеется, давно вышедшего из связней ограничения моего православия сформировавшимся отрицанием своей естественной, уже сегодня стремящейся к реальности природы сознания в иное русло: на одевание уходит не более непроникуемой кривой лишённой иных влияний минуты: я не смотрю в испытующе облазившее лик отравленного требой третичного случайного вмешательства поддакивания отвратительному негативного святого зеркало цвета Красного моря и выхожу: действия мои диссоциально отточены и абсолютно бездушны: я не понимаю сошедших рубиново-красной твёрдой плотью своею вонючей аспидов этих, и оттого так хорошо выполняю поставленные изначальным условием задачи: меня не касается привычным, ещё вчера рациональным напряжением нарочитой цельбы оттенком вторичного мнение окружающих, хоть я и пытаюсь и сейчас искусственно вызвать в себе подобие ранее так приятно покрывающего мои отвлекающиеся на шиверу идиосинкратического размышления стыда: пришлось обособиться от их правильностью ввергающего мои гениально-идеальные умственные мерзкие вопли в неудачу мнения и действовать только в подчинении своей абстракцией смещённой к номаду уже отставленного и простовато деформированной в сущности своей громопернато лелеющей конструкцией смысла воли: в мире греха подверженный камню одешевшего существа вестимого приятием человеческого воспитания негативный святой всегда будет носителем девиации, для него человеческая мразь станет саморазрушающейся зудящей бурдовой острой, буграми неправильными стучащей нежный румянец обязанного преломлением ненормального коростой, для него греховное уродство близких превратится в повод для воспалившегося и внешним пошлым выделением отвращения, которое он будет гридией накопленных внутренних адекватий ненавидеть и желать сочным кораллово-оранжевым израительным нарывом ужаса внешнего прекратить: единожды согрешивший человек не обретёт уже в его глазах иной, отличный от могущего быть прощённым честностью восприятия пражёного модуса искристого, видного очевидностью наблюдаемого образа облик не из жестокой бессердечности, а из того, что только он с должным, обличающим целостность объектной вычурности кольчужных ветвей вниманием взглянет на совершённое: нельзя сказать, что и в желании прервать грех он показывает свою плохую, опьянённую непощением сторону, разве что милую безобидную личину, ибо далёкий от человеческой социальной эмоции человек вряд ли готов в полной мере рассудить нежелательностью обычного верующего и властью условленного права, что человек врождён бесперебойно производящей колоссального объёма гнусный грех гигантской смрадной дилижансовой пустотностью раскрытой ярким светом шарлаха колпы тивуна: негативный святой, деятельностьный святой, имя которому динасс, своенравным желанием

помочь определяет необходимое в Ад, дабы прощение застало его именно там, ибо в земляной, нещадно представляющей новые шансы жестокостью отставленной от обязательной результативности тяжбы природности он уже не сможет воплотить для себя раскаянье, и в том он упрощает долг грешника, а безгрешного же направляет наиболее кратким, без разбора управляемым одним только гулким звонким шумным тихим белым белёсым молчаливым бесцветным прозрачным радужным объёмным всеобъемлющим вырожденным пышным жирным бесплотным доземным дряхлым дебелым изборным испромозглым истылым наризным недобудчивым нористым албастым аподиктичным амбальным щавым щагульным щёчным щедрым щедушным щирым образом к Господу, и проблема в его существе как раз в том, что тем он поглощает греховность и потенциальную, и лишает он свободы изъяснения стлани божественного, и так воплощает он собою в земном адскую греховность, величайшее страдание, что может силою своей разорвать материю, что может прекратить существование земного, и тем он станет вбирающим весь густой осадок оставшегося греха в человеке чудовищем, так он воплотит собою самое отличное от реального естество греха, и в сдерживаемом ранее долговечным рождением прощённых людей могуществе он превратится в единственно бесконечную, не противостоящую Богу, но величественно страдающую положительной святостью оставшихся, обрадованную обособленной от негативного Христа как раз святостью восхищения собственным подвигом участью своею сущность: динасс нарушит выходимость греха, он запечатает её, и оттого сокрушит Рай, уничтожит единственно священное расположение, так святость его в генетической вечности наконец и станет врагом Бога, ибо более ничего нельзя будет создать, ибо всё будет отныне являться лишь обликом самого Господа, и затем динасс превратится в Динасса, и станет новым, уже уверенно создающим в неапломбическом забытии плоть в себе накопленностью страдания богом, да мир этот накалится отсутственностью Рая, и создаст Динасс тем онтологически бесконечно страждущий облик бесконечного подобия Ада, и незаметным мгновением он погрузит Вселенное в нескончаемое стенание прощевательской требы шизого юрения естественного: будь человек в полной мере одержим искрящейся притчевым норотом оторванных грехом конечностей идей, он бы уничтожил человечество, а так, кажется, он становится единственным, кто в этом утонувшем в растворяющемся пеплом кисловатых песчинок грабарых вознесений грехе мире продолжает верить в формальную исправность человека: он — единственный человек, самый одинокий человек в этой реальности, кто сумел разглядеть в гниющем пошлом трупе естественного прыщик бледной, аккуратно поддакивающей потенции формального, озвученного скорее из одного только желания передать реальному освещение пошловатого, на деле же обременённого пустотой материального невозможия куртага освобождения нежности: убийца — всего лишь ищущий лазейку простого, передающего

власть человеку над собой пути добросердечный ребёнок, верящий, будто его излизанные преполой лживого напряжения простоватые, да за тем претендующие на разрыв бытийных божественных связей действия помогут, и только его надсмотрщики в лице всего человечества чувствуют щекочущее семя протальной, воспаряющей в кислом хоботе оторвавшегося тяжёлого грозда мрази в себе, вину за девиацию этого человека, за то, что он не смог и с таким нечеловеческим усилием справиться с их отвратительной похотью, и самое лёгкое очевидностию, до чего эти уродливые, пышущие гноем нашедшей одобрение сторонних, едва заинтересованных в том наблюдателей ощеры существа догадались, грузного — это убить его в оправдание страха пред собственной смертью, хоть он и не был в действительности некогда вооружён или опасен: после свершённого он бы более никогда никого не тронул, но жестоким лезвием воплотившегося неинтенционального, вырожденного сферой человеческой несвязной наследственности зла погиб, и в трагедии этой обозначилась смерть человеческой чистоты и честности: его убили, и обезображенное стклянкой форменного гака вырывающегося гаманка надгробие едва ли отражало хотя бы презрение своей гротескной дешевизной, и через год уже на могиле остался только выставленный правом естества должного мягкий, осевший двугранными, цепляющимися колкой, играющей добром зеленью своею за отталкивающую её потливую человеческую руку травинками оливковый ветреный бугорок и сколотые воней очищенного от телесности воздуха части бывшего мемориала: через два года и те жалкие единицы памяти о нём бойко растащили пошлостью человеческой косячатости или отвратительной инертностью разбили, и ничего более не говорило о великом страдальце, о том, кому пришлось Христофором нести на себе тяжесть кажимой лёгкости человеческих грехов, да только суть их интересовала окружающих в одной только раскрывшейся дорогим лобзаньем саманных незначительных окружений сласти, преподносимой не без соблюдения модных, лишь страшненьких в познании естества уже истинного грома внутреннего тенденций: терроризм лишён нацеленной нагорной ценности хотя бы потому, что не сумел понять осязанием своим тяжёлым, насколько глупой будет случайная жертва, в иссушающем страхе и не подумавшая о первозданных причинах действий породителя ужаса; я вхожу в подъезд: запах гниения всё более резким зловонием втирается в разрывающее обсохшие светочем шелушений бесконечных стенки, отказывающееся от правды обоняние и призывно заставляет выделить из сомневающегося раскрытием своим утаянным рта солёный кислый сладкий томный глухой слышный смрадный лючный пышный звучный желудочный сок: я вспомнил, что сегодня не ел: не хочется: я, вновь не обнаружив дедушку, вышел: думается, он и стал причиной этого запаха, однако лично я не стану ничего предпринимать, ожидая действий живущих в более тесном контакте с его квартирой соседей: содержится моя вырождающая отличность третичного участия проблема, моё несоответствие динассу,

кажется, в раскопанной ранним вмешательством телесного могильности или излишней, прорастающей уголками ядовитой избоины жвавого человечности: я не стану динассом, я на него не похож: моя странно преобразившая лишь следствие метаморфоза: неприглядно расцветающее позором существо: моя выкорчёванная нелишением рвота: моя плоть: моя: моя избитая вырыванием пялов ослепших ложность: Динасс: кисловатая, стекающая обратным омерзением невишного желчь: отставленная далью ирода трактаментового смерть моя: вывороченная задом кровавых извращений плоть сына: его облившаяся мягкостью моих сильных, натренированных в мгновения извечного унижения сладостным грязным потом рук уставшая дырявая трахея: жестокость: именно выделяемая жестокость: непростение: я не смог простить восставшего выше меня человека, меня унижали: остывшая желтоватыми бугорками лимфа: я омерзителен: в отличие от негативного Христа, Динасс не может существовать: я никогда не приближусь к отдалению от должного телесного человеческого: нужно продолжать идти по бесшумно топающему моею плотью мытом выобособленного подъезду: моя задача куда сложнее и динамичнее: я буду пытаться взбудоражить в себе эти испарившиеся множественными тухлыми комахами рабственного неприятия чувства: зычно падающие на сверкающие нетолстые локоны утяжелившихся турусой вожделенного выявления волос блики цвета тосканского солнца уже не будоражат меня нервным, шипящим светлицевым спокойствием обходимого отвлечением: я трезвым расчётом иду в следующий подъезд и, с задержкой после приоткрывания двери несколько секунд остановившись перед пахучим гулом напряжённого дымкой привычного пространством уречённого, внедряюсь в этот опийственно волнующийся шумок: я упал в изрезающий тонкие кожицы гигантский куст терния, и мне попытались помочь, да только никто не знал, что в тернии этом я был исконным, прервавшимся кончаемым приворотническим возвращением рождением взращен, и безбожность окружающего криками естества его мира только сильнее станет покалывать мою облезшую продырявленными пластинками от света их мрази доисходную лимфу: ядение провонявшего редким, еле слышным в неприближении к серафическим неподлыжным тайничкам звенящего дома постукиванием внимания во втором подъезде не обернулось наблюдаемым мною таковым успехом в, справедливости ради, не так сильно смердящей чем-то инородным парадной, где не было обнаружено ни формирующих ту самую нетерпеливость приятной, призывно скачущей ко мне жневьём иных падающих под гулом, пристающих мягкими отпадениями неконтролируемого гама стен этих и свисающих жизнедателями смирными потолков искривлений нитевидных плотностей кудельки людей, ни достойного условленного желательным внимания, и с корпоративной озадаченностью я продолжил свои уж расфокусировавшие отказавшееся от влияния коби сознательной, припускающей в даль моих становлений моги пытошных ожиданий зрение хождения, и только в четвёртом подъезде

крайнего расположения удалось застать нечто вычурное из глухой тишины проставивших камень в остов молчания своего долговечного многоэтажных домов: слышались благодарные и милые реплики со стороны высокого девичьего голоса, обозначающий закрывание двери неожиданно прозвучавшим хлопком оной и резвый топот маленьких, хаотично семенящих в порывании тех растений изъязвленного ножек: произошедшее казалось весьма естественным, однако стоило из вежливого добропорядочного, впервые сегодня явившего честность человеческой условленности нежелания вмешиваться в восприятие условно беспомощного перед взрослым человеком ребёнка в тени под оседающей прилипшими насекомыми и иными таганно уличёнными принадлежностью к тому предметам лестницей первого этажа, как пришлось услышать во время открывания ею двери, смиренным центром действительного стоящей уже спереди меня и, значит, позволяющей свершать с собой подобное лишённой знания о моём присутствии девочкой, что она весьма удачно недавно стащила с заднего кармана доброго, доверительно к тому не обращающего внимание отца тысячу рублей и что потратит её на дешёвые сигареты, которые ей купят отзывчивые старшеклассники, берущие ровно половину из украденных денег в качестве платы за свои посреднические услуги: если отец подумает на неё, так она с едва не расплакавшимися крупными, уставленными шеломами беспроглядной чистоты глазами скажет про возможное, формулировкой конспектирующее её незнание вовсе насчёт расположения его пешкетно неспрятанных сбережений выпадение денег из папочкиного кармана, и тогда её ложно обвинённую светлую, странным новым ухищрением образованную голову ещё раз обнимут и любяще поцелуют: она вышла из черноватым лёгким туком обернувшегося подъезда: кажется, говорить это вслух было достаточно необдуманным делом: я не стал желать шантажировать её или сообщать об этом отцу: я занят: свершение: снова пришлось ленивой неновинкой пройти до выдавливающего необычным только сокрытую ретивой наволочью неподступаний ржавую лестницу верхнего этажа и спуститься с уже сильно измотанным обычным незаурядным физичием телом: на выходе из парадной чаще удавалось отчуждённым от отдыха в целом полканом чуть отдышаться, но ограниченный цветастой, светом ярким плюхающейся на глаза мои непривыкшие селадонном ожидаемого неприятия улицей дом был закончен, и необходимо было искать новую цель: с еле сохраняющим свою интенсивность дыханием я грозной инертной случайностью смотрел на проходящих мимо людей, однако никто на меня и не взглянул: все мои воспалённые устроением семени осребрения общего усилия канули пустоутробно: мой сын: он всегда идёт этой дорогой со школы: сейчас, вероятно, уже с пятнадцать секунд внимательный, еле ехидный неожиданным обнаружением взгляд его наблюдает исходящие от меня клубы плотного, воспламеняющегося полтивым стечением недолжных остужий воздуха: я, задержавшись на несколько секунд из неспособности

совладать с ограничивающим физическим состоянием, поздоровался с ним и деликатно ушёл от необходимости объяснять причинности моего сбитого дыхания и местонахождения: сын позволил с минуту неторопливо восстановиться, после чего мы направились домой: ещё по короткому, приятно шумящему стирающимися песчаными бледно-коричневыми пёстрыми камешками пути к подъезду он стал извиняться за вчерашний инцидент: на него мне было глубоко плевать, и я просто воспроизводил чуть ли не изначально заготовленные утешающие, в сущности своей не содержащие немрети навязанных красноречий фразы, думается, он успокоился, даже вполне широко улыбнувшись, да только запах внутри вновь излишне тёплого подъезда вынудил избавиться от вежливых, почти каждый элемент внедряющихся колебаний реального разглядывающих нами в разговоре уточнений и быстрым шагом подняться к нашей двери: сын робко предположил, что вонь эта источник свой берёт от якобы явственно выражающей то чётким, увражовым, монументальным очевидием определяемым без иных сомнений вектором квартиры писателя, но я попытался его в былой подозренческой, глухой к мразом поражённой оставленностью мысли чувству уверенности отговорить, словно вспоминая с тем едва ли связанные с нынешним случаи из детства, когда целую неделю могла стоять подобная вонь из-за специальных методов очистки трупами уваленного достылого подвала, что частично всё же было мною выдуманно: сын, вероятно, честной чистотой ответственной души поверил и успокоился, хоть и ощущал мою уже вовсе вычурно повышенную грубость, о чём и спросил во время нашего совместного перемешивания последних, причётом вздымленных окончаний выцветших остатков крошки: об этом он размышлял, как он сказал, ещё с неделю, иногда чувствуя во мне некоторую чрезвычайно неуместную тем более для былых моих становленческих алгоритмов обыкновенно кудеяровой доброты, приятственного встречного приветствия поведения грубость: странности мои из неспособности контролировать иногда выделяющиеся самыми неприглядными воспожниками скованных иссиня-чёрным отростком таланных телесных хрущеватостей существом поднёбиц мысли он принял на свой счёт, и я снова смягчился, уже в весьма сентиментальной, искренней манере говоря, как мне приходится много тратить неуёмно выделяющихся из меня страшной благодарностью условленному фатуму шаматонного везения сил, чтобы в полной мере гордиться своим прекрасным сыном, и как мне в последнюю неделю неожиданно становится плохо: он честностью абсолютно уверенного в практической полезности собственного наставления простодушия посоветовал сходить на проверку зубов: иногда их запущенное состояние даже вызывает растерянность: об этом он предположил спустя несколько мгновений молчания, кажется, найдя во мне потенциальную, на деле же вырывающуюся выставленным жирными, растекающимся темрявой окружного поглощения резекцией земляного посредством третичного образования гулко-листо-лётного вопля органом проблему

только в этом: он удивительно чист душой, как и впечатляюще заблуждается в качестве описываемого: мы доели, и в молчании, которое сын, скорее всего, тоже отнёс к следствию своего бестактного расспроса, я длительно вымывал каждое нежирное, чуть прилипающее к накапливающим этот мазок колготных вмешательств рукам пятно за выстраиванием кирпичной, вонючей личинной дряни отвратного: этот запах сохранённых высочайшим опрометным безделием сил должен был спасти моему сыну жизнь: послезавтра я проведу весь день в прогулке или в подобии оной: мой сын позвал меня: оказалось, без воды тёр я только чуть окроплённую тусклой, уже подсохшей на поверхностях её кровью усталых разодранных сильными движениями металлической, смуткой восставшей против своего владельца губки пальцев моею посуду: постепенно понимание разорванного меж пока существующим приятством и опадающим частыми кусочками разрастающегося прочными фижмами проволочного древа нежеланием времени начинает стираться, и контролировать это я уже не могу: я снова сказал сыну, что люблю его и что он не виноват в моих странностях, будто предпоследний раз встречаю его перед собой: я привычным образом после оповещения о его освобождении от работы на некоторое время предложил погулять или посмотреть что-то вместе, но он строгой зыбью лечащего врача отказался, и в момент этот я вовсе еле попятился, полностью растеряв знание насчёт желательного в этом случае поведения: сын привёл меня в чувства, объяснив, что у него уже есть запланированное для нас дело, и даже с таким пояснением я не мог в полной мере осознать появившуюся у сына неказематной свободой пробивающего тоненькими ядрышками благих влас гуменца самостоятельность: показалось, что он уже и не должен опасаться воплощающейся только обликом убогого девиации, что он в высшей степени превосходит меня и сможет защититься, но и допускать возможности проявления подобной изнывающей жестокостью пыртовых, мучительно ущемляющих костности его нещадной экзогенностью боли могущего ввести в сухо вычерненный иллюзией привычного ступор чуждого жажд ситуации я бы не хотел: вероятно, он, подобно гигантом укрухных чувственных колебаний ощущающему приближение смерти молодого родителя ребёнку, только что неподготовленно узнавшему, что отцу его более сорока, захотел непривычной твердью поделиться чем-то личным, быть ещё деликатнее с немощным духом своим отравленным стариком: я молча направился с ним в комнату, куда он захватил ещё и стул, дабы удобным сгибанием нервно колышущихся, вытыкатных нескончаемым подвижием в сопряжении с истинным ног расположиться за освещающий приветственно светлую комнатную мглу компьютером: я продолжал с улыбкой повиноваться, гордиться видом повзрослевшего во всех смыслах сына: он со схожей мною немногословностью взялся за благочинно трущуюся о проделанный длинными подобиями текстуры дерева стол мышь и стал что-то увлечённой улыбкой искать, и быстро наступил долгожданный момент, когда он

смог разъяснить источнику причинность такого необычного поведения: оказалось, он хочет поделиться своими любимыми горными породами, видами бабочек и ещё кем-то особенным: в тот обработанный противящимся обозначению чего-либо столь безобидного контекстом момент показалось, что сын мой фантазмагорически благодушен, ибо в несколько изувеченной подозрительной спесивости и в том вздёрнутом крыжом жизненных изуверств смирении голове я прокручивал самые отвратительные варианты развития событий, которые теперь желательным одобрением попросту позабыты: мы пристальным, особливо отзывчивым усердием в том числе друг к другу смотрели на множественные изображения сначала воспаривших нежным любовным взором сына представителей одних, а затем, когда менялась вновь включающая в себя значительнейшее число материала папка, — уже иного класса, и с тем обсуждение было скорее односторонним, зато на весьма высоком, оправдывающем мою необычайную увлечённость и столь далёкой от меня темой уровне: думается, решив он защищать по поводу данных пород и бабочек докторскую, получил бы высший, сильно отдалённый от потенциального несовершенства балл, несмотря на малый возраст и несколько издевательски поощряющую такое нечеловеческое, для иных вовсе невозможное в зорном воплощении усердие мимику: первой породой был кристаллический гипс, и акцентировал сын моё невозстановимо изрезавшееся уже невероятным множеством непонятых терминов внимание именно на изображении с почти идеальными зиркими шипами, в большей мере внимающими сосредоточенность конкретно выдающимся необязательным, весьма на деле обыкновенным за небрежным беглым осязанием рясных тонкостей обликом, нежели сами особенности породы, миндальным цветом в тёмных, выраженных гривуазной роскошью приемлемого местах переливающихся с дымчатым белым; второй породой стал горный хрусталь, причём нельзя сказать, будто минералы эти являлись совершенно пошло непривычными своим видом, ибо никакого условно необычного цвета он тоже не содержал, зато являл наиболее симпатичную ассимиляцию выдающегося доброхвальным замечанием уделяющего тому особое внимание прозрачного: цвет запущенного сплетающимися к основанию, стравленными глухими ударами кобылами жгутиками пара перебивался холодной дымкой стеклянных, проходящих сквозь еле касающуюся пространственной землистости материю лучей, и в отчего-то номинированных сейчас уродливыми проявившейся отвратительной, обличающей самые нежелательные мои ясности случайностью ясных бельмах сына во время рассказывания о столь, думается, заурядных вещах виднелись поразительной, овеном выплеска сущностного пышущей искры блеск и сила восторженного интереса: на этом мы будто постепенно закончили едким, словно изменяющим сущностные боли моих временных осязаний сомнением с его любимыми породами: первым видом бабочек

стал средний винный бражник: пепельно-коричневые его верхние крылья возвышались реалистичными, местами травянистыми облами образующим лишь фантомную сень неестественного незлостным грузом над сказочно порхающими конкретно на данном изображении контрастными перебивчивыми неедняческими фантазмами меньшими в смещении сверху чёрного и цвета пурпурного, миазмом приятного сковывающего прежнее шаткости неуверенного зелья: плотным светлым нотом протёкшие усики ложились в направление верхней грани обособившихся величиной изрядной крыльев и на кончиках едва заметной, проставившей плоть свою прахом источенного цосной завивались: тело было достаточно крупным, покрыто плюшево расчёсанным густым цветастым ворсом с претензией на лёгкую, еле заметную здесь бликом естественного рыжесть: хоть сын рассказывал самые тяжело уместяемые за одно беглое вслушивание подробности, внешность я запоминал именно таким примитивным, но чрезвычайно ярким образом; вторым видом стала четырёхточечная лишайница, более похожая в моём непрофессионально сравнивающем столь отдалённых насекомых уме на моль с изысканно сжатым узостью былой усиковой завеи телом: шампаневые, по-детски милые, относительно длинные крылья, верхние из которых были заметно темнее и ярче к немассивному основанию, явственно возвышались над мышечным увентом тех же неброских цветов и оттенков: она показалась мне милой; третье и последнее насекомое стало не бабочкой, но так называемым лунным коаром: хотя я и слышал весьма сложные для далёкого от изучения насекомых человека детали строения тела, вообразить в полной, условленной скорее одной ослушнической, обособившейся от действительно произнесённых описаний фантазией мере удавалось только подобие того, что разнообразными фотографиями приходилось видеть на мониторе: этот коар был последним, что сын хотел показать среди этой весьма выдающейся подборки знаний и фото, за сим и подводку к осилом втянувшему уже безысходно ослабленное внимание моё рассказу он сделал наиболее сложную и долгую: внешность этого насекомого напоминала обычного небольшого, привычного мне только по незнанию конкретного вида жука с действительно обозначающим некую близость со значительным удолием, образовавшим подобие столь искусного, узорами выделяющегося провором бесхитростного торжества облика носорогами симпатичным рожком и хитином сверху, и на сливающихся воедино оттенках смолы и оникса формировалась прекрасная, оставляющая солный привкус приставившегося солнцу гибкого тонкого фазтона глубокая палитра, ни разу за границу семенящей изрядностью кремнистого тяжеловесия пошлости в первым взором неизысканной обыкновением представителей коллекции не прошедшая: за хоть касающимся всей безграничности сыновних познаний описанием мы провели не менее полутора часа, и продырявленный пышной трещой непревратной физичности язык сына, вероятно, уже выдавал даже воспалившееся крупной, ротангом облитой язвой желание

поспать, что было очень неожиданно, ибо даже время привычного нашего ужина ещё не было достигнуто, и в восторженных, пылающих зоильством удовлетворённой нефритовой гордостью хлопках всевозможная хвала донеслась до него, как и вскоре принесённый уже отдыхающему оратору с кухни стакан хладом обившей руки мои чистой испариной плавленем петляющего в случайно странных стеклах воды, что он безукоризненной славой княженецкого упоения заслужил: когда со сдерживаемыми, но всё же пропускающими жадные истерики вычурно подпрыгивающего звуком приглушённого испуга хряща глотками допил он, стоило мне только для большей красочности внешности неуникального явления довольства сыном, чему и не пришлось ночным мраком томиться в ожидании своего воплощения, встать и постулировать искусом метафизической глубины рассматриваемого однозначность величия своего заслуженно воспитавшего в себе изображённое подобие ребёнка с высоко поднятой казематом приличия головой, как он резкими, изогнувшими его тело страшной плоскостью движениями встал в ту же благо гордую своеобразную, вероятнее всего, не имеющую трезвых аналогов позу и громко произнёс согласие с обозначенным: утопленное пламенем устроенного конкретной предметной должностью необходимого неперебачной точности кана мероприятие принесло мне особенное, невероятное для моего нынешнего состояния удовольствие, и теперь мы, отдохнув от разговоров словно отставившим мысли о сонливости сына и с его стороны диалогом о том, что же мы приготовим, решили сделать пасту, да только не учли мы, насколько изысканную форму макарон, не обратившись скупым осязанием на увеличенную стоимость уверенностью в потенциальной компенсации в виде простоты приготовления, определил я севдаховым бездумьем: с убеждённостию в своих навыках быстрого приготовления оных мы начали со сливочного соуса с грибами: всему рецепту мы следовали безоговорочно, иногда в излишне интенсивной форме теряясь в заглатывающей пространство стократного фантастического, разделяющего наиболее неприглядные сложности дела нашего устроения кухни и пачкаясь, однако всё ещё шло по плану, пока не дошёл процесс до якобы лёгких в приготовлении макарон: тяжело уже и вспомнить, сколько раз нам за монструозной, обвивающей страдающую плоть ветвями стенаний шепетливой, явившейся ребяческим вырождением наших холеричных голодов скуки усталостью рук приходилось сменить словно облитые в отдалённых нежеланием взглянуть на них оправданием неспособности подозрениях сваливающимися волокнами яркого, красным деревом выдернутого седаем отравленных болью доточных, воображаемых модными притязаниями чертей мяса локти, на которые облокачивались уставшие наблюдать за происходящим головы, истошно тянувшие с завершением уже вымученной неприродной претензией и с тем гулко отрицающие возможность фантастически долгого приготовления: кажется, надеялись мы не то на

обозначающую конец наших стенаний мгновенную вспышку сиюминутно случающегося говежа или хотя бы длящееся целую секунду редкое перещёлкивание стонущего минутными вековыми оковами наших вериг процесса: не стоит и вспоминать, что в такой дуальном, инкрустировавшем стоны остановившегося мгновения предпочтении мы отстояли словно не менее часа, вероятно, даже суток, из выбритой неостановимым бдением над так хитро сбегавшей иногда нежеланием приготовиться непоздно укрухой внимательности порой отказываясь от пред тем хоть собою отвлекающих заросшие пышными, твёрдостью разрывающими новый кокон восторжествовавшей темноватой поросли муками греховного ожесточения влас тысячелетия разговоров; по окончании наших звенящих тишиной неряного ожидания страданий пришлось в изнывающей глубоким осязанием чудовищной, обрамляющей порядки, привычные мироустои подло заменившей заслуженные нами должности горячей материи эвисцерацией нужды в том микроволновке разогревать соус, в фактической дозволенности законами массы чего мы абсолютно не были уверены, но в конце концов изменившее разумы наши бесчестно неприличной сладостью провонявших недолжно вываленным в природность человеческую дикого воплощения хабаром смрадом прекрасного языков наших блюдо получилось пугающе вкусным, даже в соседстве с этим утончённо терпким из добавления купленных в тот значительный поход мой вновь недешёвых трав, названиями которых я уже и не обременял свою вовсе отошедшую от бренных неэмпирик мысль, так воспитанно смакуя каждый обласканный соком чарующих, разрешённых безгреховностью невкушения истинной мамоны прелестей кусочек внутри сковывающей питательные, свечением подрывающие натянувшиеся едва сдерживаемой сеткой обсохшей петлями внутреннего ограничения куги животы элементы и нашу железобетонную или даже алмазную, достойную слова волю скромно позволяющей своими мощными, натренированными гаком телесной сочетаемости с неволей действия раменами пользоваться ею тарелки, и стоило сыну доест, как он начал тихой инертностью мыть посуду и хвалить меня за рецепт, в сущности, кажется, абсолютно обычный, зато с использованием особенных, лишь усложнивших готовые только к ёре качественной трудности, но не временного отягощения участи макарон, в секунды долгого ожидания ловко конвертирующих нашу испещрённую трагизмом высочайших оскорблённостей судьбой печаль во вкусовые качества: я недолго квитался с оставшимися гостями моего хрупкого, восставшего величиною истинною белого казана, будучи почти сразу обворованным сыном: посуду он мыл с улыбкой и еле слышными рассуждениями насчёт предстоящего завтра блюда, и тогда я пошёл в искрящий полутьмой коридора туалет, дабы удовлетворить свои ожидаемо образовавшиеся за это время нужды: я сел оголённым, обиняком горячего стоявшим подле вновь отдалившейся от меня обыкновенным непониманием бесчувственности бывшего телом на прохладный, гладкостью

свивающий меня к центру стульчак и, стараясь нащупать неловким, продолжающимся только из уверенности в отсутствии наблюдения за мной танцем граничим недолжных желаний тела удобную позу, случайно коснулся своими трудом покрывшимися жилами отвлечения желтоватыми ладонями тёмных, пробежавших по плоти моей облыганием временного волос на лишь сейчас установивших стройность положения пошатывающихся ногах: кто-то сильным, терзающим моё возбуждённое при том словно заснувшее, опавшее мягкой, скатывающейся книзу велюровым сияющим кубарем расслабленного постоянства пимой знание громом стучится в уже прогибающуюся некрупным, передвигающимся непостоянным звучием радужным ухищрений местом тем дверь: тяжело было бы объяснить неожиданно поместившемуся в такое неожиданно оглушающее накинутыми длинными терликами положение сыну, как это произошло: обросшая отлевыми уголками еле причленяемых к телесам его озадаченным бриллиантовых белых звонких массивов сквозь сочащиеся эксудатowymi уплотнениями выплеванных случайностей раны его назола, очевидно, проникла в сознание стучащего: нельзя и предположить, чтобы это был кто-то кроме сына, да и постепенно я стал способен различить появляющиеся за дверью зычными началами неприглядных следствий моих звуки: сын истощенным неуёмным жиром грубого необязательного приспособления рыдал, уже без определённого темпа стуча в принимающую только редкие, теперь сильные пинки хрупкую дверь и говоря нечто воспалённым отчаяньем воплотившегося пред ним самым неприглядным обликом искуса о детском доме: тут же я надел обратно ещё свёрнутые тем же положением штаны, хоть и мало в происходящем мог трезвым пониманием ориентироваться, и якобы уверенно вышел: предо мною оказался склонившийся на покрасневшие комочками выбеленных петель плотного ковра колени сын с опущенным ввержением собственности и моего превращения вниз лицом, и как навязчиво щёлкнул я неисправной старой золотистой ручкою пластиковых натур, чрезвычайно мокрая в висках неблаженных, раздувшаяся истерикой голова его резко поднялась ко мне, облачённые влагой крамольной искренности зрачки расширились, а недолго нависшее удивление в открытом фуксом гулким безветрием рте быстро сменилось безобидно выпавшей честной радостью улыбкой, и он, резко подпрыгнув, крепко обнял меня: в позе этой он начал словно неуёмно отчитываться за бросивших его родителей, снова и снова извиняться в сероватом блике осыпающейся в пространства эти отрешённые темноты за своё происхождение и непослушание, и оставалось мне только попытаться уже проявляющимся пока лишь интуитивными послушаниями вверения настоящего осязанием понять, как он в то незначительное мгновение сумел и выключить везде свет, и вывести из себя подобное чувство, и добежать до двери, начав ещё и со всей силы неожиданно стучать: только он успокоился, как я стал спрашивать про подсказывающее с каждой томной, тающей отвергнутой ладой

желательного секундой непротиворечивость внешнего произошедшее: вновь оказалось, что я потерял, скорее вовсе непроизвольно растворившись сменой с собой непринятого, счёт расставленного расположением чудовищного времени, в условном беспамятстве проведя уже более семи ужасных, напыщенных полиствием щипящих, пробивающихся в органы мои струпьями жирных сочных паразитов каплей уплотняющегося волосом проникающего яда часов, в которые сын даже не мог сходить в туалет, отчего противоречащее потенциям крайних, но ещё располагающихся обыкновенно ближе к норме мер следствие одного уже я разглядел на истерзанных закручиваниями свершённых в надрывном подчинении душевной боли движений пижамных штанах и местами на полу, и последние несколько трёхчасий он только и старался быть услышанным уродливым отцом: вероятно, убей я себя, из вежливости этот человек не дерзнул бы вмешаться в опустошённо ещё могущую предполагать нежелательность освидетельствованного им крылосами изрядного заточения человеческого существа вторжения задверицу за воспитанным поджиданием возле двери подобного подъездному гниению запаха: он ещё продолжал проливать так расточительно взволнованные моими непомощами хрупкие непрекращающиеся слёзы, предметно обоснованная причина чего осталась мне последним скрытым обстоятельством, и в сбивчивом объяснении он случайными, душащими светлицы расположений его первичных перерывами обозначал теорию насчёт моей болезни: в основе её именно яркая, теперь реакцией нашедшая мой отчего-то почти гневный неозвученный, выползающий отрицаемым упреком бестолковость сейчас проливающего своими слёзными каналами литры жизненно необходимых, почти потребованных в беззвучном гоготе извратившегося вновь неожиданно вылезшими пухлыми виднеющимися кистами секундами ума на должность иной утилитарности веществ: он говорил, не будь у меня тяжбы воспитывать его, якобы находящееся сейчас в наиболее неприятном состоянии здоровье моё никогда бы не пошатнулось, и чрезвычайно тяжело было объяснить, что только он святым краем собственной богодухновенности отдалил конец моего значительно более уродливого поветрия, что без него я едва ли стал вновь существовать, что вне его только вновь обратившей меня к будущему жизни не было бы моей ранее неблагостно обезличенной и ничтожностью нерешительного верующего истории, однако смогло только ослабленным, отвратительным в реалии своей прощением покаянное позабывшее то смешение с отрицаемым тело к нему, встречно горькой сепией несмываемых владений заплакать и с полчаса уверять его в абсолютной невинности, и на таком уверении я сразу отправился с ним почти насильственным, единственно родительским вразумением спать, ибо сегодня, как он мимоходом сказал, ему нужно будет в никогда не пропускаемую при определении им необходимым школу, когда уже идёт развевающийся полотном укрепления вновь надламывающегося остова третий час ночи: ещё немного твержи честной, и в падении своём

защищающейся последними, свистящими белизной розовых тучек гнезда обособленной способностями своими обороны поспрашивав про моё вроде и не подающее теперь вид чего-либо несостоятельного состояние, он быстро уснул со свойственным себе лёгким, трезвенным цосном льющимся тихим сопением, а я с уже привычным, хотя теперь и словно вычурно отвлёкшимся от спокойного, согласно отождествлённого совершенным потопления тянущимся звонким, сбивчиво сменяющимся выкриками безмолвного отсутствия семенем перекрещивающихся друг с другом вытянувшихся содрогающихся еленей ставе бессмыслием упёрся в аккуратно расположившей меня прилёгшей к мrazу скрепляющихся жаром оплёванного жидкостями густой тяжёлой стекаемости телесного шипения плотей лютю позиции в основательно воняющую бесчувствием неземляного шершавую стену, вновь обезмысленными волокнами возвратившихся нелюбоначалий заснув неконтролируемым мгновением лишь спустя пятьдесят минут: снов мне в ту стекающую скорым окончанием и несвойного ночь не снилось: отчего-то бодро вздымленные дочерью испаряющейся рыжеватой массы пространств внешних глаза мои распахнулись условной машинальностью в обозначенный давно запомнившимися негромкими звуками момент возвращения сына со школы; подрывающий бесцветие сил иных размашистый дневной свет глубоко осел в жальнике моего сна, и поприветствовавший с еле позволяющего остановить на себе кутные отстранения внимательного взгляд порога, увидевший распахнувшиеся блаженным томлением бежевых приятных обозрений сонные веки сын нисколько не удивился моему позднему взбодрствованию, ибо, как он сам сказал, вставать ему пришлось в крайне неприятной, вполне склоняющей к моим нынешним стопам телесной конституции: сейчас я уже чищу деформировавшие лайдаками свойственного чистоту за ночь зубы свои: в отражении грязного виднелось странное, гулко воспламеняющимися искусом необходимого антично-белыми узорчатыми мелкими плерезами обшившее налитое здоровым сном тело моё в ожине истинного, в формировании настоящего бесформенное, уродливо, разрывающею хрупкости сомневающихся тюльпанчатых вскрытий туместного граничия ротовых отстранённостей личиною облочных размытий пепельных раскрывающего костлявые вырождения вновь растягивающейся кровавыми сочными шлейфами маслянистых, смешавшихся с остальными восстающими в разбегающихся разжиженным листоподобным, уплотнившимся в шевелении смиренном соком ранах ртами выпадающих сквозь расщелины высокие пузырьков существо, иногда некоторой иллюзорно восседающей под неправдоподобием скорее странного неужасного уродства парой опухающих сливовыми гроздьями мелких опухолей глаз выскакивающее в ожидаемо размытую фокусированием моим точечным сторону и распластывающееся по всей изрезанной молчаливой рвотой пульсирующего страха площади ванной комнаты: я на это не обращал особого внимания, да и

делать то было не так тяжело: я умывался в абсолютной, раздавленной и невидом ближайших рамён моих густой темноте, и единственным пригожеством окропившие, неусердно находящиеся подле меня брызги лишь воображающего иные становления чувственного сознания виднелись только еле видными пятнами хладного горячий, однако я всё же сумел в них подвергнуть происходящее неловким протяжным стоном незрячей глухоты нехитрому, скорее только больше путающему меня анализу: я выхожу из словно обложенной единственно заметными, уже оголившими висающие тушки улыбающегося местами вырванными окровавленными клыками нескончаемыми языками мяса костями ванной, а сын уже сел за так диковато отвлёкший меня от стравленного привычным кошмаром покрывающей всё осязательное и тем превращающей это в недоверительно свистящую хоботом недолжного, обозначающего гибель и едва укрывающего обтянутые гелиотроповыми облачками неизбежного струпья твои контроля застывания массу иллюзии сознания компьютер: я спросил его насчёт обеда, однако он ответил только, что просто поест чуть позже мороженого: вероятно, он не поверил в мои честно отвлекающие от предварительно направленного слишком прочным остовом к юроду вектора мысли ночные разубеждения, всё продолжая игнорированием иных оправданий винить себя и отказываться даже от воспринятого им мглистым бессветием вины совместного приёма пищи: я иду в сторону снова вмещающей меня звуком отлипания чуть увлажнённых крупных пят кухни, достаю в несильно шумящем при открывании любой силы большом холодильнике несколько возбуждавших инаково мощное желание овладеть их нектарами овощей и ем то без привычного деликатного промывания или уже совсем претенциозной нарезки, иногда чередуя то в отдалённо напоминающем своим бесхитростным природным целостным провором салат порядке: начинать почти всегда следует с самой невкусной части, по крайней мере, так получается наслаждаться адаптирующимся к хорошему, справедливости ради, лишь в моём очевидии редрой частотности вкусом дольше: во время этого своеобразно восхваленного резкостью смены парадигм приёма пищи я мягким плавлением падаю оземь, со стороны весьма жалкими способами пытаюсь собрать воедино развалившуюся свои насыщения пухлые тарелку чуть заветренных, но так чарующих сейчас опойком возвращенной пышности овощей и в итоге просто отдаваясь воле прохладой принявшего мои непривыкшие к тому тела пола: яркий, опустошённый в середине своей объёмною звездой игольчатых стенок неоправданного редис в будто произвольно раскрывшемся рту моём пролежал, кажется, не так долго, чтобы сын заметил странность в пропаже, но достаточно, дабы стёкшая в горло горячая плотная слюна, отрывистыми сволочами пищи и моих консистенций выходя с хрипящими кисловатыми кашлями, поставила жизнь под поднявшуюся серебром веры третичного угрозу: я, пытаюсь выдающими пошлого, отворачившего от себя прекрасное одним только воплем к

кровавым, явственным, матицей реального выявленным шепотливым бликом отражённым испражнениям человеческого тела мясника звуками из кухни не демонстрировать свою неспособность даже поест, собираю обкусанные неравномерными разрывистыми жирными плевыми пожелтевшие старостью овощи в находящийся в холодильнике небольшой, умытый растаявшей полупрозрачной влагой небольшой пакет, пытаюсь явно неловким порывом положить их обратно, но пробившиеся пошлостью металлических тонких ступ руки перистой отупевающей дрожью вновь роняют ещё и все остальные домашние небольшие колючие вердепомовые огурцы, желтоватые продолговатые, плотностью все добы мои душевные утоляющие помидоры, рубиново-красные небольшие редисы с длинными тонкими бугристыми хвостиками, неоднородные крупноватые репы и даже пару привычно облитых кружевом формы своей приятной листиков щавеля и руколы на тот же принимающий пыльные нападки осевших фуксом влас и удивительно вместившихся здесь каурой материальностью песков пол, и мгновением, мною скромной тишиной обозначенным для одного только напряжения мелкой, выправляющей стан тпрушным исполнением мышцы, осевший донным безсодержанием желудок резким импульсом стонуще свело: меня неконтролируемой тяжестью вечной, ударяющей длинными ножами притупившихся пластиковых застываний стукотни стошнило в открытый доверительной щедростью холодильник, и в великой слабости я случайным неосознанием происходящего отошёл на несколько коротких робких шагов, поскользнувшись всего лишь на заставшей меня единственно возможным забытым местом незначительной вязкой кусочковой лужице, отскочившей от сероватой дверцы рвоты: потолок гостиной: склонившийся темнотой впавших недвижных белых глаз сын смотрит на меня вновь плачущими глазами: он снова говорит о своей вине: я снова говорю, что он не виноват, неловким вмешательством неумелого вранья иной характеристики быстро встав и направившись в сторону язвительно отбившейся от меня кухни с одним только ещё воспалённым в моём стучащем смрадом ненормального теле желанием убрать всё содеянное: сын остановил мои незрячие, отягощённые пеленой белёсых желчных уст порывы: он давно всё убрал: я спросил о времени своего условного отсутствия: он тихим уважительным осуждением сказал, что водянисто пробултыхался я вправленными утомой простоватого физического нерасположения конвульсиями около трёх часов: значит, сейчас примерно пятый час: сын подтвердил моё предположение, и в комнате нависла стрекошущая наши опавшие под розоватой остаточностью разодранных пружиненными ниточками витиеватых блонистых опор устами мышечных волокон умы тишина: он перестал плакать, кажется, запомнив моё превратно понятое самым нежелательным образом нехотение слышать от него подобные слова, нередким прорановским исключением позволяя себе такое только при моём неформальном отсутствии: из меженины картофелевых содержаний я только

поддерживающей тяжёлой величины уровень печальнейшего, заурядно оглашающего именно общее осязание уродства взаимопонимания гласной походкой предложил сходить в магазин: сын ожидаемой реакционностью востормошился и приоткрыл кунштюковым очевидным обманом присохшие своей несосредоточенностью к находящемуся сквозь глаза чуть шире, после приняв привычную, уже лишённую позволяющего ранее ещё отшучиваться вежливого, окончательно сомкнувшего границы растрёпанных теперь генетическим очевидием друзов притворства позу и грустный, теперь сосредоточившийся на рассмотрении своих поцарапанных за последние дни вследствие как раз и неспособности распределить волнение в мгновения моих отпадений волоковым нечестием рук взгляд: он отказался: я, не став продолжающимся надрывом отвратительного знания спрашивать причину отказа, пошёл один, при открывании входной двери без должного разворота ещё раз уточнив его обозначенное, очевидно, бескомпромиссной нуждой внять своим очерченным, доносящимся сквозь истончившиеся сытными мареновыми, капающими влагой прорезавшихся нескончаемыми жёсткими кольцами пор волдырями стены клоком мыслям нежелание вопросом: оно было неизменно, и я случайно хлётским в неспособности должным образом контролировать силу конечностей движением впустил отвратительный, пробившийся в нос загадкой ещё и насчёт былой нашей изоляции от него запах в осевшую тут же темрявой безвыходных воспалений квартиру, тут же закрыв инертной, усилившейся могуществом волей тяжёлую дверь, быстро успев внедриться в уже проникающий своими колкими шприцами в моё очищенное человеческим существо подъезд: имеющий чесночный оттенок выскорбленной пышным, искрящимся вдоль лопающихся сосудов ротанговым гноем болезни смрад был невыносим, отчего меня вновь ещё более тянущей занозой изрядным вонючим безъязвом стошнило, однако почти всё я смог сдержать налившимися чуть выливающейся полнотой половинчатого объёма щеками и перебирающими скатывающиеся меж складок неглубоких губы двумя уставшими руками: в течение мучительно продлённых моим непониманием желательно потенциального трёх минут я поэтапно выпил содержимое сияющих смоляным басоном ладоней, дабы, как мне в те оставленные хоть едва трезвым осмыслением мгновения подумалось, не тревожить соседей сильнее: петляющие слабыми тонкими ветвями руки я небрежно обтёр о недавно покрашенные таким внимательным усердием стены и с напрягшей уверенность в целом дальнейшего слабого шевеления ажитацией проявившейся сквозь сомнение слабостью в голове стал спускаться: стоило только один раз свернуть, как предо мной начали возникать толстым, неуместно облепляющим требующие великого бесчеловечного заточения стенания слоем мои соседи: как заметили меня, они стали беглой проникновенностью разъяснять произошедшее: он действительно всё это время сгнивал в споспешности наконец обращённого к нему и разбираемым теперь

суматошным явлением работам внимания в абсолютном одиночестве, и теперь, когда соседи уже не могли выдержать проникающего едва ли не сквозь ущелья иных домов запаха, они выбили висящую на старейших, неким чудом ещё функционировавших изнутри навесных замках дверь, хоть ранее и пытались множество раз кисейным дружелюбием стучаться с соблюдением всех дипломатических условностей: оказалось, он умер за писательским столом, вручную расписывая уже пятую, как сказал вошедший в квартиру с противогазом перед прочитыванием вслух остальным жителям его текстов парень, напомнивший мне о позавчерашнем энтузиасте неизысканного подвига, брошюру: кажется, каждый из этой жирной, лопатью справедливых своевременных печалей падающей толпы пролил не менее одной негорькой, шафрановой внешностью своею сверкнувшей слезы за наблюдением в неаккуратно обвязанном вокруг носа домашнем намоченном платке или защите обычной, иногда и не влажной салфетки: они все дымящимся, шишигой окружного звонко пробитым гоготом незнания скорбели о нём, тем же поверхностным взором посчитав меня своим, однако я просто хотел выйти из парадного, и в очередном, внешне уже позеленевшем моим выпученным рябыми, неприятно выделенными окружностями рылом рвотном порыве из отсутствия хоть симптомно спасающего от этого ужасной, мразью торного отвращения проникнутой вони мне удалось умозаключительным непояснением протиснуться, снискав в изысканном талан общего общественном мнении некоторую усиленную нынешним положением жалость: странно, но они никого фантазмом ирреального совершенства человеческого не вызывали, посчитав этого человека достоянием своей обозначившей его святым как раз заслуженного порядка собственности: выйдя из-подъезда, тело моё немощное всё же стошнило, однако я направил обливающий кусочками словно сражённых лососевых сосудистых кисточек органов моих дерзновенный нарыв в ятной интенцией определившуюся мусорку, с облегчённым задыханием инфильтрационно обработанных должной болью страданий обонянием и отяжелённой глухими звонкими ударами семенящей болью в лопнувших свисающим рушниковым наполнением висках и свистящем эхом вылетающих мясистых щедрот горле начав свой путь уже без обременительно ранее привязавшихся корнем к окончанию моей метаморфозы попутчиков: ретиво продолжающийся влачиться сквозь эту шипящую гряду дебёлого стонущего никелевого жира ум удавалось сохранять только в относительном качестве, но уже я не мог вспомнить за тащащими меня воздушными яствами севдаховых шлёпающихся прорезей пеленой цели своего выхода, определив оной великую битву, предначертание которой формой шевеления неуречённого посчитал естественным: я колышущейся ивовым фалалеем отречённого гулом небесного влияния долга походкой колебался между означающей раздирающим смиренное моё стенание недельного звуком проезжающих машин дорогой и сбивающим при пересечении его несильными

припадками согнувшейся изрывистой гатью выи бордюром, оттого дважды чуть не обнаружив встретившуюся достаточно неприятным, проставленным ламентацией недовольного влияния вырождением нежелательностью фуксовых пришествий смерти за возбуждённой пышностью еле до того решающихся воплотить действительное в опухшую неприглядностью бездеятельностного отмывания прилипшей клейкими длинными нитями невишних центров плоти от становления инертного, распростёршегося прострением вполне привычного иному содержателю размазанных областью неестественно бездельных плоскостью влияний на земляное явление продолжающего смрад расщеплённых твердием сгнившего реверсией того же страшного, одуряющего иступлением спокойствия твоего кисловатого убранства умета белков греха своего естеств неадекватия громового существа динамичность земляного слабостей моих бойцовской гордостью: я нахожусь в лесу: вероятно, я смог продолжать нелепо падающий неподвластной шелепой скатывающихся прочностей шаг случайной изливистой платиновой проталиной шумящих прей отвергнутого осязания ветров: малахитовые оттенки падающих на меня отблесков прекрасного, кучностью спадающего на чрево моё удавленное леса заставили щёлкающим, антагонистичным здоровью шеи движением обернуться за обозначенной ляписом испаряющейся каменистой лёгкостью воли попыткой увидеть всё в настоящей, уже представленной прямым поражением отставленных ранее дистанцией стрекочущего лишь пуантелями грозных изношенных точных пеплов блеска пял моих отрезвевших красоте, однако ведомый только властью неспособности взор остановился на вычурно вросшей в ветреность опустошённого непрекрасия выдавленного рельефным плотным шнуром свисающих обязанностей раменья ветке безмолвно восседающей под могуществом колкой, обвивающей чуть шелестящие грозди обрадованного преложной поверхностью молчания зелени дерева, и только щедро капнувшей лобзаньем костлявых острот секунды хватило, дабы раскатом потрескавшейся, разливающейся вдоль материковых моих ограничений гранатовой густой кровью криги понять убранную центром испещрённых лязгом свистящей материи культю отвергнутых натур отвративление от легкого: как в первую очередь остановившие на себе удары слизняком выпавших сквозь внеболезненную звонкую боль отвлечений от бывшего взглядов руки, так и вся иногда оголявшая иную часть тела полностью безызынной правдой одежда моя была в местах осыпающейся плотью давнего синелунья бардовой липкой слизи своих углублённых вбившейся множественными каменистыми уплотнениями грязью рваных, ведущих за собой отрывающиеся тряпки обсохшей точно нерыхлыми длинными ралами кожи длинных порезов, а находящаяся передо мной острая, разделённая осадком выброшенных воздвигнутым пышным флёром семящей по нервным силам униженного великолепия иллюзии грунтов ветка изображала целым, удивительной лодейниковской плотью

мгновенного сохранившимся длинным, стремящимся неправдоподобной язвой вбок шлейфом розоватой, почерневшей возрадовавшейся пухлыми тонкими сосудиками свежестью кишки насаженные диковатым рваньём освобождённых заточений множественные, будто обработанные особенно жестоким жаром внимательного должного удовольствия органы белки и её деятельностно свисающий на обозначенной мглой плотных шероховатостей матери распотрошённый легеоновой, расцветающей крошечными оскорбленными уколами томных унижений еланью труп с издевательским ряжением третичного выбитыми, слегка ещё сохранившими обособленную нарочитой угодностью заведомого целостность, опавшими мерловыми кочками глухих отпадений глазами: вышедший тяжестью новоначальных сухостей распавшегося удушенным галиотисовым возвышением траком воздуха смрад преодолевал уставшую гаком воплощённых пудромантелью осевшего осквозь чувства выкриков похоть вырвать из себя часть плавающего граничем, видимо, уже множество раз попытавшихся свершить это тухлых пустот желудочного сока, но только непрекращающимися, звучащими прерывистыми наслоениями друг друга громкими отрывками я несколько раз едва плеснул накаченной своим чуть выплевывавшимся избоиной гноем раны содержимым, и в неадекватным колебанием в разносторонность иную походке, расставляющей каждую неловко выбивающуюся твёрдым боком ногу по-своему, я чудной опьянённостью выбрался к тихо щемящей обыденностью неизменных шорохов дороге: я был всего только лишь в невысоких деревьях небольшого городского парка, значит, мог быть замечен: я выкопал кровотокащими от необдуманно сильных, даже лишённых эффективности должной острых ударов отвердевшей земли ногтями небольшую, едва сокрывающую произошедшее кадом лишнего внимания ямку, прерывающимися на тупой стон неспособности согнуться шевелениями поместив туда всю оставившую на себе и множество приставленных невырываемыми чуждостью недлинных веток окровавленную одежду, тем же непостоянством засыпав этот острый, отяжелевший капающим тонким осадком жирный ком и резкой несвойственностью пробежав через неширокую оживлённую дорогу: проехавшиеся закрученным, очевидно, изменённым, да безрезультатным невмешательством волнения машины меня не сбили, только множественными выкриками и риторически посигналив и обценной, удивившей меня отчего-то своей рыжеватой неуместностью лексикой определив место в их картине мира, и стоило остановиться должным обезопасить мгновением встать, как меня несильно толкнул едва начавший облыжной трагедией дорогу и уже остановившийся, наполненный лишь на треть свою странными, вычурными сенями помрачённых внутренних несоответствий взорами припавшими ко мне пассажирами автобус, который я не заметил за направленной к другим оскорбившим меня водителям нервной улыбкой удачливого выжившего: я сменившим пошловатые эмоциональности гулких

неспособностей теперь продолжать следовать былому, уже словно и принятому неплохим, прочной фиксацией выставленным вариантом назначению испугом взглянул на обозначающего меня вновь повторяемыми словесами водителя просигналившего уже после нашего забвенного контакта автобуса и резким, оправданным нежеланием отвлекаться на подобную устрашающую величием сгруппированной, чернильно разрастающейся сепией проплывшей простоты немощность движением побежал: по пути я случайным достоянием необычного собрал едва ли не взоры всех проходящих мимо утомой невлияния прочего и не только людей, решившись наконец осесть безвременным восстановлением должного в кусту непышном, но, справедливости ради, единственном относительно крупном в обустройстве стоящего близ оживлённой веригой моих планов дома, хотя и со вновь напоминающими неправдоподобное серафимовское неудобство острыми, но достаточно небольшими шипами: уставленные со всех сторон остовами миотических отпадений колючки пробивались сквозь мою оголённую и выправленными вне натянутой кровотокающей нестянувшейся кожи мышечными пестроватыми покровами кожу тернием, однако я терпел: думается, я ещё могу реабилитироваться, я ещё могу оставить произошедшее позади вежливым неупоминанием, теперь мне нужно было только аккуратной нетугой поисков настоящих выводов пройти домой и незаметно залезть в принимающую меня всегда трезвым естественным одновремением ванну: таков мой план, и я его буду держаться с того самого момента, как наконец отдышусь за влетающими кислотами отчего-то сильно отяжелевшего, уже рвущего лёгкие изнутри песочным вмешательством жирного воздуха, да новые, прорывающие новые плёнки полностью облитого виноградными папилломами отставленной в необходимости наметить вектор деятельности боли тела раны словно мешали этому всеми силами, отчего и приходилось иногда надрывно вскрикивать, протяжным воем шипеть на отдаляющееся с тем убивающимся самостоятельным жогом страхом растение: возможно, сокрытие моё потерпело нещадный, столь уродливый, что и внимания иного он не восплаляет в рассмотрении явленной нужной недурости, крах, ведь за этими вновь появляющимися пробивающимися скруглёнными струйками ранками и уже текущими по моей вспотевшей пористой коже старыми лесными толстыми ручьями шлёпающейся всё снова и снова крови приходилось слышать примерно каждые десять секунд вычурно выведенные в невыносимо громком шорохе оставшихся звуков отвратимые от меня брезгливостью реплики насчёт сумасшедшего и должность лишней раз превратно умолчать об этом, дабы он не обратил на тебя указавшееся обыкновенно свивальником бесчестия первого внимание, и смял я пышущую воплем слабости жизнью плоть в вышеженный опавшими плотными лужами, выбивающийся торчащими полунитями жирного рудимента клубок, углубив молчаливо теперь осевшую вымученной дисциплиной голову между прильнувших ко мне задыханием в ниспадающем вырывающимся

раз в несколько секунд меж ними ради долгожданного вдоха лицом моим водомёте ног и попытавшись скрыть своё нескрываемое вонючее присутствие: спустя минуту я уже не слышал испуганных речей о себе: кажется, или я окончательно утерял привычно связывающийся с вынужденным нодьёй возвышающихся под нескончаемо углубленным тьмой отстранившейся от привычной томлению моих отвергнувших допускающую шутку и уподобляющейся жизненному поэтики истинность свою дум весёлости рвом паров динамичным слух, или мне удалось изворотливой шиверой безупречно спрятаться, и в пробивающихся рябых бликах вечернего, ультрамариновым покрывающего вынужденные поодаль и всмерь границы искрящегося пылью обязательного солнца среди направленных на меня острых, осребрённых иловой опасностью подстрекаемых гаком разверзающегося свесом отяжелевших плоскостей эха начал игл я смотрел на отстранённо напоминающий колебания мои недавнего лимфаточия невысокий бордюр с одиноким, распираемым проводимостью эрозии первичного вожделием: скорее всего, только он смотрел на меня без презрения, без стонущего ранимой тонкостью внешних обмажных оболочек чувства вины: скалистая его побелённая основа резко обрывалась и становилась привычной: эта серо-бежевая материя тоже некогда была лишена чего-то важного, просто по имбиреватому, обтянутому выпрыгивающей рельефной вертикальной вереей факту начала своего порывистого существа: он тоже вряд ли имел возможность обрести иной, отличный от моего генетического исполнения путающей только количество и вторичное качество воли исход, и я спрятался от него в тихом, незаурядном склоками стянутых срезающей поверхности млинной неудачи морщин плаче: вокруг меня едва ли теперь могло что-то привычной цветастой, разукрашенной порывающей с осязанием привычной обходимости интенцией ложью существовать: смягчённая наибольшей резвой молчаливой опасностью голова щедро залита расставленным воочию раинной невыдираемого начала кипящим маслом сожаления не о нынешнем положении моём, а об убиенной белке: гнев мой на человеческий грех никогда не распространялся ещё на животных: значит, далее я ни разу ещё не заходил, всем существом сейчас шагая в бурлящую благоухающими цианами, скорбную кровью близких, окончательно истощимую неподконтролием неизвестность: белка не была ни в чём виновата, она, возможно, безобидно догадывалась только о моём благонамеренном желании накормить её, однако встретила непригляднейшую, опавшую на неё семяющей сквозь расхрустальный берег ранее непогрешимого уродливого бедствия жестокостью смерть, и могу я только мечтать о том, что сделал всё это быстро, не долгим бездумным вожделием раскрывая короткими, чуть словившимися углублёнными прорезями почерневшими, окровавленными и моими излияниями болезненными ногтями нетленную плоть так безобидно шевелящегося ещё справедливым невеликим, содрогающим его мило играющие на чуть менее власистом

небольшом месте волоски испугом небольшого пухленького живота ещё живого, чёрными глазками пробегающего по твоим сильным, несправедливо сковавшим его дрожащую в нарыве лёгкого хруста плоть рукам существа, и хотелось бы всеми своими имеющимися ресурсами обойти участь наблюдения в обитых яркими плесканиями неконтролируемых измышлений схиливших волей ужасных кошмарах эту опьянённую падающими тельцами безобидных, почти игрушечных во влажной, шипящей уголками пробивших вооружившиеся лишь теперь избавлением от того пальцы хрупких костей бездыханности своей животных омерзением картину, да всё теперь проявляется в выделяющихся одним существом своим горловым оттенках китайского красного, и впитавшаяся заживляющей обнажившиеся вырванными костями крупные отверстия мазью благоухающая кровь моя с дрожащих ещё сильнее сожалением о причинении направленного изначально к деформации человеческого, вопреки боли греховной, ненаправленного вреда животному пястей никуда не пропала, омерзительным яством несправедливости запахом своим вновь выворачивая мой уже обучившийся изменять сомкнувшееся обогащённым множественным уделом загребцом положение при необходимости истончившийся желудок давно без вываливающихся масс, и даже хрустящей, ослабленной шепотливостью отрыжки я более не низвергал в нежелании существовать внешней неабстракцией довременного горя: возможно, придётся уйти раньше запланированного: для того мне нужно будет попытаться вырожденным воплем необходимо продолжающейся только из страха нарушить равновесие это неуспехом внешности моей случаем поговорить с сыном в его очередной, вызванной мною уже абсолютным очевидием осложнённого теперь самым страшным моим обликом из случайно предложенных прогноза сильнейшей истерике: будь у меня отвергающее необходимость предстать пред ним крайний или значительно отдаляющий от следующего раз вживую время, я бы сразу объяснил ему всё на бумаге или любым иным образом: я просто должен после уйти с заранее подготовленным в этом направленном навстречу самому быстрейшему справлению данных словутых наиболее ценными в среде обезображенного отпавшим от притянутой надрывом стекающих мясистых блестящих складок пластины прегрешения человеком долгого воя подробностей импульсе порывающейся сожалением обыкновения кремнистых деятельности грезди телефоном, написав уродующее существо выделенного вымучья отлевого объёмное сообщение и тут же с перестрастьем уметного нахождения пульсирующего холмистого истончённого горя выкинув его, дабы более не извращать без того опошленное отламывающейся сухими тяжёлыми корками бисмарко-фуриозного тления песчаной плоти попавшегося свету обозлившихся алистыми кольями толстых небес глиной существо возможностью быть пойманным или отслеженным: чтобы не подвергнуть опасности самого дорогого мне человека, я должен всё сделать грамотным, выверенным в каждой тонкости своего кажущегося маловажным

рукотворного, решившего воздействовать на будущность моих последствий изделия воплощением: я сбегу в возникающую дымом сомневающейся в правдивости своей иллюзии вонючую, колющими, пристающими к обнажённому бесчестию уязвимому, слабому телу кусочками рвотой обелённую затхлую деревню, где в шипяще облёкшемся сейчас туповатом, лишь испаряющемся постепенно разрывающимися вертикалями своими тяжёлыми полканами лживом воспоминании рос, правда, придётся долгое время сдерживать себя в везущем меня истовыми неприглядиями обитого фантазмом ржавых лёгких наростов места транспорте, но я смогу: у меня нет иного выбора: приютившая меня там воротком обрубившихся плесканьем непрекращающегося потока смешивающегося основанием своим у самого начала набухших маслянистыми оливковыми сферами бёдер гноя нозьёй семья, когда мне было семь лет, взяла меня только ради вычурно обозначающегося действительным спасением в среде их безденежного существа пособия, отчего за мной в лучшем случае не следили, иногда даже пропуская уподобившийся мне в превратном изуверстве насыщенной шевелящимися безобидными, даже чуть ласковыми крошечными полупрозрачными созданиями подачи корм: вероятно, я бы хотел быть тем же сыном, что и является сейчас мой, я хотел быть слабым добродушным тружеником, однако оказался во враждебной одному факту изрезанного жирными, сочащимися кровомётами шершавых вырезаний собственного воспалениями выживания среде: я невиновен: условная мать моя умерла от тяжёлой, опьянением не сбитой мощью всегда только трескучим хладом отвергающей его набухающей горячим, шевелящимся в жарких глубоких надломах единственно правдивого в среде надуманного мною вокруг того злом психикой слабости руки условного отца, хотя всё благодаря якобы свидетельству наших запуганных протягивавшейся на протяжении долгих, в противном случае полностью изолировавших бы его от столь дерзновенного, страхом возмездия облитого трусостью решения лет угрозой соседей было обставлено под несчастный случай на пруду: сейчас усыновивший меня миазмом искажённого переставленными фатвами властных, вновь воплощающих единственную правду моего ума угроз представлениями явления мужчина стал лежащим, из недавних операций приближающимся к скорой, уже изрядно очевидной его бессонными состоями, о которых я был уведомлён лишь фуксом долетевшим неприятным, заставившим вновь забыться болью того, что я никогда не смогу выбить из своей всё продолжающей выдумывать болезнью спасающие меня уродства, страшнейшие, действительность избавляющие костлявые извращения скорее умильных в воспоминании свершённого за долгие годы родственного, самого разнообразного перистыми радениями третичных обязательств и честных, онтологическим страхом облепленных застывшей непробиваемой бронёй ошибок насилия надо мной существ головы, известием, смерти инвалидом и едва ли способен причинить сейчас он хоть отдалённо приближающийся былым

становлениям его содрогающей во мне не действие, но особенность мысли нерелигиозного толка жестокости вред: надеюсь, в том глубоко просевшем вкопанным в землю ржавым сошником, воняющем мышинным, резко пробивающимся в отёкшие сильнейшими для даже внутренним естеством оправдывающего незлость ребёнка ударами ноздри калом доме не окажется места тяжёлым, способным и одними кондициями массы сповадить моё отрицаемое к забвению его одряхлевших розоватыми, обнажающими напрягающиеся переливами отвердевших, ещё напоминающих о былом непрестанном могуществе его пятен волокна ампутациями конечностей утюгам и горячей, медленно разогревающейся пламенем красноталых жёстких, впивающихся в стекающие шипящими смрадными слизнями некогда кожные покровы излиятий старой печи, дабы я не искушался истеричным вырождением неконтролируемых отяжелений бывшей жизни моей сжечь его или томлёным жесточием мироедческой, внимательно контролируемой моими оправленными густыми власами покрасневшими слезящимися пятами плоти постепенно плавить, предварительно залепив высохший, окающий в припадке необходимого поддержанию здоровья посредством таблеток дела рот свежими, даже оставившими скруглённые нежные несмываемые следы на обтянутых рвущимися губами виридановых опухлостей зубах моих шкурками принесённых любимой, так долго прожившей со мной спасением от безумия кошкой крыс: только она внимательным родительством обезмолвленной женитвы спасала меня в ужасный, уродующий любой приём пищи тошнотной неспособностью проглотить вязкую хлебную крошку голод, когда условные, ещё в оживлённом симбиозе объединённые мразью безнравственности родители месяцами лишь напивались, меня оставляя в обитой многочисленными прочными металлическими листами старой сырой риге под неподъёмным одиноким прикосновением к выставившей себя пред Богом лишь благодаря неталанной встрече с этим ужасом мысли годы замком, чтобы я ничего никому не рассказал в способных преломить соседский страх пред отцом хоть вызовом только облегчившихся моим формальным приспособлением к иным благодаря ненужде дополнительных, официально же обязательных за их бездельной жалобой на лишнее выявление обособленных конкретно абстрактными неуточнениями трудностей проверок органов опеки деталях: только промокшая присохшей к ней отвердевшими кусками столкновения с другими, едва в этой деревне ведущих позволяющую не уродовать коллег сражением за еду жизнь животными кровью кошка прибегала ко мне через чрезвычайно мелкую, вмещающую только одну голову её дырку в сгнившем, оголившем одно кажущийся таковым освободительный, облитый снаружи блеском чуть смятого, оттого и дающему животному вбегать туда в избавлении от иных опасностей серебра проём дерева и позволяла долгими, изрядно исколотыми бездумной физической болью худеющего гаманка уплощающихся, оставляющих меня вне компании этого нежного, мурлыканьем освещающего

нрав пространства последующего существа сил днями согреть влажные, дрожащие лихорадочным потом тела свои: эту кошку тоже убил жестоким, произвольно выставленным предо мною самым отвратительным, с тем и окончательно разрушающим представления о стянутом неверижными тонкими оболочками хоть осевшего в иных безбожном гамом внутреннего, протянутого пышной иллюзией согнутых, цветущих вонью органов уродств приличия человеку видом представлением мой условный отец: он улыбающимся почти беззубым кариозным вонючим гниением ртом говорил, что она просит слишком много подорожавшей еды, хотя почти всегда ей приходилось самостоятельно добывать себе отвергнутое отвратительными, заблёванными крошками съеденной в этой луже умирающим, наказанным как раз за тем бедным животным фасоли мразями пропитание: уехал я от него в четырнадцать лет, хлестким ударом всадив его любимый, на профиле своём ни разу не применённый в тоскливой лени способного только на отрешённое болью окружающих веселящее изуверство существа охотничий, обточенный мною самыми передовыми в таких условиях технологиями нож, что пред тем попросту не мог и срезать без иных замедлений слой тонкий, медвяный в собственных обнажённых нескладочных плоскостях жира, в невымытую, твёрдостью почерневших каменистых материй оббитую одними только щуплыми, заставляющими походить конечность на женскую волосками ногу цвета розовой гвоздики, чтобы он не мешал мне медленным, опечаленным человеческим точечным, ещё требующим подтверждения в забвенных, ведущих с самого начала к подобному выпадению из спокойной, ослеплённой к первичной причине моего тем и образовавшего окно к третичному существа жизни исследованиях естеством шагом сбегать: на обнесённых червивой пухлой гнилью невысоких дверях всегда было множество маленьких, наполовину сломавшихся отломавшимися уступами, но всё продолжающих функционировать колокольчиков, которые невозможно было бесшумно обезвредить и за полчаса: после смерти условной матери условный отец так повышал свой только укрепившийся пред приходящими теперь в качестве замены алкоголиками и наркоманами статус якобы сурового справедливого, преданного обозначенным сентенциям золотевейных нравов человека: несмотря на феноменальную, упрощающуюся ещё и полнейшим отсутствием размышления насчёт человека жестокость и высшую бездумную чёрствость, он очень уважал свою мать выражением тупой, аттической болью, обрадованной пришествию наставившего его на подобный путь изрезанного терния несправедливых окружных осуждений мучителя преданности, мою условную бабушку, и однажды даже заперся с ней в моей пролитой плесенью риге, куда я думал сходить за возделенной, в свободности своего открывания приятнейшей, да тоже оставляющей меня именно с неприглядной верностью бестолковому, мятелью обыкновенной неграмотности сносимому надзирателю тишиной: он расплывчатой артикуляцией размозжённых драками и

падениями челюстей говорил что-то о том, что только она его понимает, что усыновлять детей он с умершей женой начал не из неспособности родить своих, а из честного, оправдывающего удержания преступные искренним воплем детоожидающей торопливой колготы нежелания условного отца быть близким к грязной, отличной от неё женщине: я быстро ушёл: уже тогда я всё понимал, и от окончательно надламывающего мою способность продолжать питаться пойманными в расположенном совсем неподалёку крупном лесу животными омерзения следующей неделей сбежал, забрав с собой все значимые документы: только с выпадающим кровавыми бассейнами вне удачно натянувшей поодаль бедренной вены ножом в ногу условный отец мог допустить такое, хоть мне и с подобным раскладом пришлось точно соблюдать каждые тонкости своего тщательно продуманного заветным освобождением плана: за покровами так пуантелично отверженной несовершенным правлением жестокости, абсолютной неспособности остановиться в агрессивном, утяжелившемся всеобъемлющим становьем жертв его, рыгающих душной, шумящей своими частыми неотмываемыми кисловатыми брызгами плотью, зависимостей порыве отца деревни мне уже ничего не грозило: я знал, что отец на деле чрезвычайно ленив, слаб и труслив: в другой деревне он не просто не смог бы решиться на вырывающиеся изначально только лёгким напоминанием его смехотворной мужицкой природы и постепенно превращающиеся в пьяной решимости в более смелые, обратимые после в полную власть над человеком выкрики угрозы: он без дрожащих непривычной трезвостью коленей едва ли преодолел бы порог хоть одного безобидного дома: я продолжаю кисловатым надвоздушным стенаньем сломавшейся осеми хрупкой, изнеженной сухостью окружного пространства, потрескавшейся глухими праздными немощами фиалой полой орясиной сидеть в кусту растирающего застывшие соскабливающейся щадриной ломкой пенкой, поражающей все отдаления моего безветренного действия голодной боли, покровы мои терния в продолжающем пробираться в глубину остывших непричастностью иссушившихся притяжением отдавленных температурным измышлением далёкого неуместного перевоплощения яств ставов костей холоде: я не знаю, сколь эти воспоминания правдивы: я даже не знаю, воспоминания ли это или только что выдуманный отголосками только трёх принадлежащих некогда сгинувшей оставшимся пигаргом расторгнутых свершений нездоровых обособлений, стирающихся пощёлкиванием доблих, давно отказавшихся желательным от должного, суставов страхом динамики уточнений бред: белки схожи с мышами и крысами: теперь я не могу ничего волевой честностью подталкиваемого людством правдоподобия дополнить или исправить в своей препарированной афакией однородной явленности фантомном подобии обозначенного историей, ибо стоит мне хоть незначительно её поколебать смысловым различием, как с тем же возникнет новая: про внешне благополучную семью с девиантной матерью: про плохую по исправленным

добавочным неуместным осуждением миткалевой лёгкости слухам семью с отчимом-насильником: про многодетную семью со своим устроенным самым определённым, почти комично переливающимся в пустынные забвенных неправдоподобным зрителю несношенному стенаний образов образом синдикатом садистов: про богатую семью с родителями извращённых увлечений: про бедную семью с богатыми, тем обнаруживавшими только второстепенность их прокажённых, протянутых металлическими острыми твёрдыми дугами стонов корнями, отчего изменённые под лад современного омерзительного приятия аристократические манеры заставляют уродовать своё физически большое страшными, вызванными только самостоятельными, сознательно подталкивающими к исполнениям логотипического замысла усилиями недугами существо: каждая из этих обнажённых характеристик пошлой, надставляющей свыше основы неотносительные, самые вторичные обставленностью влияния осевшего диковато вырастающими коралловыми детищами необязательных прахов облишённого правдой испещрения материй инородного грузного, облачённого неправдой отречения от своего истинного, давно осознанного, но вовсе забытого за несодержанным иждивением оставленных прочным костяком омалюдного смышления мыслей удивления вопля дела лёгкими меркурия поверхности семей, теперь думается, принадлежала мне: я не знаю допускаемой подобной номинацией необязательной, в самом существе рассматриваемого разобшённой со связкой туги истинного характеров правды о себе, и знать её невозможно, пока нельзя установить мой человеческий облик, к сожалению, давно за интенсивией перехода прострижения условленный утерянным: я до сих пор не знаю, существовал ли когда-нибудь или существует ли сейчас мой сын, но хотелось бы, чтобы все проведённые со мной часы самого приятного, освобождающего солные жестокие приращения недолжного толка были просто вымыслом, ибо никто не должен сталкиваться с тем ужасом, с каким пришлось и придётся ему сбиться: резко приоткрывшимся влажными, лежащимися друг на друга сальными свечениями устами верхним веком левого глаза я посматриваю на вновь обрётённую обликом моим неисчезнувшим дорогу: никто не знает о моём существовании: нужно пронаблюдать последний девятый грех: всё шло не к тому, да и вряд ли он будет самым запоминающимся в этом стёге лоснящихся зычными, отрывающимися сквозь чудо инаковой, перебившей давно своё расположение послеповестное третичности иглами плотей, однако завершающим: я готов досмотреть финал формирования воплощения онного: я устремляюсь к избегающе волнующейся дрожью сменяющихся бликовых звонких оттенков автомобильной дороге: в оглушающей, эхом раздающейся фортециями своих излишних ограничений тишине сначала бесшумным мягким пробегает присоединённый неравновесным, заставляющим несколько возвышаться над гравитационной тяжбой привычного щебетом проводимых гамов устроения шлёпаньем пуповиной к маленькому, щекочущему тропинку свою

рассыпающимися радужными, поглощающими частично рассмотрение его шевелящимся под тем небокругом пятнами волчонку цвета французского серого с человеческой укрупнённой безвласой румяной рукой вместо головы и семенящим вбок указательным пальцем на месте хвоста: он пробегал, с тем стаётеньем полностью стирая свои хлипкие, под конец уже передвигающиеся лишь со значительными уточнениями детские ножки: вновь нависла уже обезшоркающая, совершенно иная тишина остановившейся материи: я что-то забыл: что-то очень важное: будто вчера я потерял разум на внешне малозначительные десять минут, не почувствовав отсутствия логики в едва промелькнувшей связке рассказа: следующими в этом изуродованном осязанием отсутственной плоти параде полетели странные, звонким стоном расширяющие отходящие столкновениями столь белые, что пространство вокруг них всасывалось неприятной, издающей громкие блевки растерзанных продуктивной силой органов горкой, искры хромированных балок: в хаотичном движении своём они шипящей громкостью разрушали друг друга и превращались в гигантскую кричащую массу, тут же дробящуюся на уже тонкие и более чётко структурированные полые летающие трубы, а во время завершения этого шага на них выборочно полился отражённый словно человеческими, изрезанными по краям натяжением окровавленной плоти мордами дождь смешения лилового и тёмно-красного цветов: почти вплотную к ним в сферически повторяющемся движении оттольного выявления крутился заурядный оголённый человек среднего возраста, и крошечный, стонущий шепотливым отражением орган во время того перемещался по всей гигантской поверхности широкой, чёткость свою тем вторжением значительно усиливающей дороги: я забыл что-то важное: следующее естество словно превращало прогалину избранных устремлений в твоё отсутствующее плотно натянутой тусклой браздой сознание, и торчащими, колоссальными в толщине своей ветвями оно вбивалось в крошащийся невероятной, осуждённой под стенаньем пульсирующей метаморфозы лёгкостью асфальт, начиная создавать в нём мощные, вонючие своим неожиданно выявленным воплощением разломы: испарилось это нечто без каких-либо привычных полных преодолений пути: оно будто появилось из ниоткуда, воплощая твой истерзанный и колышущейся меж фантазией памятью кошмар, деформируя сплюсненную стоном сползающего вдоль пристально опускающихся жирными ударами взглядов времени материю: следующим скользила подобная человеку палочная, только на куклу схожая своими неловкими движениями тёмных становлений тварь: в центре её кружились пять изуродованно прочно прикреплённых к поющему жизнью стянувшегося узостью безгласых неизливаний почти металлических толков лица животу трупов разноцветных белок с открытыми всегда к моей стороне, образованными длинными, приклеенными отпадающими врождениями выбеленными зубьями пастями вне зависимости от позиции на параде: дойдя до конца, оно своим выложенным торчащими

клетками вокруг длинной плотной головы граничем стало постукивать к бесконечно непроходимым тернистым удивлённой мгновенным перемещением далью колючкам, в итоге ставь частью этого же зычного куста, оттого почти аккуратным, нежным переливом изменившего цвет на безвкусно яркий оранжевый: я о чём-то забыл: следующими четырьмя существами стали сплетённая в головах танговая, безъязвенная гладкая безвласая плоть непривычных отсутствием ногтей и иных мозолей или отвердений восьми ног и рук, и эта розоватая, словно вырывающаяся ужасом внутреннего чудовищного, иногда проходящего осязанием опасности спеха сущность в итоге просто перевернулась, предпочитавши смотреть на меня улыбчивым, безглазо обёрнутым бессильными поклонениями сдержанной мощи кровоточащим имовитым взглядом, и с каждым долгим оборотом проходящее в порах округлённых колесо это иссушалось, в конце парада только лёгкой серой дымкой обозначив некогда вычурное явление: я что-то позабыл: теперь появилось посреди дороги человекоподобное чудо с тусклой, особенно опийственной бездвижной тьмой облитой головой дельфина вместо таза и ног, и открылись глаза той рыбы вытаращенными необычным подвижием возбуждённого устремления острыми конусами, и каждое отверстие человеческое расплылось в ярком, широким седмичленным гулом обозначенном осторожном фонтане надрыво уставленной к намёту плотных возрождений греховных печали, по истечении разливающейся чистым страданием пастельного тощего безличия лимфы просто похожим образом испарившись глухим, поверхностью конвергенционной слившимся звуком: мне нужно о чём-то вспомнить: вдруг разлитая колебаемым стенаньем поверхность дороги начала разноместно выпадать взрывами смрадной, перевоплощающей нетолчённую ровность снующих выплесков проставляющейся первичием мги белков, и появились леодры проходящих величественным, оплёвывающим ничтожность человеческую треском сквозь эти залежи рассыпающегося под силой подобной жира и кожи зеленоватых твердейших исполинов: долго они пытались пробиться чрез сложные, порабощающие их гуртом восстанавливающегося неестества леса, в конце концов сдавшись и просто их поглотив, и разбухшие тела вновь стали причиной появившихся тонкими выбивающимися полосами остаточных существ лимфомётов, уже истощённых сплетающимися, противоречиво углубляющимися нитями трещинами в земле: всё уличное яство снова привело себя в привычное, мгновением изменившееся переливанием различного состояние: я не могу это забыть, и в мысли всё перестало веселиться и дышать: пошёл длинный отряд из сотни словно абсолютно идентичных человек: ступающий деликатным шорканьем шаг их был выверен каждой давящей на обитое крошкой пользы невротических подготовленностей отстранённое сознание секундой, а безскладочно переставляющая свет солнца горячего форма их совершенно чёрная заставляла пробудиться испугу большему, чем воспалённому

появившимися обособленным ужасом тварями: скорее всего, из-за того, что обезличенно простуженных белёсой кожей солдат этих я видел впервые: вдруг они остановились, повернулись всем непрекаемо одинаковым строем ко мне, отчего примерно половина их теперь парила в бесстрастно повиновавшемся их решётчатой, оправданной накубеньем углекислых изрезаний прихоти воздухе над многотысячкилометровой высотой: они строго посмотрели на меня будто одним почерневшим гигантским лицом, и всяк из десяти рядов начал хаотично крутиться вокруг растягивающей телеса звучными ударами оси, издавая искусственно восстановленные размождением регенерирующих тут же бескровных тел звуки выстрелов автоматов, подложных громких хлюпаний надувающихся невыносимой болью ран и крики восторжествовавших в неконтролируемой спесивости этих пепельных пёстрых стихий насилований, порывающиеся дрожью рвущихся связок стоны умирающих, и длилась эта отвратительная, давящая воображаемыми позами издевательски улыбающихся бессмертию своему пред пышной невидимой дымкой подверженных пытке страды зависимого гражданских солдат агония примерно с месяц, и месяц я наблюдал повышающейся аммиачной звонкой резкости утешных болезней вид, желая только окончательно обрести своё словно приближающееся томлением исчезающих фигур отвратительных освобождение, как снова издан был истошный, звуком рождения ознаменовавший мучительную смерть вопль, нежеланным страхом перенёсший меня домой: я сидел на холодном, отекающем следом на неоголённых, застывших продолжительным нехлебестаньем бёдрах унитаза, раскрытыми высушенными пожухлостью выставленных набухшими, окрашивающими пространство всё окружнее сосудах краснот глазами безодёжно встречая слезливые, напыщенные очевидной, испариной покрывающей его лососевые лбы злобой взгляды сына: я подошёл к нему и постарался прежней бездумной ложью обнять, но он свойственной искреннему отвержению ледащих оправдываний силой оттолкнул меня, выкрикнув искристой зычной хрипотой, что теперь я не считаю его своим сыном, раз не принимаю так набатно предлагаемой удобством выдавленного желанием благим образом вмешаться оркестра помощи: впервые он повысил на меня неожиданно вросший уже почти мужским тембром голос, и я вспомнил, о чём всё-таки забыл, что и начал сейчас рассказывать ему в постепенно подкладывающихся иудушкинским неприглядием под его отрицательную ласку движениях: я сказал, что восполнить провал в подобным образом искажённой турманым переворачиванием памяти очень тяжело, однако из серьёзной, отказывающейся от внедрения его в свои дела лишь глубиной нежелания мотивировать излишние, на деле же действительно обнажённые моей неспособностью признать подобное совершенное создание своим ребёнком переживания любви к нему я весь сегодняшний день старался вспомнить один, казалось бы, незначительный эпизод вчерашнего вечера, сейчас всё же обратившийся во мне в полноценное, былым притиновым забытьём

простуженное знание: любимая птица моего сына — это лусонский кровавогрудый куриный голубь: на показанных мне фотографиях его был облик слегка причудливого глазу моему существа с выделяющимся круглым тельцем и плавно переходящей к голове немощной истончением привычной плотности шеей: глаза чаще изображали беспросветную, за тем всё же приятную, облегающую его мягкое тельце невозгушёнными миру этому ягодками тьму и были направлены на словно привычного заинтересованной в том птице фотографа, окрас туловища боковыми, освобождёнными особенно чёткой белой, пёрышками еле скованной чуть опадающими нежными тенями полосой строениями отдалённо напоминал обычного сизого голубя, если бы не странные, как показалось лично мне, более плотные и яркие, что, впрочем, может быть объяснено самыми разными заурядными причинами, лапки: яркое или слегка тёмное в различных картинках и более похожее на действительный укушенный, заросший окрасившимся оперением след от раны кровавое бурдовое пятно на ниспадающей тем же белым аккуратным шлейфом груди: рассказ мой сын выслушал со спокойным, мудрым, оставившим былую наполненность возбуждённых глухим лопаньем вен лицом: кажется, он всё ещё верит мне: я в бессловесном распоряжении обоюдосторонних печалей отвёл его спать: уже второй час ночи: я бесшумно целую сына в остывший гладкий лоб, поворачиваясь к исправленной привычной тьмой двери: раз уж я здесь, необходимо взять телефон, деньги, документы и все остальные необходимые вещи, и стоило мне свершить только беззвучно стукнувший о поглотивший грациозно пролетевшим сквозь пространство комнаты прохладно-тёплым зефиром пол шаг, как лицо моё оказывается прислонённым к будильнику: окровавленной свежей, воняющей колким огрублением облачившейся чёрными, сверкающими в едва различимом отдалении пунцовой ниточкой соками отавы массой левой рукой я держу не менее испачканные затмением иных видов часы: сейчас три часа ночи, и вдруг дыхание моё на отсчитываемое двадцатью вырезающими хрящи телес твоих убиенной изочеством происхождения моего лихорадки секундами время остановилось: кажется, я понял, что произошло, однако не хочу убирать от обмокшего часто капающей волосниками сдерживаний моих влагой переда это устройство, дабы хоть на секунду продлить свою прекрасную, обмывающую золотистым благоуханным стечением лепту неведения, чему мешает представшая в левом нижнем, ещё могучим даром фокусирующем взгляд размытом углу изуродованное радостной, отёкшей сгустками липких непривычных смрадов гримасой лицо моё, тут же повернувшееся обратно и тлеющим костлявой, выбивающей кверху образования свои истинные согрой тело, направившее тому же дрожащему утратью радужных, строгостью семенящих среди чёрного, бесцветно отрешённого от мира иного окончательным свершением гула переливов произволю, издавая звонкий хруст осевших нечеловеческим былым усилием суставов и растянутых приложенной невероятной силой

костей: будильник от страха пока только потенциально увиденного просто выпал из выкрикнувших хладом бестелесных осязаний рук: я на держащих мою привставшую, теперь тоже ощущающую разрывающую облитые стоном ощущаемого жвавого стелания позвонки боль спину коленях смотрю на находящееся передо мной: разорванный в небрежно отставленные друг от друга треснувшей высушенной капьлой тицианового светлого воплощения тканью клочья труп моего сына: на месте бывшего рта в оторванной от сломленной множественными изгибами толстых, лоснящихся глориановым бесцветием борозд хребта, умытого тёмной, плескающейся щебетом крошечного, продолжающего пока сливать собственные густые ноши ручейка кровью голове с вытягивающей за собой длинный, переходящий холмистыми акрополевыми вынуждениями белёсый позвоночник со стекающими с себя частыми, почти непрерывно образующими аккуратную нетолстую линию каплями винного цвета рдяностью, находится вывернутый точёной блестящей круглой, выставленной далее привычным ярким, обнажившим самые неприглядные подробности устройства своего шлангом складкой жом телесного излишия, оставшуюся кожу натянувший связанными недлинными, разрезанными иногда на несколько удлинившихся плоскостей сухожилиями на оставшиеся условленностью от разможжённого капаньем неостановившихся нереляционных продолжительных измышлений лица уши: грязной небрежностью стянутый скальп показывал толстые ошмётки чуть объединившейся тяжестью свёрнутого привычного сжатия плоти, так нежно касающейся свёрнутых в корону длинных, истерзанных поисками обтянутых мясистыми сваями плотной руды сухожилий ног и наделённых нарывами уже более пышных саманных опущений рук: к значительно отяжелевшей изрядным напряжением главе сверху торчащими из черепа жирными длинными гвоздями были прибиты некрупные, только небольшие бугры, образующие своей добавочностью самые основания отрубленных плечей, длинные, приклеившие собой ещё оставленные пятна половой пыли и множественных влас стопы закрывали уши мощными, срабатывающими на должность удивительно выставленного равновесия штыками и удерживали еле остающийся на месте своём крупный жом: ноздри подобными средствами были, подобно чуть приоткрытому в этом уродстве яркому рту, натянуты чуть влево, а глаза опустошённым природным несмыканием глядели прямо на меня, так и не выразив ничего конкретного, и упал один тонкий локон с почти полностью ободранного безвласостью генетической лба, и в обитой пенниковым теплом комнате в лужу крови площадью едва ли не во весь пол квартиры и даже в половину поверхности шершавой светлой стены послышался глухой хлюпающий треск: плохо прибитое основание правого плеча оторвалось от вытянутых в темноте излишней непродуктивной силой гвоздей, упав со своим продолжением на мокрую, с тем выпустившую несколько впитавшихся потом обратной тропой пузырьков кровать, и шлепком этим выдернутый позвоночник явил

трущийся молчаливым вонючим шелестом звук окончательно упавшей с некогда поддерживающей этот значительный узор изливающихся излишеств вбитым в матрас недолговечным ядром швабры плоти умершего: моё имя — Вивьен Александрович.